

ГРОССМЕЙСТЕРЫ
ТАЙНОЙ ВОЙНЫ

АЛЕКСАНДР
СЕВЕР

ВОЛКОДАВ
СТАЛИНА

ПРАВДИВАЯ ИСТОРИЯ
ПАВЛА СУДОПЛАТОВА

Annotation

Павел Судоплатов - легендарный советский разведчик-ликвидатор. Он лично уничтожил главу Организации Украинских националистов Коновальца, который был учителем Бандеры; руководил операцией по ликвидации Троцкого; руководил диверсионной работой в тылу противника в годы Великой Отечественной войны; громил бандеровское подполье после нее и курировал проект по похищению американских атомных секретов. А после смерти Сталина оказался «врагом народа» и 15 лет провел в лагерях.

Известный историк Александр Север впервые, на основе архивных материалов, представляет самую полную и правдивую биографию величайшего диверсанта XX века.

-
- [Александр Север](#)
 -
 -
 - [Предисловие](#)
 - [Глава 1. Городок провинциальный](#)
 -
 - [Босоногое детство](#)
 - [«Мы наш, мы новый мир построим»](#)
 - [Боец Красной Армии](#)
 - [Из Никополя в Одессу](#)
 - [Снова боец Красной Армии](#)
 - [Глава 2. Пограничник и комсомольский работник](#)
 -
 - [Пограничник](#)
 - [Мирная передышка](#)
 - [Глава 3. На службе в Украинском ГПУ](#)

-
- [Служба в Мелитополе](#)
- [На повышение в Харьков](#)
- [Трудовые будни чекистов](#)
- [Путевка в большую жизнь](#)
- [Глава 4. Из Харькова в Москву](#)
 -
 - [Кто помог?](#)
 - [Командуя кадрами в Москве](#)
 - [Западноукраинские националисты против советских интернационалистов](#)
 - [Лебедь-Хомяк](#)
 - [Кругом одни враги](#)
 - [Начало большой войны](#)
 - [Дан приказ ему на Запад](#)
 - [Секретная миссия](#)
- [Глава 5. Под псевдонимом «Андрей»](#)
 -
 - [На финской земле](#)
 - [«Диета» по-оуновски](#)
 - [В Берлине и Лейпциге](#)
 - [Долгий путь домой](#)
 - [Новое задание](#)
 - [Взрыв в Роттердаме](#)
 - [Личный «крот» Павла Судоплатова](#)
- [Глава 6. «О времена, о нравы»](#)
 -
 - [Допрос с пристрастием](#)
 - [«Чистильщики» из ЦК ВКП\(б\)](#)
 - [«Допрос с пристрастием» – 2](#)
- [Глава 7. Утиная охота](#)
 -
 - [Лев Троцкий и Кремль](#)
 - [Палач и диктатор во главе Красной Армии](#)
 - [Поезд Льва Троцкого](#)
 - [Балалайка революции](#)

- [Когда Москва решила нейтрализовать противника?](#)
- [Дан приказ им в Новый Свет](#)
- [Павел Судоплатов начинает действовать](#)
- [Охотники](#)
- [Палачи или жертвы?](#)
- [Художник, рисовавший смерть](#)
- [«Альпинист» с Лубянки](#)
- [Финал утиной охоты](#)
- [Спасти любой ценой](#)
- [Глава 8. Руководя германским направлением внешней разведки](#)
 - [На главном направлении](#)
 - [В роли дипломата](#)
- [Глава 9. Из разведчиков в партизаны и диверсанты](#)
 - [Армия «партизан с Лубянки»](#)
 - [О чем не писали в книгах](#)
 - [Если завтра война](#)
 - [Рождение партизанского движения](#)
 - [Особая группа](#)
 - [Борьба с парашютными десантами](#)
 - [Рождение Четвертых отделов](#)
 - [От Особой группы ко Второму отделу](#)
 - [Организация подполья в населенных пунктах](#)
 - [Рождение Четвертых управлений НКВД-НКГБ](#)
 - [Новые задачи](#)
 - [Когда отгремел победный салют](#)
- [Глава 10. Бои на фронтах «холодной войны»](#)
 - [Во главе разведывательно-диверсионной службы](#)
 - [Ликвидируя врагов советской власти](#)
 - [Холодная весна и лето 1953 года](#)

- [Глава 11. Владимирский централ](#)
 -
 - [В тюрьме](#)
 - [Борьба за освобождение](#)
- [Глава 12. Последний псевдоним](#)
 -
 - [Рождение «Андреева»](#)
 - [Борьба за реабилитацию](#)
 - [Наставник молодежи](#)
 - [Нежелательный свидетель](#)
- [Заключение](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)

- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)

- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)

- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)

- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)

- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)

- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)

- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)
- [265](#)
- [266](#)
- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)
- [270](#)
- [271](#)
- [272](#)
- [273](#)
- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)

- [277](#)
- [278](#)
- [279](#)
- [280](#)
- [281](#)
- [282](#)
- [283](#)
- [284](#)
- [285](#)
- [286](#)
- [287](#)
- [288](#)
- [289](#)
- [290](#)
- [291](#)
- [292](#)
- [293](#)
- [294](#)
- [295](#)
- [296](#)
- [297](#)
- [298](#)
- [299](#)
- [300](#)
- [301](#)
- [302](#)
- [303](#)
- [304](#)
- [305](#)
- [306](#)
- [307](#)
- [308](#)
- [309](#)
- [310](#)
- [311](#)
- [312](#)

- [313](#)
 - [314](#)
 - [315](#)
 - [316](#)
 - [317](#)
 - [318](#)
 - [319](#)
 - [320](#)
 - [321](#)
 - [322](#)
-

Александр Север Волкодав Сталина. Правдивая история Павла Судоплатова

*** * ***

*Смотри с высоких башен, и будет
видна дорога.*

М. Чюрленис

Предисловие

Утром 27 августа 1996 года около здания, расположенного на территории «шестигранника» (Центрального военного клинического госпиталя ФСБ РФ), собралось множество людей. Все скромно одетые, с очень умными и рано постаревшими лицами. Многим из присутствующих за восемьдесят лет. На похороны своего командира пришли ветераны разведки и спецназа – нелегалы, партизаны, диверсанты. В годы Великой Отечественной войны они сражались в тылу врага за линией фронта. После ее окончания участвовали во множестве тайных боевых операций «холодной войны». Если бы они в тот день надели свои боевые награды, то вес присутствующих увеличился бы на тонну. Они настоящие герои, эти люди, но Родина любит их меньше, чем они ее^[1].

А к человеку, с которым они пришли проститься, Родина отнеслась еще суровей. В тридцатые – пятидесятые годы прошлого века он сыграл одну из ключевых ролей в предотвращении братоубийственной войны на территории Украины, развязанной западно-украинскими националистами. В годы Великой Отечественной войны создал свыше двух тысяч разведывательно-диверсионных групп, некоторые из которых трансформировались в многотысячные партизанские бригады. После ее окончания участвовал в советском «атомном проекте» и руководил созданной на территории Западной Европы и Ближнего Востока разведывательно-диверсионной сетью.

Руководство СССР оценило его боевые заслуги перед Родиной специфично. Точно так же, как в 1937 году, когда в результате репрессий погибли лучшие люди страны. В августе 1953 года его арестовали и по

сфабрикованному уголовному делу приговорили к пятнадцати годам тюремного заключения. Он полностью отбыл весь срок наказания. После освобождения в СССР о нем запрещено было вспоминать. О боевых подвигах его подчиненных в годы Великой Отечественной войны в Советском Союзе было написано свыше пяти тысяч книг, но ни в одной из них вы не встретите имя их командира. В лучшем случае упоминается безымянный генерал.

Ситуация кардинально изменилась в середине девяностых годов прошлого века. В газетах начали появляться статьи об этом человеке, а затем, сначала на Западе, а потом и в нашей стране, была издана книга его воспоминаний «Разведка и Кремль»^[2], сразу ставшая бестселлером. Многочисленные западные и отечественные читатели хотели услышать от одного из непосредственных участников подробности множества тайных операций Лубянки, начиная от убийства Льва Троцкого и заканчивая полным списком советских «атомных шпионов». Когда они удовлетворили свой информационный голод, то решили больше узнать и о самом рассказчике.

Фактически Павел Анатольевич Судоплатов прожил две непохожие друг на друга жизни.

Первая из них подробно и красочно описана в мемуарах «Разведка и Кремль», а также в «дневниковых материалах и расшифрованных магнитофонных записях»^[3], ставших основой его книг: «Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год»^[4], «Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930–1950 годы»^[5] и «Победа в тайной войне. 1941–1945 годы»^[6], – опубликованных после 1996 года. О нем в своей книге «Тайная жизнь генерала Судоплатова. Правда и вымысел о моем отце»^[7] рассказал его сын Андрей.

По прочтении этих книг вспоминается четверостишие Александра Твардовского, написанное им в 1943 году:

И скажут, честь воздав сполна,
Дивясь ушедшей были:
Какие были времена!
Какие люди были!^[8]

Благодаря этим мемуарам стали известны подробности о многих (но не всех) операциях ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ СССР, в которых главный герой нашей книги принимал активное участие или руководил их проведением. В силу ряда объективных и субъективных причин Павел Анатольевич Судоплатов рассказал не обо всем, что с ним произошло за время службы на Лубянке. А попытки других людей дописать его биографию в ряде случаев привели к неточностям и ошибкам.

Вторая жизнь главного героя нашей книги лаконично и сухо отражена в многочисленных документах, рассекреченных лишь в последнее время. И в воспоминаниях тех, кто встречался с ним в разные годы его жизни. В них он предстает перед нами обычным человеком со своими достоинствами и недостатками.

И здесь вспоминаются строки, написанные еще в XI веке иранским математиком, астрономом, философом и поэтом Омаром Хайямом:

Мы источник веселья – и скорби рудник,
Мы вместилище скверны – и чистый родник.
Человек, словно в зеркале мир, – многолик,
Он ничтожен – и он же безмерно велик^[9].

Мы расскажем о второй жизни Павла Анатольевича Судоплатова. Ее подробности отражены во множестве секретных документов. А они, в отличие от людей, лишь беспристрастно фиксируют происходящее и не пытаются приукрасить или очернить жизнь человека. Поэтому мы сознательно отказались от собственных комментариев изложенных в них фактов. Пусть каждый сам определит свое отношение к тому или иному поступку главного героя нашей книги.

Глава 1. Городок провинциальный

«Родился 7 июля 1907 года в уездном городе Мелитополе Таврической губернии»

У каждого из нас есть малая Родина – место, сыгравшее ключевую роль в нашей жизни, неважно, обозначено ли оно на географической карте и сколько людей жило по соседству. Там прошло наше детство и оттуда мы ушли во взрослую жизнь.

В биографии главного героя нашей книги провинциальный украинский город занимает особое место. Там он родился и прожил двенадцать лет голодного, но, наверное, счастливого и беззаботного детства. Оттуда он ушел на Гражданскую войну, много раз встречался с одетой в белый саван старухой с косой, был в белогвардейском плену, беспризорничал в Одессе...

И однажды он вернулся в родительский дом.

Босоное детство

Павел Анатольевич Судоплатов родился на Украине в городе Мелитополь 7 июля 1907 года в интернациональной семье (отец - украинец, а мать - молдаванка). Судьба его была предначертана заранее - трудиться всю жизнь в торговле или сфере обслуживания. Если повезет, то приказчиком в одной из 350 городских лавок, а если нет, то, как и отец, перебиваться случайными заработками на рынке. За свою жизнь Анатолий Судоплатов, а умер он в 1917 году от туберкулеза (как тогда принято было говорить - от чахотки), успел поработать разнорабочим, пекарем, булочником и официантом. Жена занималась ведением домашнего хозяйства и воспитанием пятерых детей. Семья жила бедно - арендовала двухкомнатную квартиру в маленьком одноэтажном доме, принадлежавшем домовладельцу Хроленко.

Спустя много лет Павел Анатольевич Судоплатов напишет о первых годах своей жизни так:

«...меня крестили в русской православной церкви на день Петра и Павла. Мое начальное образование включало в себя изучение Нового и Ветхого Завета и основ русского языка, поскольку в царское время преподавание украинского в школах запрещалось. Пользовались им лишь в качестве разговорного. До десяти лет, пока не умер отец, у меня было самое обычное детство. После его смерти заботы о семье легли на плечи матери и старшей сестры»^[10].

Следует кратко рассказать о необычной истории края, где прошли детские годы героя нашей книги. В древности причерноморские степи, где спустя много веков родиться Павел Анатольевич Судоплатов, населяли скифы. Потом их сменили сарматы, и затем в течение последующих веков через этот край прошли многие другие кочевые племена: гунны, авары, хазары, угры, печенеги и торки. В X - XII веке значительно дольше других задержались в этих краях половцы, кочевья которых простирались на огромной территории между Дунаем и Волгой. Именно здесь в 1103 году на реке Сутень-Молочной русские князья разгромили половецкие вежи.

Татарское нашествие надолго превратило край в Дикое Поле, в котором не было никаких поселений. До семидесятых годов XVIII века Дикое поле оставалась незаселенным местом. Успехи русской дипломатии и оружия позволили начать колонизацию этих южных земель. Первыми поселенцами стали киргизы, переселенные сюда с Кавказа, хотя они вели кочевой образ жизни и только на зиму поселялись в аулы. Правительство Российской империи начало активное заселение этого края. В первую очередь сюда селят иммигрировавших из Западной Европы колонистов, а так же российских духоборов [\[11\]](#).

В начале XVIII века возникла Ново-Александровская слобода. В 1806 году в ней насчитывалось всего лишь семь хат. В 1814 году в слободе была построена первая деревянная церковь. Посетивший в тридцатые годы XIX века Ново-Александровку работник Днепровского уезда описывает ее как большую деревню, оживлявшуюся непрерывно идущими через нее многочисленными обозами. Вот это селение Ново-Александровка и было переименовано 7 января 1842 года в город Мелитополь.

Новому городу был предоставлен ряд льгот, в первую очередь купцам и мещанам. Началось активное строительство. Вот только основная масса населения проживала в землянках, а уездные учреждения первоначально были размещены в крестьянских домах.

Неприветливо встретило местное население приехавших с учреждениями чиновников. Крестьяне ни за что не хотели принимать их в свои хаты. Пришлось пришельцам временно расположиться табором в новом уездном центре.

Зато заезжим купцам крестьяне были рады. Началось стремительное развитие торговли. Многочисленные богатые духоборческие села и немецкие колонии стали основным поставщиком различной сельскохозяйственной продукции. В силу своего географического положения Мелитополь оказался на пересечении торговых потоков между Крымом и центральной Россией.

В начале прошлого века в Мелитополе проживало около пятнадцати тысяч человек. Большинство из них, говоря современным языком, трудилось в сельском хозяйстве, торговле и в сфере обслуживания. Ежегодно в городе проводилось три ярмарки – Петропавловская, Казанская и Провидская, – на которые съезжались продавцы и покупатели со всей Таврической губернии^[12]. До Октябрьской революции город экспортировал за границу зерно, тонкорунную шерсть и скот. В Мелитополе функционировало несколько хлебных контор, банки и Общество взаимного кредита. Через эти учреждения местные и приезжие предприниматели совершали крупные оптовые сделки по купле-продаже различных партий товаров.

Была развита в городе и промышленность. Тридцать предприятий (завод братьев Классен – сельскохозяйственное оборудование, мастерские

Лозово-Севастопольской железной дороги, винокуренные заводы Половцева, Хохловкина и др.) производили продукцию на сумму свыше двух миллионов рублей в год. Для сравнения - оборот городской торговли оценивался в 4,5 млн рублей в год.

В Мелитополе в 1895 году начала работать первая городская электростанция. Вырабатываемая ею электроэнергия поступала в частный театр, живописный летний сад; немного ее отпускалось для освещения центральных улиц города.

В конце XIX века в городе появился водопровод. Он оказался седьмым на Украине после двух киевских (артезианского и речного), одесского, юзовского (Донецк), бахмутского (Артемовск) и черниговского. Вот только пользоваться им могли лишь жители богатых кварталов - местные помещики и купцы. Центральные улицы Мелитополя к концу прошлого века были вымощены булыжником.

В городе работала больница, церковно-приходские школы^[13], реальное училище^[14] и женская гимназия. Если бы не Октябрьская революция, то Павел Анатольевич Судоплатов после окончания церковно-приходской школы мог бы попытаться поступить в реальное училище, но смена власти в стране повлияла на жизнь почти всех ее граждан, в т. ч. и главного героя нашей книги.

В 1830 году на центральной площади Мелитополя, вместо построенного ранее деревянного молельного дома, был возведен величественный храм Святого Александра Невского. К сожалению, в 1936 году этот памятник архитектуры был разрушен, и теперь о его красоте мы можем судить только по редким фотографиям. Бывал в нем и маленький Павлик Судоплатов вместе с родителями.

С утра до вечера на центральной площади города былолюдно, весь день вокруг храма торговали снедью и сельхозпродукцией, это было удобно всем. Вскоре площадь перед храмом получила название Базарной. Со временем на ней расположились и лошадиные торги, бойко шла торговля сельхозскотом, зерном, мукой и прочей сельхозпродукцией. Часто здесь бывал и герой нашей книги.

Жители Кручи (ныне окончание улицы Пушкина) всегда больше других пользовались дарами реки Молочной – она протекает рядом. А удовольствий на реке было много: зимой катание на коньках, летом – катание на лодках, ловля рыбы и раков и, конечно, купание, особенно для детей. Наилучшее место для купания было в полукилометре к востоку от конца улицы, там, где к реке подходят огороды Вознесенцев. Имя этому месту – «Белый домик».

Под «Белым домиком» были отличные условия для купания и прыжков в воду: пологий спуск к реке, песчаное дно, ширина реки (до 50 метров), большая глубина и чистая вода. С восточной, Вознесенской, стороны был крутой обрыв, откуда с трехметровой высоты, разогнавшись, прыгали в воду купальщики. Среди них был Павлик Судоплатов.

Рядом с пляжем, на излучине реки, по левую руку высился двухэтажный беленный известью дом. Он был небольшой, без архитектурных затей – не чета многим современным «хатынкам» на дачных участках. Дом был виден издалека, особенно с возвышенности, и во все времена всеми назывался «Белым домиком». Вокруг был обширный сад и виноградник, предмет вожделения детей-купальщиков.

«Мы наш, мы новый мир построим»

Первая мировая война, а затем Февральская революция почти не отразились на политической жизни города. Новости из столицы Российской империи доходили сюда с опозданием. Мелитополь продолжал жить размеренной и сонной провинциальной жизнью. Обстановка начала медленно меняться к осени 1917 года. Домой начали возвращаться распропагандированные большевиками солдаты царской армии. В отличие от военнослужащих запасных частей, всю войну проведших в Петрограде, фронтовики были настроены менее радикально. В большинстве своем они не ратовали за смену политического строя, а просто хотели отдохнуть от тягот окопной жизни. Поэтому захват власти большевиками в городе прошел как-то буднично и почти не отразился на жизни обывателей. Хотя это было затишье перед кровавой бурей.

В семье Судоплатовых 1917 год был связан с личной трагедией – умер ее глава, и вся тяжесть заботы о подрастающих детях легла на вдову и ее старшую дочь. А вот рассчитывать на помощь сыновей матери не приходилось. В 1918 году Николай Судоплатов вступил в одну из городских частей Красной Гвардии, а в 1920 году стал бойцом войск внутренней охраны республики (ВОХР), которые в годы Гражданской войны вместе с частями Красной Армии сражались на фронте. В 1922 году он служил в пограничных войсках и погиб на советско-польской границе.

В автобиографии, написанной в ноябре 1946 года, главный герой нашей книги сообщил сведения о судьбе своих братьев и сестры:

«Надежда по профессии бухгалтер, работает в системе Министерства медицинской промышленности в Москве... Старший брат Григорий, член ВКП(б), после демобилизации из Красной Армии, в январе 1946 года, вернулся на хозяйственную работу и в настоящее время является директором Киевского консервного завода Министерства пищевой промышленности СССР. Младший брат Константин – член ВКП(б) работает сейчас зам. нач. отделения Управления МГБ по Московской области»^[15].

Занятые борьбой за выживание члены семьи Судоплатовых мало обращали внимание на события, происходящее за пределами Мелитополя. Как и большинство горожан, к политике они подходили с практической позиции. Их в первую очередь интересовало собственное благополучие, а не стремление большевиков построить новое общество.

А между тем на Украине события развивались стремительно. В Киеве 20 ноября 1917 года Центральная рада провозгласила Украинскую народную республику (УНР) в составе России. Прошедший в Харькове в декабре 1917 года Первый всеукраинский съезд Советов объявил Центральную раду вне закона и 25 декабря 1917 года провозгласил Украинскую социалистическую советскую республику со столицей в Харькове. В декабре 1917 года – январе 1918 года на территории Украинской народной республики большевики смогли установить советскую власть в Одессе, Полтаве, Кременчуге, Николаеве, Херсоне и других городах. В этих условиях Центральная рада 24 января 1918 года объявила Украинскую народную республику независимой от Советской России. Реакция Москвы на это событие последовала незамедлительно. В Киеве 8 февраля 1918 года была провозглашена

советская власть. Еще до этого события, в январе 1918 года, образована Донецко-Криворожская советская республика и Одесская советская республика; в феврале советская власть утвердилась по всей Украине (за исключением части Волыни, куда бежала Центральная рада).

Сам Павел Анатольевич Судоплатов вспоминал о том периоде так:

«Мое восприятие событий того времени можно считать типичным для семей с низким достатком, которым нечего было терять. Вполне естественно, я всей душой поверил, прочтя написанную Бухариным “Азбуку революции”, что общественная собственность будет означать построение справедливого общества, где все будут равны, а страной будут управлять представители крестьянства и рабочего класса в интересах простых людей, а не помещиков и капиталистов»^[16].

Между тем пламя Гражданской войны разгоралось с удвоенной силой. В феврале – апреле 1918 года германо-австрийские войска оккупировали почти всю территорию Украины, где была вновь восстановлена (согласно статье VI «Мирного договора» от 3 марта 1918 года («Брестский мир»)) Украинская народная республика. Также, согласно указанной статье, Россия должна была вывести свои войска с территории Украины и «прекратить всякую агитацию или пропаганду против правительства или общественных учреждений Украинской Народной Республики». Хотя УНР просуществовала недолго. В результате военного переворота (при поддержке Германии) 29 апреля 1918 года власть в стране захватил бывший генерал-лейтенант российской армии и гетман Украины Петр

Павлович Скоропадский. Новый правитель страны разогнал Центральную Раду, упразднил УНР и ввел на Украине единоличное диктаторское управление. Хотя он продержался у власти недолго. В декабре 1918 года диктатор был вынужден подать в отставку и эмигрировать в Германию. А 26 декабря 1918 года Украинская держава была сменена Украинской народной республикой.

В декабре 1918 года, из-за революционных событий в Германии и Австро-Венгрии, капитуляции Германии перед державами Антанты и аннулирования правительством РСФСР Брестского договора, войска Украинской советской армии перешли в наступление на Черниговском, Киевском, Сумском и Харьковском направлениях. Первоначально наступление развивалось успешно. Например, в январе 1919 года удалось захватить Харьков.

Наступивший 1919 год принес на Украину огонь новых сражений. 4 января по постановлению Реввоенсовета Республики (РВСР) на базе войск Украинской советской армии был образован Украинский фронт под командованием Владимира Александровича Антонова-Овсеенко. Войскам фронта противостояли воинские формирования правительства Украинской Директории, сменившей в ноябре 1918 года режим гетмана Петра Павловича Скоропадского, войска белогвардейского генерала Антона Ивановича Деникина и Антанты, захватившие Крым и ряд южных губерний Украины. Части германо-австрийских интервентов спешно покидали украинскую территорию, избегая боевых столкновений с соединениями обеих противоборствующих сторон.

Кровавая круговерть Гражданской войны не обошла стороной и провинциальный Мелитополь. Все события 1918 - начала 1919 годов с калейдоскопической

быстротой промелькнули перед глазами одиннадцатилетнего Павлика Судоплатова.

Он видел, как в город входили колонны кайзеровских солдат в тяжелых стальных шлемах, с плоскими штыками, примкнутыми к винтовкам. Населению было объявлено, что германская военная администрация не потерпит каких то бы ни было беспорядков и саботажа, но будет приветствовать дисциплину и хорошую работу. На перекрестках появились солдатские патрули, тупорылые шестидюймовые гаубицы, станковые пулеметы. По улицам, пугая обывателей своим чудовищным видом, разъезжали тяжелые броневики «Бюссинг», а по ночам близ города стучали винтовочные выстрелы. Это в Волчьей балке интервенты расстреливали тех, кого подозревали в связях с большевиками либо в саботаже. И на какое-то время немецкое лязгающее слово «орднунг» – порядок – стало одним из самых популярных слов в Мелитополе.

Следом за германскими войсками в городе появились гайдамаки гетмана Скоропадского: щирые дядьки и гарные парубки в высоких папах, широких шароварах и синих жупанах, с головы до ног увешанные холодным и огнестрельным оружием. Они курили громадные люльки (трубки), пили горилку, закусывали салом, клялись в своей преданности и любви к неньке Украине, ненавидели кацапов-москалей, коммунистов, жидов и вскоре после своего появления устроили в городе еврейский погром.

Жизнь в Мелитополе и ближайших окрестностях стала беспокойной и опасной. Ночами, а нередко и днем, на улице слышались звуки выстрелов и даже взрывы ручных гранат. Обыватели шептались о действующем большевистском подполье, отрядах красных партизан, оперирующих в районе Молочного лимана, и появившейся в окрестностях города крупной

банде какого-то батьки Шкворня, готового, как утверждала людская молва, жидов живьем есть.

Вскоре Мелитополь покинул германский гарнизон. Немцы дисциплинированно и четко, вместе с броневиками и пушками, выступили к железнодорожной станции Веселое, где погрузились в эшелон и убыли в западном направлении.

А после их ухода власть в городе менялась часто. Город по очереди захватывали банды «зеленых». В январе 1919 года в Мелитополе дислоцировалась 5-я дивизия формирующейся Крымско-Азовской Добровольческой армии.

А затем, вначале неразборчиво и глухо, но скоро отчетливо и ясно, мелитопольцы слышали гул орудийной канонады. Это вела наступление Харьковская группа войск Украинского фронта. Через город потянулись отступающие части петлюровцев. В конце февраля 1919 года их отступление превратилось в паническое бегство. «Тикайте, хлопцы, красные рядом!» - орали петлюровцы, нахлестывая лошадей, запряженных в тачанки. Из подворотен им в спины стреляли подпольщики-большевики. Подстреленные валились на мостовую под копыта коней и колеса тачанок.

И наконец, в ясный мартовский день 1919 года в Мелитополь вошли бойцы Украинского фронта. Население, натерпевшееся страху от кайзеровской солдатни, громил Скоропадского и Петлюры, многочисленных банд, встречало их с ликованием. В толпе ликующих жителей городка находился и Павел Судоплатов. Мальчик с восхищением смотрел на кавалеристов с красными ленточками, вплетенными в гривы коней и нашитыми на мохнатых папахах, усталых пехотинцев и лихих черноморских моряков, перекрещенных пулеметными лентами и увешанных

ручными гранатами^[17]. Хотя советская власть в Мелитополе просуществовала недолго.

Мы не будем подробно освещать ход боевых действий на Украине в 1919 году. Отметим лишь, что после серии весенних побед к первым числам июня 1919 года советские армии Южного фронта оказались в крайне тяжелом положении. Армии разрозненно отходили на новые рубежи в расходящихся направлениях. В частности, 2-я Украинская советская армия – на запад, на Екатеринославском направлении; 13-я на северо-запад, к Купянску; 8-я – на север, на Воронежском направлении; 9-я – на северо-восток, на Балашовском направлении; 10-я – на северо-восток, на Царицынском направлении; 11-я Отдельная армия отходила к Астрахани.

В эти тревожные дни в Мелитополе был объявлен набор добровольцев в Красную Армию. На улицах города появились воззвания и плакаты. На последних, изготовленных местной художественной артелью, был изображен изможденный персонаж в красноармейской форме, которого душил свирепый громила в золотых погонах. «Товарищ, помоги братьям по классу!» – гласила подпись.

Однако пункт записи добровольцев, расположенный в здании ревкома, оставался пустым. Городские обыватели к воззваниям и красочным плакатам отнеслись равнодушно. Оказать помощь братьям по классу изъявило желание около сорока человек, среди них парочка лохматых студентов-недоучек, несколько темных личностей, похожих на уголовников, и двое-трое хитрых мужичков из пригородных сел^[18].

Советская власть в городе продержалась недолго. Уже в конце мая 1919 года белогвардейский Сводно-гвардейский полк под командованием полковника Лукошко пытался захватить Мелитополь. Хотя тогда эта

попытка закончилась поражением. Еще не подозревая о будущей катастрофе, руководство советской Украины 19 июня 1919 года объявило о создании мелитопольской губернии. Вот только стремительное наступление белогвардейцев заставило отказаться от этой затеи. Уже в июле 1919 года из города срочно пришлось эвакуировать представителей местной советской власти. Вместе с ними ушли все активисты, справедливо опасавшиеся репрессий со стороны новых, белогвардейских, властей. Теперь уже никого не требовалось зазывать в ряды Красной Армии, желающих было много. Вот только новые сформированные части были небоеспособны – не было времени на обучение новых бойцов, да и с оружием возникали проблемы. Не хватало его на всех.

Боец Красной Армии

Юный Павлик Судоплатов дважды убежал из дома, чтобы тоже с оружием в руках защищать власть рабочих и крестьян. Живущим в начале XXI века сложно понять мотивы этого поступка. Сейчас дети тоже иногда уходят из дому, но совершают такой радикальный поступок не ради защиты власти. А в годы Гражданской войны множество подростков сражалось по разные стороны баррикад, вместе с взрослыми отстаивая право на жизнь. Одни – на жизнь, где не было богатых, а другие – где бедных. Обе попытки для главного героя нашей книги оказались неудачными. В одном случае он сам вернулся обратно, а в другом его прогнал домой хмурый комиссар одной из красных частей, напутствовав словами: «Сначала, щегол, подрасти»^[19].

Свою боевую биографию он отсчитывал с 26 июня 1919 года. В тот день двенадцатилетний мальчик вместе со своим приятелем стоял в длиннющей очереди за хлебом и болтал о всевозможных мальчишеских пустяках^[20]. Внезапно тревожную и тихую атмосферу провинциального города нарушил цокот копыт, скрип колес подвод и топот множества бредущих людей. По центральной улице Мелитополя двигались отступающие части 2-й Украинской советской армии.

Бойцы шли без строя, смертельно уставшие, многие в кровавых бинтах и грязной, изодранной форме. Некоторые из них срывали свою злость на мелитопольцах интеллигентного вида. Особо нервные бойцы, под одобрительные реплики из рядов отступающих, кулаками и прикладами били подвернувшихся под горячую руку горожан.

На подводах везли раненых красноармейцев. Одни лежали с закрытыми глазами, безучастные ко всему. Другие стонали, плакали и материли остановившихся возниц:

- Трогай, шкура, чего встал! Золотопогонным нас оставить хочешь?!

Рысью шла конница. С грохотом проносились тачанки и артиллерийские упряжки. Пара медлительных волов тащила заглохший броневик.

- Цоб, цоб-цобе, - подгонял животных водитель бронемашины, одетый, несмотря на жару, в кожаные краги, тужурку и галифе^[21].

Вместе с уходящими мелитопольскими рабочими город покинул Павел Судоплатов^[22]. Вот так он ушел в новую жизнь. Об этом эпизоде своей жизни в одной из автобиографий он написал так:

«Километрах в 30 от города, в с. Веселое, комиссар сделал было попытку вернуть меня домой, но из этого ничего не получилось. Я удрал и от него в роту, и бойцы оставили меня у себя. Так дошел вместе с рабочими до города Никополя Запорожской области. В городе Никополе из мелитопольцев был сформирован 1-й Мелитопольский рабоче-крестьянский полк, влитый позже в 5-ю заднепровскую дивизию и переименованный в 1-й ударный полк. В составе полка был и я. В этой же дивизии, в 1-м и 2-м ударных полках одновременно, как позже выяснилось, служил и мой старший брат Николай, впоследствии пограничник, погиб в 1922 году на польской границе»^[23].

Из Никополя в Одессу

В Красной Армии главный герой нашей книги успел прослужить лишь несколько дней. Слабо вооруженный и необученный 1-й ударный полк в районе Карнауховских хуторов был разгромлен частями 3-го кубанского казачьего корпуса генерала Андрея Григорьевича Шкуро. Казачья сотня зашла в тыл полка и, развернувшись в лаву, обрушилась на плохо обученных красноармейцев. Не выдержав стремительного удара, красные обратились в паническое бегство.

Вместе со всеми бежал и Павел Судоплатов. Сзади их неотвратимо настигал конский топот, гиканье и свист казаков. От неминуемой смерти его спасло то, что он с группой однополчан успел ссыпаться в глубокую вымоину, поросшую густым ивняком. Казаки, увлеченные преследованием основной массы бегущих, не останавливаясь, проскакали мимо их убежища. До слуха притаившихся бойцов доносилась беспорядочная стрельба и дикие вопли – в степи шла безжалостная рубка отступающих.

Сначала красноармейцы решили, что спаслись, но они ошиблись. Через короткое время вокруг вымоины послышался конский топот и бряцанье оружия. Поняв бессмысленность сопротивления, бойцы сдались без боя. Просто вылезали наверх и кидали винтовки. Опьяненные легкой победой казаки не стали убивать пленников на месте, а погнали пленных в Карнауховские хутора, где заперли в каком-то амбаре.

Кубанская сотня, занимавшая Карнауховские хутора, устроила грандиозную попойку. Несколько часовых, охранявших пленных, слушая пьяный смех и песни своих боевых товарищей, долго вздыхали,

кряхтели и зло матерились. В конце концов, они не вытерпели и, бросив пост, поспешили к ближайшей хате, где шла бурная гулянка.

Воспользовавшись отсутствием охраны, пленные прорыли подкоп, через который выбрались на свободу и скрылись в степи. В ночной темноте главный герой нашей книги отбился от своих однополчан и остался один (в дальнейшем он больше никогда не встретится с ними).

Рассвет застал главного героя нашей книги у подножия кургана, буйно поросшего ковылем. Поднявшись на его вершину, он огляделся: вокруг простиралась бескрайняя степь. Мальчик решил идти в Никополь, рассчитывая там присоединиться к остаткам своего полка. Приблизительно прикинув нужное направление, юный боец смело отправился в путь. Ближе к вечеру он вышел на широкий тракт. Покосившиеся телеграфные столбы с оборванными проводами точно указывали, в какой стороне находится город.

Павел не знал, что переходит линию фронта, которая во времена гражданской войны являлась условным понятием. Из-за гряды невысоких холмов глухо доносились артиллерийские раскаты, пулеметные очереди, но тракт, до самого горизонта, был пустынен. Однако брошенные повозки, опрокинутая тачанка, трупы лошадей, стреляные гильзы и лужи запекшейся крови говорили о том, что ночью или ранним утром на дороге шел горячий бой. Ориентируясь по столбам, он пошел в Никополь. По пути он встретил несколько красноармейцев из разбитого 1-го ударного полка и уже вместе с ними попал в город.

В Никополе красноармейцев из разгромленных частей влили во 2-й ударный полк 5-й Заднепровской дивизии. Снова процитируем строки автобиографии главного героя нашей книги:

«В этот же период я встретил Николая. Из Никополя, когда туда стали подходить белые, нас эвакуировали, помню, в Кременчуг, по дороге помню я чем-то болел, затем мы попали в Николаев и оттуда в Одессу. Это уже было, кажется, осенью. В Одессе я брата Николая потерял из вида, после того как он в составе одного отряда командованием одесского гарнизона был брошен на 16-ю станцию под Одессой для ликвидации высадившегося там десанта белых. С тех пор до 1922 года я считал Николая погибшим»^[24].

Здесь главный герой нашей книги немного ошибся с датой захвата Одессы. Противник 10 августа 1919 года произвел высадку двух спешенных эскадронов драгун в районе Сухого лимана, без выстрела захватив орудийную батарею. Сразу после этого успеха последовала высадка еще пяти спешенных эскадронов, и белогвардейские части начали движение на Одессу.

Ликвидировать белый десант не удалось. Противник, при поддержке корабельной артиллерии крейсера «Генерал Корнилов», опрокинул красные части и повел наступление непосредственно на город. «Вся Одесская операция была проведена быстро и решительно. Несмотря на очень большой гарнизон, город был взят с минимальными потерями и с большой военной добычей», – отметит в своих воспоминаниях подпоручик конной артиллерии Василий Матасов.

О своем пребывании на оккупированной территории в своей автобиографии Павел Анатольевич Судоплатов пишет скупно:

«Белые заняли Одессу. Я в ней оставался до прихода частей Красной Армии, т. е. до февраля-марта 1920 года. За время пребывания

белых в Одессе я жил как мог: беспризорничал, некоторое время плавал на паруснике по линии Одесса - Херсон, шатался в порту, на базаре»^[25].

В автобиографии ничего не сказано о его попытках установить связь с одесским подпольем. Хотя отдельные авторы утверждают, что такие попытки он предпринимал регулярно, вот только все они закончились неудачей^[26].

Ради исторической справедливости отметим, что большевики не планировали оставлять город и поэтому заранее не позаботились о формировании работоспособных подпольных структур. А срочно созданные резидентуры пришлось распустить «вследствие внутренней провокации и шантажа». В городе действовала Одесская подпольная ГубЧК, но работа этой организацией велась слабо, так как значительное время ушло на подбор «честных работников, которых в Одессе мало, хотя при отступлении... оставалось много коммунистов». Чуть активнее действовали украинские левые эсеры и дружинники одесского комсомола.

Нужно отметить один малоизвестный факт. Для ведения подпольной работы большевикам были оставлены значительные средства, около 15 миллионов рублей. Более того, Москва регулярно присылала курьеров с деньгами. Например, в декабре 1919 года в партийную кассу поступило 500 тысяч рублей. За этими деньгами охотились не только местные бандиты, но и отдельные члены партии. Как отмечалось в отчете подпольного комитета КП(б)У, составленном после освобождения Одессы, «работа протекала в весьма трудных, ненормальных условиях: непрерывная провокация, шантажи и вымогательство, в большинстве провокация и вымогательство идут от членов партии из-

за средств»[\[27\]](#). Так что в такой ситуации подпольщикам было просто не до приема в организацию новых членов.

А 7 февраля 1920 года Одесса вновь стала советской.

Снова боец Красной Армии

В феврале 1920 года Павел Судоплатов вновь вступил в ряды Красной Армии, на этот раз - в роту связи 123-й стрелковой бригады 41-й дивизии 14-й советской армии. В составе этого соединения он сражался во время советско-польской войны.

Это воинское подразделение участвовало в январе-феврале 1920 года в разгроме войск Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России Антона Ивановича Деникина в нижнем течении реки Днестр, затем в обороне Черноморского побережья и Днестра.

В апреле-июне 1920 года дивизия участвовала в боях с белополяками в районе среднего течения реки Днестр, а также в боях против банд петлюровского атамана Юрко Тютюнника; в июне-июле - вела наступление в районе Волочиск - Кременец - Каменец-Подольский; в июле-августе - участвовала в форсировании рек Збруч, Серет, Золотая и Гнилая Липа и освобождении городов Теремовль, Чертков, Галич, Рогатин.

После отступления советских войск из-под Варшавы в августе-сентябре 1920 года 41-я дивизия отошла в район Каменец-Подольского, в районе которого участвовала в ликвидации петлюровских отрядов.

А 21 декабря 1920 года потерявшая в кровопролитных боях часть личного состава 41-я дивизия была сведена в бригаду и влита в 44-ю дивизию 12-й армии, а с января 1921 года вошла в состав Киевского военного округа^[28] под названием 44-я Киевской советской дивизии.

Это подразделение «специализировалось» на борьбе с антисоветскими националистическими

формированиями. Например, зимой 1920-1921 года бойцы дивизии сражались с членами отрядов (численность 300-400 человек) атамана Ильи Струка. В апреле-июне 1921 года атаман еще громил советские учреждения и еврейские местечки на Киевщине. Главными «операциями» Струка тогда стали захваты речных пароходов, что курсировали по Днепру. Было захвачено более двадцати пароходов и столько же барж, буксиров, причем операции сопровождались зверским уничтожением пассажиров - евреев, коммунистов, красноармейцев. Последний раз «банда Струка» упоминается в документах в октябре 1922 года в связи с погромом в Мартыновской волости, в ходе которого было убито 80 евреев. В эти месяцы банда состояла всего из 30-50 человек [\[29\]](#).

Глава 2. Пограничник и комсомольский работник

«С мая 1921 года – письмоводитель, регистратор, машинист-систематизатор ОО 44-й дивизии, а затем Волынского губернского отдела ГПУ, в городе Житомире...»

После окончания советско-польской войны 1920 года главный герой нашей книги мог бы и дальше служить в Красной Армии, сделав карьеру в качестве строевого офицера или политработника (его планировали отправить на ускоренные курсы политработников в Киеве), если бы не случай, который кардинально изменил всю его дальнейшую жизнь.

Существует две трактовки произошедших тогда событий. Первую версию Павел Анатольевич Судоплатов рассказал в уже упоминавшийся выше книге «Разведка и Кремль».

В мае 1921 года сотрудники Особого отдела дивизии попали в засаду, устроенную украинскими националистами, и понесли значительные потери. В Особом отделе срочно требовалось заменить погибших телефониста и шифровальщика. Было принято решение направить на их место главного героя нашей книги, как наиболее подготовленного для этой должности. «Так я был послан на работу в органы госбезопасности. Это и было началом моей службы в ВЧК-КГБ» – позже напишет он в своих воспоминаниях [\[30\]](#).

А вот в автобиографии, датированной ноябрем 1946 года, можно прочесть такой абзац:

«В мае 1921 года Комдивом 44-й (41-я дивизия влилась в 44-ю), после безуспешной попытки органов политотделов определить меня куда-либо на учебу в Киеве, меня направили на работу в Особый отдел 44-й дивизии в городе Житомире. Так началась моя служба в органах ЧК»^[31].

На самом деле процедура приема на работу в органы ВЧК и на службу в войска ВЧК была значительно сложнее, чем можно решить, прочтя два предыдущих абзаца. В Инструкции ВЧК от 21 мая 1921 года указывалось, что для приема в чекистские органы необходимо подать заявление о приеме, заполнить специальную анкету, представить справку с последнего места работы или службы с указанием причин увольнения или перевода, предъявить справку о состоянии здоровья и рекомендации двух членов партии, проработавших в ВЧК не менее одного года^[32]. Хотя описанный порядок приема на службу в органы госбезопасности часто нарушался.

Существовал еще и негласный принцип кадровой политики, сформированный Феликсом Дзержинским и одним из основателей ВЧК Мартином Лацисом. Последней любил повторять: «Белая гвардия состояла из учащейся молодежи, офицеров, учительства, лиц свободных профессий и прочих мелкобуржуазных элементов»^[33]. Понятно, что этим людям доступ в органы ВЧК был строго ограничен. Даже если они и сумели попасть на службу в органы в начале двадцатых годов прошлого века, то к 1937 году их все равно (за редким исключением) изгнали бы из НКВД. Павел Анатольевич Судоплатов не попадал ни под одну из этих категорий.

А «Железный Феликс» был более прямолинеен:

«Если приходится выбирать между безусловно нашим человеком, но не совсем способным, и не совсем нашим, но очень способным, – у нас, в ЧК, необходимо оставить первого... вся суть по-моему, в подборе людей безусловно честных всех и, где нужно, умных»^[34].

В случае с главным героем нашей книги произошло совпадение. С одной стороны, он был «нашим», а с другой – способным техническим сотрудником. Да и анкетные данные у него были великолепные. В царской армии на офицерских должностях не служил, социальное происхождение – пролетариат.

В начале двадцатых годов прошлого века органы госбезопасности испытывали острый «кадровый голод». Реальная жизнь чекиста начала двадцатых годов прошлого века отличалась от той, что так красочно и романтично демонстрировалась в многочисленных советских книгах и фильмах. В начале двадцатых годов прошлого века желающих служить на Лубянке было значительно меньше, чем принято считать. Да и образ честного, сытого и здорового комсомольца в кожаной тужурке с наганом на поясе, успевающего не только разоблачать многочисленных врагов советской власти, но и заниматься культмассовой работой среди населения, а также влюбляться, – это миф, созданный стараниями многочисленных советских писателей и кинематографистов.

Реальная жизнь любого чекиста, начиная от технического работника и заканчивая членом коллегии ВЧК, была суровым испытанием, которое выдерживали немногие.

Материальное обеспечение чекистов, мягко говоря, было мизерным. Со своей невысокой зарплатой (а ее регулярно задерживали на несколько месяцев)

сотрудники Лубянки делали многочисленные отчисления для «красных» инвалидов, детских домов, для ликвидации последствий голода, в фонды помощи бастовавшим немецким и японским рабочим, для нужд Общества друзей воздушного флота (ОДФ), Международной организации помощи революционерам (МОПР), а также обществам ликвидации технической неграмотности, Добрхиму и другим.

В 1921–1922 годах чекисты регулярно голодали из-за проблем с получением и приобретением продуктов. Например, с членом коллегии ВЧК Глебом Ивановичем Бокией однажды случился голодный обморок. В течение двух дней «он не держал во рту даже маковой росинки», а пил пустой морковный чай. А другому чекисту, Михаилу Абрамовичу Трилиссеру (начальнику закордонной части Иностранного отдела ВЧК), малый президиум Петроградского губисполкома 18 мая 1921 года отказал в просьбе «выделить родителям одну бутылку молока».

Летом 1922 года положение в ряде районов страны стало критическим. Из войск и органов ГПУ начался массовый уход. Основные причины: тяжелое материальное положение, ненормированный рабочий день и т. п.

Если говорить о ситуации на Украине, где в то время служил главный герой нашей книги, то ситуацию прекрасно иллюстрирует письмо председателя ГПУ республики Василя Манцева Феликсу Дзержинскому, датированное 5 июля 1922 года.

В нем руководитель украинских чекистов сообщает о бедственном положении своих подчиненных: денежное довольствие и продовольственный паек мизерны, сотрудники живут за счет продажи на рынке своих вещей, находятся:

«...в состоянии перманентного голодания. На этой почве происходит общее понижение работоспособности, настроение сотрудников озлобленное, дисциплина падает... зафиксирован ряд самоубийств на почве голода и крайнего истощения... Я лично получаю письма от сотрудниц, в которых они пишут, что вынуждены заниматься проституцией, чтобы не умереть с голоду. Арестованы и расстреляны за налеты и грабежи десятки, если не сотни сотрудников, и во всех случаях установлено, что идут они на разбой из-за систематической голодовки. Бегство из чека повальное... Мы штаты уже уменьшали процентов на 75. Что же еще сокращать? Имеем ли мы право делать это? ...есть один выход, чтобы государственная власть поняла, наконец, что такие учреждения, как чека, необходимо удовлетворять полностью, чтобы даны были совершенно удовлетворительные кредиты».

И Василий Манцев просил так поставить вопрос перед высшими органами власти:

«Если чека не нужна, то об этом нужно сказать прямо и твердо. И мы соответственным образом будем тогда так поступать».

Добавьте к этому реорганизацию ВЧК. Одно из последствий любой реформы административной организации (за исключением смены названия) – увольнение части сотрудников. К этому следует добавить, что в 1921 году значительное число опытных чекистов было мобилизовано на хозяйственную работу, в 1922 году – в Красную Армию, органы юстиции, уголовного розыска и милиции.

Хотя потеря кадров происходила не только из-за перевода на другие участки работы, но и в силу естественных причин: боевых потерь, заболеваний (в 1923 году здоровыми были признаны только 22 % чекистов; больными 1-й стадии - 53 %; больными 2-й стадии - 22 %). Среди «профессиональных» заболеваний наиболее распространенными были: неврастения, туберкулез легких, малокровие, расстройство сердечной деятельности, переутомление и т. п. И это легко объяснимо. Ведь сотрудникам ВЧК-ГПУ приходилось трудиться без выходных и отпусков! Право на отпуск сотрудники ГПУ получили только в 1923 году, и лишь те, которые «прослужили не менее 5,5 месяцев без перерыва».

Было бы неправильно утверждать, что политическое руководство страны не обращало внимания на нужды ВЧК-ГПУ. Этот вопрос регулярно обсуждался на заседаниях Политбюро ЦК: 6 сентября 1921 года - просьба ВЧК ассигновать в ее распоряжение золотую валюту для обмундирования войск пограничной охраны; 3 ноября 1921 года - о пайках для ВЧК, 16 февраля 1922 года - об отпуске обмундирования ВЧК; 1 марта 1922 года - о вещевом довольствии сотрудников ГПУ; 18 мая 1922 года - о материальном положении работников ГПУ; 1 ноября 1923 года - об улучшении быта сотрудников пограничных отделений ГПУ^[35].

И в таких нечеловеческих условиях четырнадцатилетний Павел Анатольевич Судоплатов занимался в Особом отделе дивизии, а затем в Особом отделе Волынского губернского отдела ГПУ в Житомире, различной технической работой. Был писмоводителем, регистратором, машинистом-систематизатором, но иногда его привлекали и к боевой чекистской работе^[36].

Пограничник

Поздней осенью 1922 года Павла Анатольевича Судоплатова перевели служить в Отдельный пограничный корпус войск ГПУ. Сначала он находился в уездном погранотделении города Изяславля, а затем на Славутинском погранпосту.

Время было тревожное. На границе продолжались стычки с остатками разгромленных банд, шла охота за контрабандистами и польскими лазутчиками. Кроме этого, пограничники Волыни имели непосредственное отношение к развернувшейся на территории соседней Польши партизанской борьбе коммунистических повстанцев против польских властей. Напомним, что после окончания советско-польской войны 1920 года и подписания 18 марта 1921 года Рижского мирного договора в состав Польши вошли западные районы Украины и Белоруссии. На этих территориях начался процесс насильственной полонизации, закрывались украинские и белорусские школы, православные храмы, всячески третировались украинский и белорусский язык и культура.

Помимо этого польские правящие круги продолжали строить дальнейшие планы по созданию «великой Польши от моря до моря» путем насильственного присоединения соседних земель, прежде всего из состава страны Советов.

В данной ситуации Советская Россия, жестоко ослабленная в ходе многолетней гражданской войны, могла противопоставить потенциальному агрессору только одно средство – дестабилизацию обстановки в самой Польше^[37].

Для этой цели с апреля 1921 года Разведупр начал переброску на территорию Западной Украины и

Западной Белоруссии, отошедших к Речи Посполитой, вооруженных диверсионных групп. Основная их задача заключалась в организации массового сопротивления польским властям. Предполагалось, что проникшие в восточные воеводства отряды станут ядром мощного партизанского движения на белорусских и украинских землях. В результате последние будут под каким-либо удобным предлогом отторгнуты от Польши. Столь специфичной для мирного времени деятельностью занималось Разведуправление Штаба РККА. Оно не только подбирало людей, снабжало их всем необходимым, но и координировало их деятельность на территории иностранного государства: нападение на полицейские посты, ограбление пассажирских поездов, разгром помещичьих усадеб, организация митингов и т. п.

В качестве примера кратко расскажем о боевых успехах активно действовавшего в Полесье отряда Кирилла Прокофьевича Орловского. Только с мая по июнь 1922 года этим диверсионным подразделением был уничтожен один железнодорожный и два деревянных моста, захвачен обоз противника количеством 60 подвод и было убито не меньше 200 человек белополяков. С 1922 по 1925 год на территории Западной Белоруссии Кириллом Орловским в качестве организатора и командира партизанского отряда было проведено несколько десятков боевых операций, в числе которых: захват двух железнодорожных станций, трех местечек, уничтожение нескольких помещичьих имений^[38].

Не менее успешно действовал отряд под командованием Станислава Алексеевича Ваупшасова. Например, в ночь с 3 на 4 августа 1924 года 58 боевиков под его руководством провели знаменитую Столбцовскую операцию, звучное эхо которой

прокатилось по всей Польше. Партизаны разгромили гарнизон уездного города, железнодорожную станцию, а заодно староство, поветовое управление полиции, городской полицейский участок, захватили тюрьму и освободили руководителя военной организации Компартии Польши Стефана Скульского (Мертенса) и руководителя Компартии Западной Белоруссии Павла Корчика.

Официальные отчеты польских правоохранительных органов об «инциденте» в Столбцах рельефно отражают тот смертельный ужас, который внушали защитникам панского порядка красные мстители. Несколько характерных цитат: «Полицейский Шевчик упал на пол и притворился убитым»; «в конюшне было трое полицейских, из которых двое спрятались в сене, а третий по требованию партизан вывел семь полицейских лошадей»; «дежурный полицейский Ян Нога спрятался в коридоре за дверью». Через несколько часов после партизанского налета в город вошли регулярные воинские части: пехота, артиллерия, броневики. В уезде было введено осадное положение^[39].

Во время Великой Отечественной войны несколько командиров и бойцов диверсионных формирований, действовавших в двадцатые годы XX века по линии «активной разведки», руководили спецотрядами Четвертого Управления НКВД-НКГБ СССР. Достаточно назвать имена Героев Советского Союза: Станислав Алексеевич Ваупшасов (с марта 1942 года – начальник оперативной группы под Минском, командир партизанского отряда специального назначения «Местные», в 1943–1944 годах возглавлял партизанскую сеть под Минском, член подпольного обкома ВКП(б); считался одним из крупнейших специалистов по террористическим и диверсионным операциям),

Александр Маркович Рабцевич (с июля 1942 года и до полного освобождения Белоруссии – командир партизанского отряда особого назначения «Храбрецы»), уже упоминавшийся выше Кирилл Прокофьевич Орловский (командир партизанского отряда специального назначения «Соколы») и другие. Все они получили бесценный опыт разведывательно-диверсионной работы в первой половине двадцатых годов прошлого века.

А сам Павел Анатольевич Судоплатов никакого отношения к мероприятиям, проводимым военными по линии «активной разведки», не имел. Деятельность Разведупра в этой сфере была законспирирована очень тщательно, и о ней не знали даже «соседи» (под этим термином в мире отечественных спецслужб подразумевались чекисты)^[40]. Его участие могло иметь место лишь в организации «окон» на советско-польской границе, необходимых для переброски отрядов и их возвращения домой. И кто знает, может быть, в 1942–1943 годах, но уже не рядовым пограничником, а старшим майором госбезопасности – начальником Четвертого Управления НКВД-НКГБ СССР, он вновь, как и двадцать лет назад, провожал в тыл противника и встречал после возвращения с задания тех же людей.

Это не значит, что главный герой нашей книги в 1922–1923 годах не участвовал в «тайной войне». Справедливости ради отметим, что и сотрудники Второго (разведывательного) отдела польского Генштаба также занимались формированием и вооружением антисоветских отрядов, засылкой их на советскую территорию. Как говорится, две разведки вели тайную войну по принципу «око за око, зуб за зуб»^[41]. Соответственно, советским пограничникам приходилось регулярно сражаться с этими бандами.

Возможно, в операциях по ликвидации участвовал и Павел Анатольевич Судоплатов.

Мирная передышка

В сентябре 1923 года главный герой нашей книги демобилизовался из армии. Мотивов этого поступка было множество. Он не только устал от постоянного участия в боевых действиях и материальной неустроенности, но и хотел быть ближе к семье.

В те годы из органов госбезопасности увольнялись многие. В письме Северо-Кавказского крайкома РКП(б) на имя управляющего делами ВЧК Генриха Григорьевича Ягоды отмечалось:

«В результате дороговизны, полной необеспеченности, максимальной нагрузки и ничем не нормированного труда наблюдается тяга на другую работу, стремление вовсе уйти с работы в органах ОГПУ. Это стремление объективно маскируется различными доводами – болезнью, переутомлением, отсталостью, необходимостью продлить образование и пр. Но корни его в действительности кроются в материальной необеспеченности»^[42].

Фронтовика с прекрасной анкетой (пролетарское происхождение, отсутствие родственников, служивших в царской и белой армиях) руководство комсомольской организации Мелитополя заметило и сразу же назначило на руководящие должности: заведующим отделом окружного отдела КСМУ (коммунистический союз молодежи Украины), членом правления и комендантом Клуба рабочей молодежи. Доверие руководства он оправдал, и в 1924 году его избрали секретарем ячейки ЛКСМ села Ново-Григорьевка Генического района. Хотя на селе он проработал

недолго. В том же году поступил учеником слесаря на завод им. В. В. Воровского (бывшие механические мастерские Гольца), одновременно возглавил комсомольскую организацию завода. И здесь он находился непродолжительное время. Следующее место работы - практикант в Мелитопольском рабпотребсоюзе. И здесь он проработал недолго. В феврале 1925 года окружком комсомола направил Павла Анатольевича Судоплатова на работу в органы ОГПУ.

Глава 3. На службе в Украинском ГПУ

«В феврале 1925 года окружком ВЛКСМ направил П. А. Судоплатова на работу в органы госбезопасности...»

После вторичной мобилизации в органы госбезопасности главный герой нашей книги в течение нескольких лет был вынужден заниматься технической и информационно-аналитической работой. Сложно сказать, нравилось ему или нет «работа с документами».

Служба в Мелитополе

Свою карьеру в органах госбезопасности Павел Анатольевич Судоплатов начал с 5 февраля 1925 года на скромной должности сводчика информационного отделения Мелитопольского отдела ГПУ^[43]. Согласно толковому словарю русского языка: «Сводчик – наборщик исправлений, указанных в сводке». А сводка – «документ, записка с подобранными, объединенными известиями, сведениями, данными». Фактически он занимался, как сейчас принято говорить, информационно-аналитической работой.

В двадцатые годы прошлого века Секретный, Информационный отделы и Экономическое управление имели собственные агентурные аппараты. При работе они руководствовались Положениями, введенными в действие приказом ГПУ № 291 от 14 ноября 1922 года. Несмотря на разные наименования агентурного аппарата, существовало две ярко выраженных категории: осведомители, сообщавшие первичную информацию, и агенты (либо специальные осведомители), участвовавшие в агентурных разработках^[44].

Информационный отдел использовал только агентов первой категории, которые были настроены лояльно к советской власти. Они трудились в различных учреждениях, были членами официально разрешенных организаций и освещали реакцию населения на различные события. Также они сообщали о злоупотреблениях и других негативных поступках лиц из своего окружения. Благодаря полученной от них информации партийное и советское руководство знало, что реально происходит в стране и каковы настроения масс. Данные от них поступали в низовые

подразделения ГПУ, где обрабатывались и в виде секретных сводок рассылались местному партийному руководству, а также в Москву.

Хотя сотрудники Информационного отдела занимались не только анализом информации, но и вели оперативно-розыскную работу. При получении от информаторов «сигналов», представляющих интерес для других подразделений ГПУ-ОГПУ, после проверки передавали сообщение в профильное подразделение. А там уже заводилось дело - «формуляр» (на одного человека) или агентурное дело (на группу лиц)^[45]. А дальше оно могло трансформироваться в уголовное дело и закончиться для фигурировавших в нем лиц тюрьмой или расстрелом.

Вот как, например, определял свои задачи в этой сфере Воронежский отдел ОГПУ в 1926-1927 годах:

«ОГПУ ставил задачу своевременности информации, по возможности стараясь выяснить отношения масс и готовности их воспринимать то или иное мероприятие, диктуемое государственной или партийной необходимостью, а также своевременным проведением в жизнь мер предупредительного характера»^[46].

Приход в органы госбезопасности совпал с важным для Павла Анатольевича Судоплатова событием - с 1925 года в органах ОГПУ появился институт практикантов. Молодые сотрудники в течение года находились на «испытательном сроке» и работали в паре с более опытным сотрудником. Это позволяло лучше увидеть деловые и морально-волевые качества, вовремя избавиться от негативно зарекомендовавших себя^[47]. А 25 мая 1926 года ЦК ВКП(б) утвердило Положение о порядке перемещения сотрудников ОГПУ^[48]. Теперь

карьерный рост главного героя нашей книги не только зависел от кадровой политики начальника, но и регламентировался юридическим документом.

С 1 января 1927 года Павла Анатольевича Судоплатова перевели на новую должность – помощника уполномоченного учетно-статистического отделения Мелитопольского окротдела^[49]. Это подразделение занималось учетом различных оперативных дел. Говоря другими словами, оно занималось учетом не только различных категорий «бывших» (дворян, купцов, офицеров царской армии, сотрудников Департамента полиции и т. п.), но также членов различных партий, лиц, имевших судимости, а также политически неблагонадежных. При этом фиксировались не только прошлые «грехи», но и активно собирались новые компрометирующие сведения^[50]. Также подразделение занималось учетом следственных и архивных дел, сбором и систематизацией сведений о лицах, разыскиваемых органами госбезопасности. Кроме того, сотрудники этого подразделения выполняли задания по высылке архивных дел и других оперативных материалов. Дело в том, что «централизованного учета вражеских агентов, антисоветских элементов и агентов органов госбезопасности еще не было»^[51].

Деятельности этого подразделения руководство ГПУ придавало высокое значение. В приказе ГПУ от 19 сентября 1922 года в отношении работы регистрационно-статистических отделений говорилось:

«Отсутствие или неорганизованность этих отделений не дает возможности правильно работать и самому Губотделу, так как плохо поставленный учет не дает возможности получить справку о судимости и злостности

какого-то лица. Нередко бывали такие явления, что в Губотделе параллельно ведутся несколько дел на одно и то же лицо, а иногда поступающие материалы на злостное лицо остаются распыленными, незарегистрированными и не используемыми, давая возможность смягчать предъявляемые обвинения. Отсутствие правильного учета не дает возможности Губотделам правильно оценивать политическое состояние губернии»^[52].

Так что и на новом месте работы главный герой нашей книги оказался на виду у начальства. При этом он действительно выполнял нужную и важную работу. Трудолюбивого и аккуратного сотрудника заметили, и Мелитопольский окрисполком наградил его «серебряными часами за работу в органах ГПУ»^[53].

На повышение в Харьков

В 1928 году Павел Анатольевич Судоплатов получил повышение и был переведен в Харьков (с 1917 года по 1934 год столица Украины), где стал работать уполномоченным Информационно-осведомительского отдела (ИНФО) ГПУ УССР. В марте 1931 года Секретный и Информационный (бывший информационно-осведомительский) отделы слились в единый Секретно-политический отдел. «Перед ним поставили задачу вести борьбу с враждебной деятельностью участников бывших антисоветских политических партий и групп, националистов, церковников и сектантов, а также с террористическими актами антисоветских элементов. Секретно-политический отдел вел агентурно-оперативную работу в высших учебных заведениях, учреждениях Наркомпроса и органах милиции»^[54], – сообщалось о задачах секретно-политического отдела в ведомственной истории КГБ.

Работа в республиканском аппарате заставила главного героя нашей книги по новому взглянуть на работу «чекистов». Без кавычек мы бы не стали употреблять это слово. С октября 1925 года по 1930 год начальником ИНФО ГПУ УССР был Генрих Самойлович Люшков. Получив в свои руки всю агентурно-осведомительскую сеть ОГПУ УССР, новый начальник развил бурную деятельность. И уже в 1926 году «нащупал террористическую группу, подготовлявшую покушение на председателя ВУЦИКа тов. Петровского». Понятно, что данное дело было полностью сфальсифицировано. А в мае 1930 года, после назначения начальником Секретного (с 1931 года – Секретно-политического отдела) ГПУ УССР, Люшков принимал активное участие в разработке и проведении

крупнейших операций чекистов на Украине – ликвидации «Украинского национального центра», «Военно-офицерской организации» (дело «Весна») и других «крупных контрреволюционных повстанческих организаций»^[55]. Спустя много лет большинство осужденных по этим делам были признаны жертвами политических репрессий и реабилитированы.

Хотя главного героя нашей книги поразило не только размах чекистской работы в центральном аппарате ГПУ республики и количество выявленных врагов Советской власти, но и сам город. После провинциального и сонного Мелитополя шумный и динамично развивающийся Харьков произвел на Павла Анатольевича Судоплатова сильное впечатление. В столице республики, по данным на 1927 год, проживала 421 тысяча человек. По улицам города, весело трезвоня, не только мчались трамваи, но и ездили такси. Студенты учились в шести институтах (сельскохозяйственный, ветеринарный, технологический, педагогический, юридический, фармацевтический и художественный) и в одном университете. А еще там был цирк и два театра: украинской драмы им. Шевченко и оперы и балета им. Лысенко.

Именно здесь, в Харькове, двадцатилетний Павел Анатольевич Судоплатов встретил свою будущую жену – Эмму Карловну (Суламифь Соломоновну) Каганову (в девичестве Кримкер), так же как и он, служившую в органах госбезопасности. Кратко расскажем об этой удивительной женщине, сыгравшей ключевую роль в жизни главного героя нашей книги.

Она родилась в Гомеле 1 мая 1905 года в мелкобуржуазной многодетной семье. Окончила гомельскую гимназию с золотой медалью. После революции работала секретарем у Менделя Марковича

Хатаевича, секретаря Гомельской уездного комитета РКП(б), а после того как его в июле 1921 года назначили председателем Одесского губкома ВКП(б), последовала за ним. В Одессе ее, прекрасно знающую немецкий язык, перевели на работу в ГПУ (вела работу среди местных немецких колонистов). В 1928 году переведена в столицу советской Украины – Харьков, в 4-е отделение Секретно-политического отдела ГПУ УССР, где курировала работу с творческой интеллигенцией^[56]. Сотрудники указанного подразделения занимались агентурно-оперативной работой в органах печати, театрах и т. п., а также среди артистов, писателей и гуманитарной интеллигенции^[57].

А вот дополнения к сухим и лаконичным строкам ее биографии из воспоминаний Павла Анатольевича Судоплатова:

«Эмма занимала в ГПУ УССР более весомое положение, чем такой новичок, каким я тогда был. Как образованной и привлекательной женщине, к тому же начитанной и чувствовавшей себя вполне свободно в обществе писателей и поэтов, ей доверили руководить деятельностью осведомителей в среде украинской творческой интеллигенции – писателей и театральных деятелей. Мы встретились с ней на службе, и меня поразили ее красота и ум. Отец Эммы, сплавщик леса, умер, когда ей было всего десять лет. Она начала работать и одна содержала всю семью, где было восемь детей. Так что у нас с Эммой было много общего: и я, и она являлись опорой для семьи и должны были в силу обстоятельств рано повзрослеть. (...) Для меня Эмма была идеалом настоящей женщины, и в 1928 году мы поженились, хотя официально

зарегистрировали наш брак лишь в 1951 году»^[58].

Начальник 2-го отделения Отдела кадров НКВД СССР 26 сентября 1938 года подготовил приложение к справке на «начальника 4 отделения, он же помощник начальника 5-го отдела 1-го Управления - старшего лейтенанта госбезопасности Судоплатова Павла Анатольевича». Согласно этому документу, отец Эммы Карловны Кагановой «с 1910 по 1925 год занимался мелкой торговлей в городе Гомеле».^[59] Если точнее, то продавал ткани, привезенные из-за границы. Получается, что тесть Павла Анатольевича Судоплатова был жив еще в 1925 году, а не умер за десять лет до этого - в 1915 году.

В другой справке, подготовленной сотрудником 1-го отделения Отдела кадров НКВД СССР 25 марта 1942 года, было сказано:

«Жена Судоплатова - Каганова С. С. долгое время работала и была в близких отношениях с врагом народа Люшковым, при содействии которого Каганова С. С. была переведена на работу в Москву в СПО ОГПУ, при вступлении Кагановой в кандидаты и члены ВКП(б) рекомендовал ее тот же Люшков.

По материалам ОСУ НКВД бывший муж Кагановой С. С. - Гранский арестован как примыкающий к троцкистской организации.

В 1927-1928 г. Каганова, будучи машинисткой Могилев-Подольского окротдела ГПУ, печатала для Гранского троцкистские материалы, лично Каганова этот факт отрицает»^[60].

Добавим, что со своим первым мужем – Виктором Исидоровичем Гранским, она развелась в 1931 году. А в «1937 году он был уволен из органов НКВД за сокрытие своего участия в 1927 году в троцкистской оппозиции»^[61]. При этом его не исключили из партии, да и взысканий по партийной линии он не имел. Дальнейшая судьба этого человека автору неизвестна.

А вот судьба Генриха Самойловича Люшкова известна. Хотя и в ней есть множество «белых пятен». Его активную деятельность на посту начальника секретно-политического отдела оценили не только в Харькове, но и в Москве. В середине 1931 года его назначили заместителем начальника Секретно-политического отдела ОГПУ-НКВД СССР. В период с 2 по 30 декабря 1943 года находился в Ленинграде, где, по поручению Иосифа Сталина, непосредственно участвовал в расследовании обстоятельств убийства Сергея Мироновича Кирова. В 1936 году, когда наркомом внутренних дел стал Николай Иванович Ежов, украинского «чекиста» понизили – назначили начальником управления НКВД Азово-Черноморского края, а через год отправили еще дальше – на аналогичную должность в Дальневосточный край. Новое назначение в контексте событий тех лет автор назвал бы повышением. Ситуация в регионе была специфичной – в любой момент мог произойти вооруженный конфликт с Японией, и Москва старалась не только усилить свое военное присутствие здесь, но и очистить Дальний Восток от действующих и потенциальных агентов иностранных разведок. «Зачистка» региона под руководством Генриха Самойловича Люшкова производилась по уже отработанной технологии. В течение года было репрессировано 250 тысяч человек (из них 7 тысяч расстреляно), депортировано в Среднюю Азию около 200 тысяч корейцев. Как «самый

лучший и достойный», он представлял Колыму в Верховном Совете СССР. Но недолго. В середине 1938 года ему было предложено выехать в Москву. Политбюро якобы решило направить его на работу в центральный аппарат НКВД СССР. Но опытный «чекист» понял, что означает это «повышение». В ночь с 12 на 13 июня 1938 года, прихватив ценные секретные документы, под видом инспекционной поездки (по должности он командовал и местными пограничными войсками) он перешел границу с Маньчжоу-Го (Маньчжурией). В дальнейшем перебежчик сотрудничал с японской разведкой, выдал им много секретной информации. Был арестован офицерами японской разведки в августе 1945 года.

Снова строки из официальной биографии Эммы Карловны Кагановой. В 1932 году она была переведена в Москву. С 1932 по 1935 год работала в центральном аппарате НКВД (в Секретно-политическом отделе, занималась вопросами идеологии и культуры). С 1936 по 1940 год – в Иностранном (разведывательном) отделе (ИНО) НКВД СССР. С 1940 по 1949 год преподавала спецдисциплины в Центральной школе (позднее Высшей школе) НКВД-МГБ СССР. Награждена орденами Ленина, Красного Знамени и многими медалями. С 1951 года на пенсии. В органах безопасности она прослужила четверть века^[62]. На ее карьере не отразились связи с Виктором Исидоровичем Гранским и Генрихом Самойловичем Люшковым.

Павел Анатольевич Судоплатов уже после ее смерти напишет такие слова:

«Два последних месяца я оставался с ней рядом, с болью замечая, как жизнь медленно покидает ее. Она умерла в сентябре 1988 года, и ее прах покоится в стене кладбища Донского монастыря. Рядом покоится прах Григулевича,

Эйтингона и Абеля. Ирина Гуро – Раиса Соболев тоже умерла. Зоя Рыбкина после смерти моей жены прожила три года»^[63].

Подробнее расскажем об этих людях. Ведь с ними мы еще не раз встретимся на страницах данной книги. И все они сыграли определенную роль в жизни Павла Анатольевича Судоплатова.

Иосиф Ромуальдович Григулевич прожил две непохожие друг на друга жизни. Первая – разведчика-нелегала, а вторая – известного специалиста по истории католической церкви и стран Латинской Америки, автора 58 монографий и члена-корреспондента Академии наук СССР. Никто из коллег-ученых, да и многочисленных читателей его монографий, не знал, чем он занимался до 1954 года.

К сотрудничеству с советской внешней разведкой он был привлечен в октябре 1936 года в Испании под псевдонимом «Юзик». С апреля 1938 года по август 1940 года активное участие в операции по ликвидации Льва Троцкого. Подробнее об этом мы расскажем в одной из следующих глав нашей книги. С июня 1941 года по 1945 год – резидент в Южной Америке под псевдонимом «Артур». Создал «красную сеть» в Аргентине, Чили, Уругвае и Бразилии. Также сформировал диверсионную группу в Аргентине. С 1949 года руководил нелегальной резидентурой в Италии^[64]. Вершиной его карьеры в качестве разведчика-нелегала стало назначение в октябре 1951 года чрезвычайным и полномочным послом Республики Коста-Рика в Италии и по совместительству в Югославии. Несколько раз он посещал Белград и встречался с Иосипом Броз Тито. Эти контакты едва не стоили советскому разведчику жизни.

В начале 1953 года в Министерстве госбезопасности СССР созрел план его использования для осуществления важной, рискованной и необычайно

дерзкой террористической операции. К этому времени взаимоотношения между СССР и Югославией, руководство которой с 1947 года пыталось вести независимый от Советского Союза курс во внутренних и международных делах, достигли крайнего накала. Руководителя страны Тито стали называть фашистом, троцкистом (особой разницы между этими понятиями Иосиф Сталин не проводил), агентом империалистических держав, американским шпионом и т. п.

Министр госбезопасности СССР С. Д. Игнатьев в начале 1953 года представил Иосифу Сталину докладную записку, в которой предлагал подготовить и организовать убийство Тито «с использованием агента-нелегала “Макса” – тов. Григулевича И. Р., гражданина СССР, члена КПСС с 1950 года (справка прилагается)». Далее в записке говорилось, что в результате бесед с «Максом» в Вене в начале февраля 1953 года были выработаны три варианта осуществления террористического акта против Тито (впрочем, в перечне оказался и четвертый вариант). Предпочтение, однако, отдавалось первому. Процитируем: «Поручить “Максу” добиться личной аудиенции у Тито, во время которой он должен будет из замаскированного в одежде бесшумно действующего механизма выпустить дозу бактерий легочной чумы, что гарантирует заражение и смерть Тито и присутствующих в помещении лиц. Сам “Макс” не будет знать о существовании применяемого препарата. В целях сохранения жизни “Максу” будет предварительно привита противочумная сыворотка».

Второй и третий варианты предполагали убийство выстрелом из «замаскированного под предмет личного обихода механизма» с одновременным выпуском слезоточивых газов для отхода «ликвидатора» и сокрытия следов, причем осуществить операцию

предполагалось то ли в Лондоне, куда собирался Тито, то ли на одном из официальных приемов в Белграде. Наконец, разведчику предлагалось разработать запасной вариант – подарить Тито драгоценности в шкатулке, раскрытие которой должно было привести в действие механизм, выбрасывающий моментально поражающее отравляющее вещество.

К счастью, план так и не был реализован. В марте 1953 года Иосиф Сталин умер, а непродолжительное время руководивший страной Лаврентий Берия объявил о необходимости улучшить отношения с Югославией^[65]. А сам Иосиф Григулевич был отозван в Москву, где его ждала научная карьера. Умер он в июне 1988 года. Самую подробную историю его жизни изложил в своей книге «Иосиф Григулевич. Разведчик, “которому везло”», Нил Никандров^[66]. Всех интересующихся биографией одного из коллег Павла Анатольевича Судоплатова мы отсылаем к ней.

О Науме Исааковиче Эйтингоне можно сказать словами из песни Владимира Высоцкого: «У меня было сорок фамилий, у меня было семь паспортов, меня семьдесят женщин любили, у меня было двести врагов. Но я не жалею...». Он родился в маленьком белорусском городе и за свою долгую жизнь побывал почти во всех странах Европы, многих странах Азии и обеих Америк. Он подготовил и лично провел уникальные разведывательные и диверсионные операции против врагов Советского Союза, чаще всего – удачно, был отмечен многими наградами и генеральским званием. Китай, Турция, США, Испания, Мексика – вот только некоторые этапы его боевой биографии. С 1939 по 1953 год он работал в «связке» с главным героем нашей книги. Порой трудно понять, кто именно из них был автором идеи той или иной операции. До начала девяностых годов прошлого века его имя знали

немногие. В Советском Союзе старались не вспоминать про этого человека и все сделанное им для страны. Родина и так «отблагодарила» его, посадив на несколько лет в тюрьму, как и его друга Павла Анатольевича Судоплатова. Ветеран внешней разведки Эдуард Прокопьевич Шарапов написал книгу «Наум Эйтингон – карающий меч Сталина»^[67].

Под фамилией Абель главный герой нашей книги скрыл одного из своих подчиненных в годы Великой Отечественной войны – Вильяма Генриховича Фишера. Хотя в историю мирового шпионажа этот человек вошел не как сотрудник Четвертого управления НКВД-НКГБ СССР, принимавший активное участие в операциях «Монастырь» – «Березино» (о них автор расскажет в одной из следующих глав), а как разведчик-нелегал Рудольф Иванович Абель. Именно так он представился на одном из первых допросов в следственной тюрьме Нью-Йорка арестовавшим его сотрудникам ФБР. В 1949 году в качестве разведчика-нелегала он приехал в США и успешно проработал до своего ареста в 1957 году. В том же году был приговорен судом к 30 годам каторжной тюрьмы, а в 1962 году его обменяли на американского летчика Фрэнсиса Пауэrsa, осужденного советским судом за шпионаж.

Вильяму Фишеру повезло больше, чем его начальникам из Четвертого управления НКВД-НКГБ СССР. Известным он стал еще при жизни, когда на экраны страны вышел двухсерийный фильм «Мертвый сезон». Кинокартина начинается со своеобразной заставки: пожилой, обаятельный мужчина, представленный как «полковник Рудольф Абель», говорит об опасности проводившихся в секретных лабораториях Великобритании бывшими нацистскими учеными экспериментов по управлению поведением человека с помощью психохимических препаратов в

рамках тайной программы подготовки государств блока НАТО к войне с Организацией Варшавского Договора. А также о том, что советские бойцы невидимого фронта оказали миру большую услугу, сделав человеконенавистнические опыты известными широкой общественности. Вот так в Советском Союзе узнали о существовании Вильяма Генриховича Фишера.

На литературном поприще в конце сороковых годов прошлого века стала известной советская писательница Ирина Гуро. До этого времени ее звали Раисой Соболев, и с конца двадцатых годов прошлого века она работала в ИНО ОГПУ СССР (внешняя разведка). Ее начальником был знаменитый разведчик, а впоследствии один из самых именитых невозвращенцев (так называли тех, кто не вернулся в СССР из служебных командировок за рубежом) Александр Михайлович Орлов. Ее шеф был высокообразованным человеком и владел несколькими западноевропейскими языками. В тридцатые годы прошлого века он участвовал во множестве операций советской разведки, проводимых в Западной Европе. В 1934-1935 годах был нелегальным резидентом в Лондоне. В 1936 году он провел операцию по вывозу испанского золота в Москву, за что был награжден орденом Красного Знамени. Видя, как гибнут в череду сталинских репрессий его товарищи, возвращающиеся в Москву, в 1938 году он решил остаться за рубежом, направив Иосифу Сталину соответствующее письмо. В нем он, в обмен на сохранение собственной жизни, обещал не раскрывать западным контрразведкам имена советских агентов. Благодаря этому он стал единственным из высокопоставленных сотрудников НКВД, кто, перебежав на Запад до Великой Отечественной войны, дожил до 1973 года и умер в возрасте 78 лет своей смертью.

В 1938 году его коллегам, оставшимся в Москве, не поздоровилось. Среди них была и Раиса Соболев. Нарком

внутренних дел Николай Ежов написал Иосифу Сталину: «Посылаю на утверждение четыре списка лиц, подлежащих ВК». Третий список - «Москва-Центр» - сотрудники НКВД, переданные на рассмотрение Военной Коллегии Верховного Суда СССР. Под номером 109 в этом документе значится Соболев Раиса Романовна.

«Прошу санкции осудить всех по первой категории. 20.VII.38 г. Ежов». На заглавном листе стоит размашистый росчерк вождя, сделанный синим карандашом, - «И. Ст.», и чуть ниже - аккуратная подпись «В. Молотов».

Дело, по которому проходила эта женщина, предусматривало только один финал для всех фигурирующих в нем - расстрел. К тому же показания против нее дал муж Михаил Ефимович Ревзин (сотый в списке Николая Ежова), тоже сотрудник органов, с которым она прожила 13 лет. Под каким «давлением» он это сделал можно лишь догадываться. В тот же год он был расстрелян. А вот ее приговорили к восьми годам, что по тем временам было весьма мягким приговором.

В декабре 1938 года на одном из партийных собраний, где разбирали персональное дело Павла Анатольевича Судоплатова, внезапно вспомнили и про нее, в то время уже находящуюся в ГУЛАГе. Дело в том, что Раиса Соболев дружила с его женой Эммой Кагановой. Об этом эпизоде из жизни главного героя нашей книги мы расскажем подробнее в одной из следующих глав, а пока продолжим следить за судьбой этой женщины.

В сентябре 1941 года Раиса Соболев была освобождена. Лубянка остро нуждалась в квалифицированных разведчиках, а вот их-то как раз было очень мало. Павел Анатольевич Судоплатов для комплектования кадрами Особой группы - Второго

отдела НКВД СССР получил разрешения от Лаврентия Берии использовать осужденных чекистов.

Раису Соболев восстановили на работе в органах госбезопасности и тут же направили на Юго-Западный фронт, где она начала исполнять обязанности оперуполномоченного Особого отдела. С июля 1942 года она – инструктор разведывательного отдела штаба Северной группы войск. Здесь разведчица занималась созданием партизанских отрядов и подготовкой разведчиков и радистов для последующей их заброски в тыл противника. За свою работу она была отмечена боевыми наградами: орденом Отечественной войны 2-й степени, двумя медалями «За отвагу», медалями «Партизану Отечественной войны» 1-й степени, «За оборону Москвы» и другими знаками воинской доблести. В 1946 года она вышла в отставку в звании капитана^[68].

У Зои Ивановны Рыбкиной-Воскресенской похожая судьба. Многолетняя успешная служба во внешней разведке, затем ГУЛАГ, хотя и в качестве не заключенного, а сотрудника МВД – начальника спецотдела Воркутинского лагеря, отставка и стремительная литературная карьера.

В ИНО ОГПУ она начала работать с августа 1928 года. Первая командировка – в Харбин, где она в течение двух лет выполняла ответственные задания Центра. Позже она в облике знатной баронессы, роскошно одетая, появилась на улицах Риги, в городах и поместьях буржуазной Латвии. Затем работа в Центральной Европе – в Германии и Австрии, а через некоторое время на севере – в Финляндии и Швеции, где она провела большую часть своей закордонной разведывательной жизни: с 1935 по 1939 год – Хельсинки, а с 1941 по 1944 год – Стокгольм. Именно в Финляндии она и познакомилась с Павлом

Анатольевичем Судоплатовым, который приехал в эту страну во время своей второй заграничной командировки. Затем они вместе работали в центральном аппарате советской внешней разведки. А с первых дней Великой Отечественной войны она стала одним из сотрудников Особой группы – Второго отдела НКВД СССР, которым руководил главный герой нашей книги. Осенью 1941 года оба участвовали в подготовке разведывательно-диверсионных групп, которым предстояло действовать не только за линией фронта, но и в самой Москве, если бы столицу пришлось сдать противнику.

Затем их пути разошлись. Ее муж и коллега по работе Борис Аркадьевич Рыбкин проходил подготовку для разведывательной работы в Швеции. Он должен был выехать в эту страну в качестве резидента, используя в качестве «прикрытия» пост советника. Вместе с ним в Стокгольм было решено командировать и супругу, в качестве пресс-атташе посольства. В середине 1944 года она вернулась в Москву. После окончания Великой Отечественной войны она некоторое время работала заместителем, а затем и начальником немецкого отдела внешней разведки.

В Советском Союзе Зоя Ивановна Воскресенская была одной из самых востребованных и популярных детских писательниц. У миллионов граждан Советского Союза вызывает трепетные ассоциации: «программные» книги о Володе Ульянове, повести о детях ^[69].

Трудовые будни чекистов

В начале тридцатых годов прошлого века обо всем этом Павел Анатольевич Судоплатов еще не знал, да и, наверно, не пытался предсказать, что ждет его впереди. Времени на философские размышления не было. В стране происходили глобальные и радикальные перемены. На смену НЭПу, с его элементами рыночной экономики, пришел новый экономический курс с плановой экономикой. Начались процессы коллективизации и индустриализации. Какие события этому сопутствовали - знают все. Это не только многочисленные крестьянские восстания, но и множество пожаров, аварий, взрывов и других ЧП техногенного характера. Добавьте к этому повышенную активность иностранных спецслужб, многочисленных антисоветских эмигрантских организаций, западноукраинских националистов... А еще множество внутренних «врагов народа» типа троцкистов, «бывших людей» (белогвардейских офицеров, дворян и т. п.), «вредителей» и «кулаков». Их всех нужно было нейтрализовать, соблюдая хотя бы частичные требования уголовно-процессуального кодекса.

Рабочий день рядового сотрудника республиканского аппарата органов госбезопасности в конце двадцатых годов прошлого века официально начинался в 10 часов утра и заканчивался в 18 часов вечера. Затем в течение несколько часов чекист встречался со своими осведомителями на конспиративных квартирах или в общественных местах, а потом возвращался на работу. Писал отчеты, справки, докладывал о результатах встреч начальству, и только после этого мог уйти домой.

В октябре 1929 года произошло изменение графика работы сотрудников ОГПУ. Теперь они работали «непрерывную рабочую неделю». Согласно Приказу ОГПУ № 224 от 11 октября 1929 года постепенно вводился новый график работы. Теперь сотрудники госбезопасности работали четыре семичасовых рабочих дня, затем сутки отдыха, и снова на работу. При этом у них сохранялись отпуска, но теперь в Приказе их рекомендовалось равномерно распределять по всему году, а не концентрировать летом^[70].

Несмотря на изменения рабочего графика, главный герой нашей книги оканчивает рабфак. Стоит чуть подробнее рассказать об этом типе учебных заведений, исчезнувшем вместе с распадом Советского Союза.

В 1918 году Совнарком принял «Декрет о правилах приема в высшие учебные заведения». Декретом разрешалось поступление в вузы даже тех граждан, которые не окончили ни средней, ни начальной школы. Прием осуществлялся на основе заявления, поданного абитуриентом. При этом вступительные испытания отсутствовали. Экзамены для абитуриентов в СССР ввело только постановление СНК в 1932 году. Основное внимание обращалось на социальное происхождение и на то, чем абитуриент занимался в годы Гражданской войны. Так как большинство будущих студентов имели минимальный общеобразовательный уровень, то для них стали создавать рабфаки – рабочие факультеты. На этих подготовительных отделениях при вузах обучались лица рабоче-крестьянского происхождения^[71]. Считалось, что за несколько лет занятий на подготовительном отделении человек будет иметь необходимый базовый уровень знаний.

Главный герой нашей книги после двухлетнего обучения на рабфаке подал заявление о приеме в Харьковский университет. Проучился в вузе он недолго:

«удалось побывать на десяти лекциях и сдать один экзамен – по экономической географии». На большее у него просто не хватило времени^[72].

Это легко объяснимо – большую часть времени Павел Анатольевич Судоплатов посвящал работе. В характеристике того периода, выданной Аттестационной комиссией ГПУ УССР, можно прочесть:

«СУДОПЛАТОВ П. А. (...) работает уполномоченным информ. отдела, с работой справляется. Методы работы усваивает хорошо. Проявляет широкую инициативу по налаживанию информационной работы, усидчив, энергичен, дисциплинирован, за последний ряд месяцев ведет по проработке следдел для судебной тройки... имеет значительный опыт по изучению и оценке следматериалов. Занимаемой должности соответствует».

Путевка в большую жизнь

В июле 1930 года Павел Судоплатов попал в резерв назначений ГПУ (без денежного довольствия), но вскоре получил новую должность и весьма ответственное задание, которое контролировалось как руководителями ГПУ, так и партийными органами. Его назначили заведующим культурно-воспитательной частью, а затем комиссаром трудовой коммуны (спецколонии) ГПУ УССР для малолетних правонарушителей и беспризорных детей, расположенной в селе Ладан Прилукского района. В это же время в трудовых коммунах под Полтавой и в пригороде Харькова работал известный советский педагог Антон Семенович Макаренко.

Принято считать, что в трудовой коммуне царили либеральные порядки. На самом деле деятельность этого исправительного учреждения регламентировалась исправительным законодательством (ИТК РСФСР 1924 года). Да и контингент там был соответствующий. Согласно Исправительно-трудовому кодексу, в трудовых колониях содержались несовершеннолетние преступники в возрасте от 12 до 16 лет и беспризорные в возрасте от 14 до 16 лет. Несовершеннолетние же старшего возраста (16-18 лет), осужденные к лишению свободы, подлежали направлению в общие места заключения для взрослых преступников. Так что в Прилукской спецколонии содержалась шпана, прошедшая суровую школу выживания на улицах.

Срок содержания в колонии не всегда зависел от срока, назначенного судебным приговором. Пребывание в этих колониях осужденных определялось не столько сроками наказания по приговору, сколько фактическим

достижением цели перевоспитания несовершеннолетнего правонарушителя и обучения его определенной рабочей специальности. Поэтому практиковалось оставление несовершеннолетних в колонии до тех пор, пока они не будут подготовлены и самостоятельной трудовой жизни и не возникнет уверенность, что они не вернуться на путь преступлений.

Попав в спецколонию, Павел Судоплатов не испытывал больших сложностей в общении с ее воспитанниками. Ведь большинство этих мальчишек были родом из Одессы, где в 1919 году он и сам беспризорничал, подрабатывал на базаре и в порту.

Вернувшись в конце ноября 1931 года в Харьков, Павел Анатольевич Судоплатов был назначен инспектором Организационно-инструкторского отдела ГПУ УССР, где и трудился до февраля 1932 года.

Глава 4. Из Харькова в Москву

«В феврале 1932 года переведен на работу в центральный аппарат ОГПУ СССР инспектором 1-го отделения Отдела кадров...»

В феврале 1932 года в жизни главного героя нашей книги произошло важное событие – его перевели в центральный аппарат ОГПУ в Москву. Существует устойчивое мнение, что главной действующей силой такого повышения стали конкретные действия высокопоставленных покровителей на Лубянке. Павел Анатольевич Судоплатов в своих книгах не стал его опровергать, а лишь трансформировал его.

Кто помог?

В уже цитируемой выше книге «Разведка и Кремль» Павел Анатольевич Судоплатов утверждает, что в Москву он попал благодаря бывшему Полномочному Представителю ОГПУ на Украине и председателю ГПУ УССР Всеволоду Аполлоновичу Балицкому. Когда в 1931 году главного чекиста республики из Харькова перевели на повышение в Москву, то среди тех, кто поехал с ним в столицу СССР, был и главный герой нашей книги^[73]. Приятно, разумеется, считать себя членом «команды» крупного начальника. Это неважно, что расстрелянный в 1937 году шеф так и не был реабилитирован.

В жизни все было по-другому. В 3-м пункте Постановления Политбюро ЦК ВКП(б) № 51 «О органах ОГПУ», датированного 25 мая 1931 года, было сказано:

«...б) Назначить заместителями председателя ОГПУ: ...третьим – т. Балицкого, с освобождением его от обязанностей ПП ОГПУ на Украине»^[74].

Своей должности в июле 1931 года лишился и главный герой нашей книги. Вот только его сначала перевели в резерв назначений ГПУ Украины (без денежного содержания), а потом отправили в спецколонию для несовершеннолетних правонарушителей. Из-за этого он не был ознакомлен с Приказом ОГПУ № 487 от 28 августа 1931 года, где украинским чекистам объявлялось о том, что их руководитель Всеволод Аполлонович Балицкий переведен в Москву, и отмечались его успехи на прежнем месте работы^[75].

Когда Всеволод Аполлонович Балицкий с членами своей «команды» в июне 1931 года уехал в Москву, то Павел Анатольевич Судоплатов продолжал служить уполномоченным информационного отдела ГПУ УССР, продолжая оставаться для главного украинского чекиста одним из рядовых сотрудников многочисленного аппарата. Если не учитывать подчиненные органы и отделы погранохраны и войск ОГПУ, которые шли по отдельному штату, в аппарате полпреда ОГПУ в УССР в 1928 году работало 429 человек.

Даже если бы главный чекист Украины захотел бы взять с собой в Москву одного из чиновников, то у него возникли бы определенные сложности административно-правового характера. В 2-м пункте Постановления Политбюро ЦК ВКП(б) № 54 «О органах ОГПУ» датированном 5 августа 1931 года было сказано:

«...з) Воспретить тт. (...) Балицкому и другим ответственным работникам ОГПУ, передвигаемым с места на место, брать с собой кого бы то ни было из близких им работников тех областей районов, откуда их переводят»^[76].

Хотя Всеволод Аполлонович Балицкий нарушил это постановление. В Москву вместе с ним прибыла многочисленная «команда» украинских чекистов^[77]. Среди ее членов следует отметить двоих: бывшего начальника Особого Отдела ГПУ Украинского военного округа Израиля Моисеевича Леплевского и бывшего начальника Секретно-политического отдела ГПУ Украины Генриха Самойловича Люшкова. Первый стал начальником Особого отдела ОГПУ СССР, а второй – помощником начальника Секретно-политического отдела ОГПУ. В 1933 году Всеволод Аполлонович Балицкий вместе с Израилем Моисеевичем Леплевским

вернулся обратно на Украину. Обоих расстреляли в 1937 году. А о судьбе третьего харьковского выдвиженца мы рассказали в предыдущей главе.

В декабре 1931 года Павел Анатольевич Судоплатов вернулся в Харьков и был назначен инспектором Организационно-инструкторского отдела ГПУ УССР. На этом посту он проработал меньше трех месяцев. В феврале 1932 года его перевели в Москву.

Командуя кадрами в Москве

Первую должность в центральном аппарате Лубянки – инспектора резерва Отдела кадров ОГПУ – Павел Анатольевич Судоплатов занял 18 февраля 1932 года. Отдел кадров как самостоятельное подразделение был образован 25 июля 1931 года на базе ликвидированного Административно-организационного управления ОГПУ СССР. Новый отдел имел пять отделений^[78]. А уже 15 января 1933 года главного героя нашей книги повысили – назначили старшим инспектором 1-го отделения Отдела кадров ОГПУ, которое курировало кадры Иностранного отдела (внешняя разведка) ОГПУ. Очевидно, он нашел общий отдел с работниками отдела или сумел понравиться начальству. Прошло три с половиной месяца, и Павел Анатольевич Судоплатов 1 апреля 1933 года был переведен на вакантную должность оперуполномоченного 5-го отделения (работа по белой эмиграции – начальник А. П. Федоров), а затем перемещен на аналогичную должность в 8-е отделение (научно-техническая разведка – начальник Петр Данилович Гутцайт) ИНО ОГПУ.

Главный герой нашей книги утверждал, что его переход из Отдела кадров в Иностраный отдел произошел благодаря стечению обстоятельств. Сотрудница ИНО Тамара Кулинич, отвечавшая за наблюдение и борьбу с украинской эмиграцией, подала рапорт об отставке по состоянию здоровья. И освободившееся место руководитель советской внешней разведки Артур Христианович Артузов предложил занять Павлу Анатольевичу Судоплатову^[79]. При этом он не объяснил, почему через непродолжительное время его перевели в 8-е отделение, которое не имело никакого отношения к

украинским националистами, а занималось вопросами научно-технической разведки. Подробнее о деятельности этого подразделения советской внешней разведки можно прочесть в книге «Научно-техническая разведка от Ленина до Горбачева»^[80].

Сын главного героя нашей книги Андрей Павлович Судоплатов считал:

«...своим назначением в Иностранный отдел отец был обязан одному из наиболее талантливых и образованных чекистов того времени, также переведенному в центральный аппарат с Украины, – Валерию Михайловичу Горожанину»^[81].

Престижно, когда в роли покровителя выступает человек, кому Владимир Владимирович Маяковский посвятил свое стихотворение «Солдаты Дзержинского». Вот только как объяснить тот факт, что помощником начальника ИНО ОГПУ он стал только 5 июля 1933 года – спустя три месяца после перевода в отдел Павла Анатольевича Судоплатова. А до этого он занимал пост заместителя начальника секретно-политического отдела ОГПУ СССР. Ниже мы подробно расскажем об этом человеке, а пока отметим лишь, что главному герою нашей книги повезло, что в его переводе в ИНО этот украинский чекист активного участия не принимал. В противном случае в августе 1937 года, в рамках расследования дела о контрреволюционной террористической организации, арестовали и расстреляли бы не только самого Валерия Михайловича Горожанина, но и его протеже. Хотя факт их контактов стал одним из пунктов обвинения, выдвинутого в конце 1938 года на партсобрании отдела, где обсуждалось персональное дело главного героя нашей книги.

Мы бы добавили еще одну причину перевода Павла Анатольевича Судоплатова из Отдела кадров в оперативное подразделение - очередная реформа центрального аппарата. В апреле 1933 года был введен новый штат ИНО, включавший в себя 110 сотрудников. После предыдущей реорганизации, проведенной в январе 1930 года, в центральном аппарате советской внешней разведки трудилось 94 сотрудника^[82].

На новом месте работы Павлу Анатольевичу Судоплатову пришлось заниматься острой проблемой украинского национализма. А она в двадцатые - пятидесятые годы прошлого века носила не теоретический, а практический, можно сказать, кровавый, характер. Все знают про бандеровцев, терроризировавших просоветски настроенных жителей Западной Украины с 1944 года до середины пятидесятых годов прошлого века. Хотя вооруженное противостояние украинских националистов и московских империалистов - интернационалистов (в зависимости от вкуса) началось значительно раньше - в двадцатые годы прошлого века, и бороться Павлу Анатольевичу Судоплатову пришлось не с мифическим, а с очень даже реальным и опасным врагом. Противника он уже хорошо узнал во время Гражданской войны и службы в ГПУ Украины.

Западноукраинские националисты против советских интернационалистов

На рубеже XIX–XX веков украинское национальное движение имело либерально-демократический характер. Радикализм появился в нем после окончания Первой мировой войны, распада империй и серии революций. Украинцы оказались одной из немногих наций, оставшихся без собственного государства. Фактически страна оказалась поделенной между Советским Союзом (восточная и центральная часть страны), Польшей (западно-украинские земли), Чехословакией (Закарпатская Украина) и Румынией (Буковина).

Естественно, украинские патриоты – особенно из младшего поколения – не могли смириться с таким положением дел. Началась дискуссия относительно причин поражения. Не без влияния популярного в то время публициста и философа Дмитрия Донцова в среде ветеранов (особенно ветеранов Украинской галицкой армии и Корпуса Сечевых Стрельцов) и студенчества распространяется мнение, что виной всему – социалистические идеи и демократический стиль руководства лидеров Украинской народной республики (УНР). Поэтому вся дальнейшая работа должна была строиться на авторитаризме как альтернативе демократии. Кроме того, в условиях конспирации полувоенный стиль руководства был просто необходим для функционирования организации^[83].

В августе 1920 года один из сподвижников Симона Петлюры Евгений Коновалец объявил о создании

Украинской военной организации - УВО. Она должна была продолжить борьбу за независимость Украины. Ядро УВО образовала группа выходцев из Галичины (территория Западной Украины). Эти люди в течение шести лет сражались против русских, польских и советских войск.

К 1925 году УВО перешла на позиции идеологического осознания национализма, а в 1927 году вместе с другими организациями (Лигой украинских националистов, Группой украинской националистической молодежи, Союзом украинской национальной молодежи) создала единый координирующий орган - Провод украинских националистов, во главе которого стал лидер УВО Евгений Коновалец. В январе 1929 года в Вене был проведён учредительный Конгресс Организации украинских националистов, в который влились все вышеперечисленные организации.

Евгений Коновалец официально возглавил УВО только в 1923 году, когда в Гданьске его провозгласил президентом провода сбор комендантов. После признания Антантой прав Польши на Восточную Галицию руководитель организации со своим штабом переехал в Берлин на Гауптштрассе, 11. Именно тогда началось сотрудничество западноукраинских националистов с германскими спецслужбами. Оговоримся сразу, оно носило технический, а не идеологический характер. Германию интересовали прежде всего возможности западноукраинских националистов в сфере ведения разведывательно-диверсионной работы на территории СССР и Польши. Хотя в тридцатые годы прошлого века Варшава и Прага интересовала Берлин больше, чем Москва.

Если говорить о финансировании работы против СССР, то в конце двадцатых годов прошлого века предпочтение отдавалось движению гетмана Павла

Скоропадского, а не ОУН. Когда Адольф Гитлер пришел к власти, то финансирование западноукраинских националистов еще больше уменьшилось и возобновилось лишь с началом Второй мировой войны. Хотя это не повлияло на активное сотрудничество большинства лидеров ОУН с германской военной разведкой.

Евгений Коновалец подписал письменное соглашение с начальником отдела немецкой контрразведки полковником Гемпшем приблизительно в 1923-1924 году. Берлин ежемесячно выделял украинским националистам 900 марок (позже сумма возросла до 7000 марок), но требовала взамен выполнения специфичных задач, в первую очередь в отношении Польши. Напомним, что в двадцатые-тридцатые годы прошлого века у Варшавы было два основных противника в Европе – Москва и Берлин.

Руководство УВО в короткий срок создала подпольную сеть организаций на территории советской Украины, а также в Варшаве, Кракове, Гданьске, Вроцлаве, Люблине и других крупных городах Речи Посполитой.

С 1923 года установлены контакты со спецслужбами Литвы, часть которой поляки оккупировали еще в 1920 году. Начальник штаба литовских стрелков капитан Клейматис ежеквартально давал по 2000 долларов, не считая разовых выплат.

В центре Каунаса расположилась резидентура УВО в составе 15 подпольщиков, владевших белорусским и литовским языками. Они вели разведработу в Белоруссии, содействовали закупкам оружия, поддерживали связь с группами УВО в Берлине, Вене, Париже. О возможностях подчиненных Евгения Коновальца, имевшего для прикрытия литовский паспорт, говорит передача ими литовцам в 1926 году

плана польской агрессии и содействие в переброске двух купленных в Германии подводных лодок.

А вот на территории центральной и восточной части Украины, входивших в состав СССР, реальная деятельность украинских националистов была значительно слабее, чем на территории Западной Украине, в Польше или Чехословакии. Объяснялось это не только эффективной деятельностью советских органов госбезопасности (хотя и польские спецслужбы в период между двумя мировыми войнами считались одними из сильнейших в Европе), но и политикой украинизации, активно проводимой Москвой. Это не значит, что украинские националисты не представляли угрозы для Кремля. Больше всего руководство СССР беспокоили террористические акты, возможность возникновения «пятой колонны» в случае начала войны и диверсионные группы, проникающие из-за границы.

В 1929 году на съезде националистических организаций (первый великий сбор) УВО переименовали в организацию украинских националистов (ОУН). До поры до времени к новому названию было прикреплено, как приложение, старое – ОУН-УВО. В 1930 году вторая часть аббревиатуры была упразднена.

ОУН стала классической праворадикальной, террористической организацией, ориентирующейся идеологически на итальянскую модель фашизма – к тому времени самую передовую европейскую идеологию. Заметим: фашистскую модель, но не нацистскую! ОУН были чужды расовые принципы, для ОУН не был определяющим фактор антисемитизма. Лидеры ОУН Рико Ярый, генерал Мыкола Капустянский, Мыкола Сциборский были женаты на еврейках^[84]. При этом одним из ее основных противников оставалась Москва, так же как и Варшава.

Руководство УВО-ОУН, начиная с 1921-1922 годов, регулярно отправляло на территорию Советской Украины своих эмиссаров. Вот только большинство из них пропадало бесследно на огромных просторах СССР, а немногие вернувшиеся смогли сообщить лишь о неудачах. Единственным, кому, как думалось живущим в эмиграции лидерам западно-украинских националистов, удалось создать подпольную организацию, был Василий Хомяк-Лебедь.

Лебедь-Хомяк

Стоит подробнее рассказать об этом человеке. Ведь судьба трижды сводила его с главным героем нашей книги. В первый раз – в середине тридцатых годов прошлого века, когда они вместе действовали в оуновском подполье. Во второй раз – в годы Великой Отечественной войны, когда полковник Василий Владимирович Лебедь командовал спецотрядом имени Богдана Хмельницкого, выведенным в тыл противника и действующим под Ровно на территории оккупированной Украины по линии Четвертого Управления НКВД-НКГБ СССР^[85]. А третий раз – в семидесятые годы прошлого века, когда он решил написать воспоминания об отдельных эпизодах своей жизни.

Василий Владимирович Хомяк, ставший позднее в СССР Лебедем, родился в 1899 году в Галиции. В годы Первой мировой войны он служил в украинских формированиях австро-венгерской армии, так называемых «украинских сечевых стрельцах», затем попал в русский плен и с 1915 по 1918 год просидел вместе с будущим вождем ОУН Евгением Коновальцем в лагере для военнопленных под Царицыном.

В Гражданскую войну он стал заместителем Евгения Коновальца и командовал пехотной дивизией, сражавшейся против частей Красной Армии на Украине.

В 1920 году, после отступления отрядов УНР в Польшу, Василий Владимирович Хомяк остался на Украине, где вскоре и был привлечен к сотрудничеству с органами ВЧК. Но когда точно это произошло, доподлинно неизвестно. Участвовал в ликвидации многочисленных петлюровских банд^[86]. О своих боевых делах ветеран тайной войны рассказал в очерке, опубликованном в одном из сборников «Динамовцы в

боях за Родину», редактором которого был Павел Анатольевич Судоплатов.

К началу тридцатых годов прошлого века никаких сомнений в том, что Василий Лебедь является руководителем националистического подполья на Украине, у Евгения Коновальца и других лидеров ОУН не было. Во многом это было следствием того, что для эмигрантов Лебедь-Хомяк имел хорошо разработанную легенду, которая объясняла его широкие связи на Украине. Он якобы окончил специальные финансовые курсы в Харькове и работал там же в строительном тресте.

Когда же в начале тридцатых годов прошлого века на Украине начались аресты, Василий Лебедь по совету своего тестя скрылся из города и устроился с помощью знакомых моряков по фальшивым документам на советский корабль, на котором и прибыл в начале августа 1933 года в Бельгию.

Здесь он встретился с Евгением Коновальцем и другими руководителями ОУН, которые достали ему документы на фамилии Найденко и Пригода. Около года он находился за границей и сумел за это время вступить в контакты с руководителями Абвера в Берлине. А именно они, помимо прочего, сообщили гостю о том, что Евгения Коновальца дважды принимал Адольф Гитлер и что во время одной из встреч фюрер предложил Коновальцу направить несколько оуновцев в нацистскую партийную школу в Лейпциге, для того чтобы они прошли там курс обучения.

В октябре 1934 года Василий Лебедь через Финляндию возвратился на Украину в Киев и доложил своему руководству, что Евгений Коновалец рассматривает его как «своего человека» в СССР, способного провести подготовительную работу для захвата националистами власти в Киеве в случае войны, и что аналогичные расчеты строит в отношении него и

Абвер. Этим обстоятельством и решили воспользоваться в Москве для того, чтобы внедрить в ОУН своего сотрудника.

Перед ним ставилась та же задача, что и в других проводимых чекистами в те годы операциях по типу «Треста», – убедить эмигрантов в том, что их террористическая деятельность на Украине не имеет никаких шансов на успех, что власти немедленно разгромят небольшие очаги сопротивления и что надо держать все силы и подпольную сеть в резерве, пока не начнется война между Германией и Советским Союзом, и только в этом случае их использовать.

О ходе дальнейших событий в предвоенные годы мы расскажем ниже. А пока завершим повествование о судьбе Василя Лебеда. Он благополучно пережил репрессии 1937 года, по крайней мере, остался жив, и в годы Великой Отечественной войны командовал партизанским отрядом, выросшим из спецотряда имени Богдана Хмельницкого. После окончания войны он продолжал служить в органах госбезопасности, в т. ч. и во внешней разведке. Умер в семидесятые годы прошлого века в Киеве^[87].

Кругом одни враги

Украина, как и вся территория Советского Союза, начиная с середины двадцатых годов прошлого века, для иностранных разведок и зарубежных антисоветских организаций фактически стала «мертвой зоной». Почти все активно действующие в ней подпольные организации контролировались или изначально были созданы чекистами.

В 1934 году завершилась начатая в середине двадцатых годов прошлого века агентурная разработка «Академия». Она позволила выявить и взять под контроль нелегальные каналы проникновения агентов английской разведки на территорию УССР, использовать выявленные переправы, явки и связи противника для последующего внедрения агентов органов госбезопасности в английскую разведку и зарубежные белоэмигрантские центры.

С ней связана другая агентурная разработка – «Консул». Она велась с 1926 года по 1936 год отделом ГПУ-УНКВД по Одесской области и ГПУ-НКВД УССР. В результате нее в феврале 1930 года удалось вывести в Румынию руководителя «нелегальной повстанческой организации» на юге Украины Пантелеймона Федоровича Колюжного («Консул») и его жену «Марко Вовчок». Как бывший участник петлюровского и эсеровского движения на Украине, он сумел войти в доверие к заместителю резидента британской разведки и руководителям одной из зарубежных украинских национальных организаций «Миссия украинских эмигрантов».

В течение ряда лет «Консул», находясь за рубежом, успешно выполнял задания советских органов госбезопасности. В частности, он руководил

«антисоветской организацией», которая имела свои отделения в Житомире, Одессе, Бердянске и других городах республики и почти полностью состояла из агентов и сотрудников органов госбезопасности, игравших роли содержателей конспиративных квартир, курьеров, переправщиков через границу и рядовых членов. В процессе оперативной игры проводились мероприятия по выводу за кордон агентов ОГПУ Украины и внедрению их в агентурную сеть противника, выявлению и захвату вражеских эмиссаров на советской территории и т. п.^[88] Аналогичная работа проводилась и членами организации, руководимой Василием Лебедем.

Если говорить непосредственно об ОУН, то «Хомяк» был не единственным советским агентом в ближайшем окружении Евгения Коновальца. В настоящее время рассекречены имена еще двоих «тайных информаторов Москвы». Хотя агентов в окружении руководства ОУН было значительно больше, но об этих людях еще рано рассказывать.

Осенью 1926 года к сотрудничеству с иностранным отделом ИНО был привлечен в Париже талантливый художник Николай Петрович Глущенко («Ярема»). Его сразу же ориентировали на добычу сведений о националистических организациях^[89]. В этом нет ничего удивительного. В Париже на улице Волонтеров, 23, он имел ателье и слыл незаурядным мастером пейзажа. Его студию посещали лидеры белоэмигрантских и украинских националистических группировок, иностранные правительственные чиновники, туристы. Среди постоянных гостей был и эрцгерцог Вильгельм фон Габсбург - племянник бывшего австрийского императора Франца Иосифа, более известный в националистических кругах как полковник Украинской Галицкой Армии Василь

Вышиваный. Наведывался в ателье и Дмитро Андриевский – один из основателей ОУН.

В период проживания во Франции и Германии, как сказано в рассекреченном архивном документе, «Ярема» выполнил ряд сложных заданий по добыванию научно-технической информации оборонного характера. В результате советская разведка получила совершенно секретные чертежи на 205 видов военной техники, в частности авиационных моторов для истребителей. С помощью «Яремы» ИНО ГУГБ НКВД привлек к разведывательной работе нескольких влиятельных деятелей закордонных антисоветских националистических организаций, что позволило в значительной мере «локализовать их враждебную деятельность против СССР». Неясно, завербовал ли он их сам или сыграл роль «наводчика».

В июле 1936 года «Ярема» с семьей вернулся в СССР. Хотя на этом его сотрудничество с органами советской внешней разведки не закончилось. Выполняя задание чекистов, «Ярема» 17 апреля 1940 года выехал в составе делегации Всесоюзного общества культурных связей в Берлин, где провел ряд конспиративных встреч и добыл чрезвычайно ценную информацию. На ее основе была подготовлена докладная записка высшему руководству страны. В Государственном архиве Службы безопасности Украины сохранилась копия этого исторического документа. В нем однозначно утверждается: невзирая на заключенный с СССР договор о дружбе, правительство Германии активно готовится к войне против Советского Союза...

Самое интересное, что исследователи деятельности советской разведки обратили внимание на такую деталь (об этом писала газета «Правда» в мае 1989 года): легендарный Рихард Зорге 18 ноября радиограммой из Японии сообщил Центру о возможном нападении Германии на СССР, а докладная с

материалами «Яремы» попала к Иосифу Сталину 10 июня 1940 года, то есть на пять месяцев раньше^[90]. По утверждению отдельных историков, во время командировки в Германию «Ярема» встречался с Адольфом Гитлером.

В ближайшем окружении Евгения Коновальца трудился и другой агент советской разведки, «Лоцман» (псевдоним изменен). В 1936 году его наградили орденом Красной Звезды^[91].

Не всем агентам Лубянки удавалось внедриться в ближайшее окружение руководства ОУН. Бывали и неудачи. В 1929 году из Польши в Чехословакию прибыл Василий Михальчук. Он сразу же поступил в пражский Украинский педагогический институт и начал активно участвовать в политической жизни украинской диаспоры. В процессе процедуры проверки при приеме в ОУН выяснилось, что с 1927 по 1928 год он находился на территории Советской Украины, хотя тщательно скрывал этот факт. Затем выяснилось, что в Варшаве он пытался проникнуть в подпольную молодежную организацию западноукраинских националистов, но не смог. В 1930 году Василий Михальчук опубликовал статью, где «раскрыл провокаторские методы ГПУ». В ней он, частности, утверждал, что «уполномоченные ГПУ Орловский и Долинский заявили мне, что я должен выполнять их задание. Если я не буду сотрудничать с ними, то меня объявят шпионом и расстреляют. Брат также уговаривал согласиться, в противном случае предсказывая расстрел».

Автор не стал бы однозначно оценивать Василия Михальчука как жертву коварных чекистов, заставивших насильно отправиться его за кордон. В своем заявлении советский агент рассказал об активном участии в деятельности украинской националистической организации «Спілка Визволення

України» - СВУ и тем самым подтвердил реальную опасность для советской власти этой организации. Как раз в это время в Харькове проходил судебный процесс по делу ее руководителей, и Москве требовалось доказать Западу, что СВУ реально существует, а не выдумана чекистами.

В 1924 году в Украинской академии наук под руководством академика Сергея Александровича Ефремова была создана нелегальная, антисоветская и антибольшевистская организация «Спілка Визволення України», а для работы среди студентов националист Микола Петрович Павлушков создал «Спілку Української Молоді» (СУМ). Главной задачей СВУ-СУМ было, говоря современным языком, содействие обретению Украиной государственной независимости и создание национального буржуазного демократического государства с гарантией всех гражданских свобод.

По утверждению Василя Михальчука, уже в середине двадцатых годов прошлого века чекисты знали о существовании СВУ-СУМ и проводили определенную работу. Например, ему нужно было подобрать среди членов этой организации несколько человек, согласных нелегально уйти за рубеж. Такое задание легко объяснимо. Василию Михальчуку проще было бы пройти проверку, объявись он в Варшаве не один, а в составе группы истинных украинских националистов.

Свое заявление о работе в СВУ-СУМ агент сделал как минимум через три месяца после того, как в УССР было официально объявлено о раскрытии этой организации. В газете «Черноморская коммуна» 22 ноября 1929 года в рубрике «Сообщения ГПУ Украины» сообщалось о раскрытии чекистами контрреволюционной организации «Спілка Визволення України». Среди ее членов были «бывшие министры, офицеры, епископы, участники банд», которые ставили своей основной

задачей «реставрацию капитализма на Украине». На прошедшем на следующий день в Киеве митинге, как сообщила республиканская газета «Коммунист», ораторы призывали расстрелять «продажных представителей украинской контрреволюции».

Начало большой войны

До начала тридцатых годов прошлого века между западноукраинскими националистами и Лубянкой шла «тихая» война. В схватках на территории Советского Союза рядовые члены и эмиссары ОУН попадали в ГУЛАГ лет на десять. Расстреливать их стали чуть позднее. В той же Польше с западноукраинскими националистами поступали суровее. А вот за границей официальные советские лица и лидеры ОУН чувствовали себя в относительной безопасности.

В 1933 году ситуация кардинально изменилась. Во Львове 22 октября 1933 года восемнадцатилетний боевик ОУН, студент юридического факультета Львовского университета Николай Лемик двумя выстрелами из браунинга убил администратора советского консульского Андрея Майлова. Убийца даже не пытался скрыться с места преступления. В результате украинские адвокаты получили отличную возможность поговорить на суде о Голодоморе и тотальных репрессиях на Украине. На самом деле пули предназначались не другу Павла Анатольевича Судоплатова – сотруднику ИНО ОГПУ, работавшему в Львове под дипломатическим «прикрытием» (хотя отдельные украинские историки утверждают, что человек по фамилии Майлов не значился в списке сотрудников консульства), а советскому консулу – в тот вечер его не было на приеме.

Справедливости ради отметим, что чекист из советского посольства не был единственной жертвой местных западноукраинских националистов. Было среди пострадавших и множество «икроедов». Так в городе называли тех, кто на каждом углу кричал о замечательной жизни в стране большевиков. Консул

регулярно приглашал «на икру» многих представителей местной интеллектуальной элиты, симпатизирующих СССР (сейчас бы этих людей назвали «агентами влияния»), а сотрудники советской разведки на таких приемах встречались со своими осведомителями.

Обычно члены ОУН ограничивались всего лишь избиением любителей русской кухни, предварительно объясняя им причину столь сурового обхождения. Одним из первых «потерпевших» стал тогдашний глава Научного общества им. Тараса Шевченко профессор Кирилл Студинский. А вот его коллеге, профессору Антону Крушельницкому, повезло значительно меньше – как впоследствии признавал руководитель ОУН Степан Бандера, в свое время он распорядился убить ученого. В своей газете «Нові Шляхи» профессор доказывал, что Украина может полноценно развиваться только благодаря коммунистам. И, как показало время, он был прав. Правда, узнав о том, что профессор решил выехать в Советскую Украину, Степан Бандера отменил свое решение и, как показала жизнь, не прогадал: в СССР вся семья эмигранта была уничтожена, а фотография профессора занимает достойное место в экспозиции музея Соловецкого кремля^[92].

О пострадавших жителях Львова, пусть даже и «агентов влияния», в Москве особо не переживали, а вот убийство советского гражданина спровоцировало Лубянку на радикальные меры. Председатель ОГПУ Вячеслав Менжинский приказал разработать мероприятия по нейтрализации лидеров украинских националистов.

Дан приказ ему на Запад

По утверждению Павла Анатольевича Судоплатова, предложение стать разведчиком-нелегалом он поручил от начальника ИНО Абрама Ароновича Слуцкого после трагических событий во Львове. Впоследствии главный герой нашей книги о крутом повороте в своей судьбе высказался так: «...чем больше я думал об этом предложении, тем более заманчивым оно мне представлялось. И я согласился. После чего сразу приступил к интенсивному изучению немецкого языка – занятия проходили на явочной квартире пять раз в неделю. Опытные инструкторы обучали меня также приемам рукопашного боя и владению оружием. Исключительно полезными для меня были встречи с заместителем начальника Иностранного отдела ОГПУ-НКВД Шпигельгласом. У него был большой опыт работы за границей в качестве нелегала – в Китае и Западной Европе. (...) После восьми месяцев обучения я был готов отправиться в свою первую зарубежную командировку в сопровождении Лебедея, “главного представителя” ОУН на Украине, а в действительности нашего тайного агента на протяжении многих лет»^[93].

Ради исторической справедливости отметим, что в резерв ОГПУ «в связи с выездом в заграничную командировку» Павел Анатольевич Судоплатов был переведен 1 октября 1933 года – за три недели до убийства во Львове. Так что его новое назначение никак не было связано с активизацией работы ОГПУ против украинских националистов. Также немного странно звучит описание программы подготовки (стрельба и рукопашный бой) – больше напоминающее сюжет шпионского романа, чем мемуары советского разведчика тридцатых годов прошлого века.

В своих воспоминаниях главный герой нашей книги ничего не рассказал о своей первой заграничной командировке, которая официально закончилась 1 июня 1934 года. После возвращения из нее его зачислили в Иностраный отдел на должность оперуполномоченного, а с 1 ноября 1934 года утвердили оперуполномоченным 7-го отделения (экономическая разведка) ИНО ГУГБ НКВД СССР. По тем временам высокая должность. Учитывая то, что острый дефицит кадров начался через три года и, возможно, были другие достойные кандидаты на эту должность, можно предположить, что с поставленными перед ним во время заграничной командировки задачами Павел Анатольевич Судоплатов справился.

Кадровая политика в центральном аппарате внешней разведки в середине и конце тридцатых годов прошлого века была такой. Новичок получал назначение на должность стажера. Через какое-то время его повышали – теперь он становился оперуполномоченным. Следующая ступенька – заместитель или начальник отделения. По современным меркам, отделение – низшая ступень в структуре аппарата разведки. Но тогда более крупных подразделений – отделов, секторов или управлений – не было. Поэтому отделения замыкались прямо на руководство внешней разведки^[94].

Секретная миссия

До сих пор первая заграничная командировка нашего героя продолжает оставаться вне поля зрения многочисленных авторов его жизнеописаний. В этом нет ничего удивительного. Сам Павел Анатольевич Судоплатов в своей книге «Разведка и Кремль» про нее ничего не написал, а в доступных на сегодняшний день для исследователей архивных материалах указан лишь ее срок. Есть лишь две «зацепки».

Во-первых, перед командировкой Павел Анатольевич Судоплатов активно изучал немецкий язык.

Во-вторых, в 1933 году он познакомился с легендарным советским «нелегалом» Дмитрием Быстролетовым (оперативный псевдоним «Ганс»). О взаимоотношениях этих двух неординарных людей будет подробно рассказано ниже, а пока отметим один любопытный факт. «Ганс» в середине 1933 года прибыл из Италии в Германию – привез секретные образцы военной техники. Дальше их должны были переправить в СССР. Обычно такие предметы пересылают дипломатической почтой. Надежно и безопасно. Вот только кто-то должен был их доставить на территорию советского посольства в Берлине. Был и альтернативный вариант – на борту одного из советских судов.

Можно предположить, что Павел Анатольевич Судоплатов выполнял функции курьера в Германии и взаимодействовал с «Гансом» или кем-то еще из советских «нелегалов». Маловероятно, что его использовали в качестве «нелегала». Срок пребывания в стране очень маленький. Если бы он был «отозван» из-за повышенного внимания германской контрразведки,

то маловероятно, что его бы использовали для проникновения в руководства ОУН.

В пользу версии о том, что Павел Анатольевич Судоплатов посетил Германию, косвенно свидетельствует такой факт. Начиная с середины двадцатых годов прошлого века эта страна стала одним из объектов повышенного внимания со стороны отечественной научно-технической разведки. Не изменилась ситуация и с приходом к власти Адольфа Гитлера. Наоборот, возросло количество советских специалистов, легально посетивших Третий Рейх. Также активизировалась деятельность разведки. В одном из документов, подготовленных на Лубянке, его авторы с гордостью констатировали:

«Анализ работы берлинского аппарата органов внешней разведки в 1933–1937 годах показывает, что оперативное сочетание разведывательной работы с легальных и нелегальных позиций дало положительные результаты в тяжелой агентурно-оперативной обстановке в Германии после прихода к власти фашизма. Наш разведывательный аппарат не только сумел избежать провалов и обеспечить активную работу агентуры, но и добиться положительных результатов в вербовке источников информации... Несколько ценных агентов удалось приобрести научно-технической разведке»^[95].

Поэтому высока вероятность того, что в помощь уже работающим в Третьем Рейхе советским разведчикам Москва командировала еще одного сотрудника центрального аппарата ИНО.

Оговоримся сразу, новичок не должен был заниматься вербовкой новых агентов, а выполнял

обязанности курьера или страховал коллег при их встречах с информаторами.

Глава 5. Под псевдонимом «Андрей»

«С 1 марта по 1 октября 1935 года, находясь в служебной командировке, состоял в особом резерве Отдела кадров по должности оперуполномоченного с прикомандированием к ИНО ГУГБ НКВД СССР.

7 апреля 1935 года вернулся к исполнению обязанностей.

С 1 июля 1935 года исключен из списков личного состава в связи с направлением за границу для выполнения специального задания (оперативный псевдоним «Андрей»)»

После успешного выполнения первого задания за границей руководство ИНО приняло решение использовать Павла Анатольевича Судоплатова для проникновения в ближайшее окружение руководства ООН. Мы бы не стали утверждать, что он был единственным, перед кем была поставлена такая задача. В прошлой главе автор рассказал о других агентах и кадровых сотрудниках ОГПУ-НКВД, имевших аналогичное задание. Возможно, у украинских чекистов, руководящих деятельностью мифической организации Василия Лебеда, возникли специфичные проблемы. Им нужно было направить за рубеж своего эмиссара с докладом о проделанной работе. Использовать кого-либо из прибывших из-за рубежа гостей было небезопасно. Ведь они могли согласиться на сотрудничество с ОГПУ ради спасения собственной

жизни, а не по идеологическим мотивам. Можно было отправить самого Василия Лебеда, но такой поступок вызвал бы подозрение у руководства ОУН: если существует организация, то почему руководитель не смог прислать никого из ее членов, а поехал сам?

В июле 1935 года «Хомяк» прибыл в Финляндию вместе с двадцатипятилетним Павлом Грищенко. Василий Лебедь объяснил встречающим, что это бывший комсомолец, разуверившийся в идеях коммунизма и ставший фанатичным украинским националистом. Тогда же один из лидеров ОУН Дмитрий Андриевский придумал первый псевдоним юноше – «Павлусь». Чуть позже появились еще два – «Вельмуд» и «Норберт», а после убийства Евгения Коновальца – «Валюх».

На финской земле

Интересные воспоминания о своей первой встрече с Павлом Анатольевичем Судоплатовым оставила известная советская разведчица и не менее популярная детская писательница Зоя Ивановна Рыбкина-Воскресенская (оперативный псевдоним «Ирина»).

С 1935 года по 1939 год она работала заместителем руководителя легальной резидентуры в Финляндии под «прикрытием» представителя ВАО «Интурист». Отвечала за связь с советскими нелегалами, действовавшими в скандинавских странах^[96]. В сентябре 1935 года в Финляндию прибыл ее будущий муж, а тогда просто коллега и начальник – Борис Аркадьевич Рыбкин (оперативный псевдоним «Кин»).

Однажды из Москвы было получено задание – установить связь с нашим разведчиком «Андреем», нелегально переброшенным через советско-финскую границу. В телеграмме Центра указывались лишь место встречи и пароль. Разумеется, они не знали, кто скрывается под именем «Андрей».

В назначенный час «Ирина» вместе с «Кинем» выехали на окраину Хельсинки и увидели на высокой деревянной перекладине, огораживавшей дорогу, молодого человека в дешевом и мятом костюме. Он сидел и беспечно болтал ногами. Ветер трепал его густые темные волосы.

Зоя Ивановна Рыбкина-Воскресенская, увидев незнакомца, забеспокоилась: почему именно здесь, на обусловленном месте встречи, оказался подозрительный субъект? Резидент усмехнулся, почувствовав волнение спутницы, и сделал незнакомцу упреждающий знак рукой: «Оставайся на месте!» – и

они поехали дальше. Спустившись в долину, «Кин» развернул машину и негромко произнес:

- Это и есть «Андрей». Я его знаю по Лубянке. Мы с ним не раз бывали на инструктивных докладах для лекторов по международному положению.

Автомобиль медленно вскарабкался в гору. «Андрей» уже прохаживался вдоль перекладины на обочине, «Кин» притормозил и произнес пароль, хотя оба узнали друг друга и обменялись улыбками. Получил отзыв. Вторая часть пароля – контрольная.

Место было пустынное. Обзор хороший.

- Быстро в машину, – скомандовал Борис Аркадьевич Рыбкин разведчику, а спутнице велел пересесть на заднее сиденье.

- У меня времени в обрез. – «Андрей» явно торопился. – Сообщите в Москву. Прибыл нормально. Остановился на жительство у Кондрата Полуведько. Имейте в виду, я для него представляю украинское националистическое подполье. О моей фактической роли он знать не должен. Так решил Центр.

«Кин» повернул машину на лесную дорогу и произнес строгим и холодным тоном, обращаясь к визитеру из Советского Союза:

- Здесь я вас высажу. Пойдете по этой дороге до трамвайной остановки...

- А дальше по шпалам, по шпалам... – попытался пошутить разведчик, чтобы разрядить официальную атмосферу встречи. Его легко можно было понять. Ведь Павел Анатольевич Судоплатов постоянно находился в нервном напряжении. Ему приходилось контролировать не только каждое слово, но каждый жест и взгляд.

- Следующая встреча и основательный разговор – в пятницу. Заберем на том же месте. А пока осваивайтесь с городом и окрестностями. Присмотритесь внимательнее к «Тогобийчному», он ведь наш, постарайтесь с ним подружиться, – водитель

продолжил говорить так же строго, не реагируя на шутку собеседника. Затем он становил машину и, прощаясь, добавил: – Итак, до встречи!

Сидя в машине, Зоя Ивановна Рыбкина-Воскресенская молчала всю дорогу и внимательно присматривалась к новому подопечному. Ее поразила кожа на лице и шее «Андрея». Красная, бугристая. Заплывшие глаза. Молодой человек заметил ее недоумение и пояснил, что, пока он двое суток пробирался через болота и озера, его сильно покусало комарье. Женщина вынула из своей дамской сумочки флакончик с гвоздичным маслом и предложила жертве кровопийц воспользоваться им^[97].

В Финляндии «Андрея» опекал руководитель местного отделения ОУН Кондрат Никитич Полуведько («Тогобийчний»)^[98]. Об этом человеке стоит рассказать подробнее. Дата и место его рождения автору неизвестны. В период Гражданской войны, будучи украинским эсером, получил определенную известность в петлюровских кругах. Однако политикой ему заниматься надоело, он порвал с эсерами и отошел от активной политической деятельности, предпочтя педагогику. Непродолжительное время работал в системе наркомпроса Украины, занимая в нем высокое положение. Когда в начале тридцатых годов украинские чекисты обратились к нему с предложением выехать за границу для работы против западноукраинских националистов, Кондрат Никитич Полуведько согласился им помочь.

Для него была разработана легенда, согласно которой он входил в одну из националистических групп, ликвидированных в начале тридцатых годов прошлого века, был осужден, однако сумел бежать с Соловков в Финляндию.

Оказавшись в Хельсинки, агент украинского НКВД присоединился к здешним оуновцам и вскоре завоевал их полное доверие. В апреле 1935 года местный националистический лидер Ярослав Барановский поехал в Аргентину и в Буэнос-Айресе случайно попал под поезд. Уже в наши дни украинские националисты приписали его смерть чекистам, якобы сотрудники НКВД толкнули его под поезд, чтобы Ярослав Барановский не вернулся назад. А вакантное место занял бы их агент – Кондрат Полуведько.

На самом деле членом ОУН и ее представителем в Хельсинки (главой Украинской Громады в Финляндии) [\[99\]](#) он стал благодаря стечению обстоятельств и собственным литературным талантам. «Тогобийчний» регулярно писал статьи в эмигрантскую украинскую националистическую прессу и в издаваемую в Париже газету «Украинское слово».

Его главной задачей было поддержание связи между западноукраинскими националистами, живущими в изгнании, и их подпольной организацией в Ленинграде. Эти контакты были для оуновцев чрезвычайно важными, так как именно в городе на Неве, в отделе рукописей знаменитой библиотеки имени Салтыкова-Щедрина они прятали свои архивы. И хотя в НКВД об этом знали давно, обнаружить архивы удалось лишь после окончания Второй мировой войны, в 1949 году [\[100\]](#).

После смерти Евгения Коновальца «Тогобийчний» появился в Берлине и попал под подозрение отдельных руководителей ОУН. Они считали его соучастником убийства руководителя организации и предлагали сообщить об этом немецким властям. К их голосу соратники не прислушались, и разведчик продолжал свою активную деятельность. Он благополучно вернулся в Финляндию и прожил там до июля 1941

года. Когда Красная Армия покинула территорию Западной Украины, «Тогобийчный» объявился в Львове в качестве представителя организации ОУН(м) (в 1938 году в ОУН раскололась на две фракции, ОУН(б) и ОУН(м) – подробнее об этом будет рассказано ниже). Затем он вместе с Омельяном Сеником-Грибивским и Миколой Сциборским перебрался в Житомир, а после их гибели объявился в Харькове, где занял пост ответственного секретаря городской управы.

В начале 1942 года его арестовало гестапо (по утверждению западно-украинского националиста Б. Онуфрика («Коника»), «как разоблаченного советского агента, который повесился в тюремной камере»), где он и погиб. В последние годы выяснилось, что в Харькове он занимался созданием националистических организаций, а потом сдавал их членов немцам. Несмотря на абсурдность, на первый взгляд, этой деятельности, «Тогобийчный» мог действительно этим заниматься, выполняя приказ Центра. Москва весь период Великой Отечественной войны продолжала активную борьбу с западноукраинскими националистами. Об этом подробно рассказано в одной из следующих глав.

В Советском Союзе об этом человеке заговорили только в середине семидесятых годов прошлого века, записав его в члены харьковской подпольной организации Александра Катаева, действовавшей в оккупированном немцами городе осенью 1941 года. Хотя учитывая уровень этого агента и его связь с Первым управлением НКВД СССР (внешняя разведка), а не Четвертым управлением НКВД СССР, которое, собственно, и должно было курировать деятельность подпольщиков, сложно поверить, что он участвовал в мероприятиях по расклейке листовок или в диверсиях.

Об этом человеке даже сейчас известно очень мало, хотя еще в 1975 году харьковская газета «Красное

знамя» опубликовало о нем очерк. А двумя годами позже вышла книга об этом чекисте. Вот только в них были подробно описаны подвиги подпольщиков в оккупированном немцами Харькове и крайне скупое сказано о самом «Тогобийчном». Известно лишь, что в начале тридцатых годов прошлого века он преподавал на курсах украинизации, затем стал сотрудником внешней разведки, владел шестью языками. Пять лет провел за границей, затем вернулся на Украину. Чем конкретно занимался в оккупированном немцами Харькове – непонятно. В начале 1942 года был арестован и покончил жизнь самоубийством в тюремной камере [\[101\]](#).

«Диета» по-оуновски

На встрече с «Кином» «Тогобийчный» высказал мнение о том, что «Павлусь» сомнительный тип, которого следует немедленно ликвидировать.

- Заведу его в темное место, да и стукну по голове кирпичом, - предложил однажды мнительный Кондрат Полуведько.

- Отставить самодеятельность и кирпичи! - пришел в ужас от решительности агента резидент. - Категорически запрещаю предпринимать какие-либо несанкционированные действия!

Но от этого отношение между двумя чекистами не изменилось. «Тогобийчный» подчеркивал свою неприязнь к «Павлусю» тем, что ежедневно выделял ему на карманные расходы всего 10 финских марок.

- Учись, молодой человек, жить экономно. В условиях подполья это не повредит, - поучал он молодого коллегу.

Снова обратимся к воспоминаниям Зои Ивановны Рыбкиной-Воскресенской.

Вместе с «Кином» она обычно встречались с «Андреем» в лесу под Хельсинки - подбирали его в машину, отъезжали по лесной дороге подальше от оживленных трасс и беседовали в относительно спокойной обстановке, скрытые деревьями от посторонних любопытных глаз.

Пока резидент обсуждал с ним события, происходящие в среде местных оуновцев, спутница кормила чекиста различными домашними вкусными блюдами. Он был всегда голодный: немудрено, жил ведь на скудное пособие западноукраинских националистов. На закуску он тут же в машине получал любимое лакомство - плитку шоколада с калеными

орехами. За это благо ему приходилось немедленно расплачиваться. Шоколад был швейцарский, пахучий, каленые орехи тоже. Поэтому она заставляла его заедать лакомство чесноком или луком. А он не выносил ни того, ни другого, но вынужден был покоряться и вдобавок потом дыхнуть для подтверждения чесночного или лукового дыхания^[102].

Проходил месяц за месяцем, а связных от Евгения Коновальца все не было. Наконец, в конце 1935 года они появились в Хельсинки. Из Праги прибыл Омелян Сенник-Грибивский, а из Брюсселя - Дмитро Андриевский. Вместе с ними и с Кондратом Полуведько он отправился в Германию^[103].

В Берлине и Лейпциге

В январе 1936 года Павел Анатольевич Судоплатов прибыл в Берлин, где прожил полгода под фамилией Норберт. В этом городе он познакомился и несколько раз встречался с лидером ОУН Евгением Коновальцем. Обычно рандеву проходили на квартире, находившейся в здании Музея этнографии и выделенной Евгению Коновальцу Абвером.

А вскоре главного героя нашей книги послали на три месяца в нацистскую школу в Лейпциге, где он имел возможность познакомиться с оуновским руководством. Слушателей этой школы, естественно, интересовала личность нового слушателя, едва ли не единственного из них выходца с Советской Украины, однако никаких проблем с его «легендой» не возникло. Более того, в общении со своими «коллегами» по нацистской партийной школе он держался абсолютно уверенно и независимо: ведь он «представлял головную часть» их подпольной организации на Украине, в то время как его собеседники являлись всего лишь эмигрантами, существовавшими на немецкие подачки. Он имел право накладывать вето на их предложения, поскольку выполнял инструкции своего «дяди» («вуйко»). Поэтому если что-то в их высказываниях ему не нравилось, достаточно было просто сказать: «Вуйко не велел!»^[104].

Успешному для «Андрея» проведению операции способствовали и распри, начавшиеся в руководстве ОУН. Фактически лидеров украинских националистов больше волновала ситуация в Чехословакии и Польше, чем на территории советской Украины. Именно Восточная Европа стала ареной борьбы двух

соперничающих за власть и деньги группировок: «стариков» и «молодежи», умеренных и радикалов.

Первых представляли Евгений Коновалец и его заместитель и правая рука Андрей Мельник. Последний был на год старше первого, и они были женаты на родных сестрах. «Молодежь» же возглавляли Степан Бандера и Роман Шухевич.

Разница между лидерами двух группировок была не только в возрасте, и как следствие этого, в стремлении юного поколения занять посты старших товарищей, но и в образе жизни. Если первые после окончания Гражданской войны перебрались в страны Западной Европы и в спокойной обстановке занимались разработкой теоретических планов по захвату власти и объединению украинских земель, то вторые с оружием в руках, в буквальном смысле этого слова, пытались реализовать эти планы в жизнь на территории западноукраинских земель, которые входили в состав Польши.

Конфликт между «теоретиками» и «практиками» усугублялся еще неоправданной жестокостью последних. Жертвами развязанного ими террора становились не только поляки и русские, но и сами украинцы, проявившие недостаточную степень национализма. А Степан Бандера любил повторять: «Наша власть должна быть страшной». И этот лозунг он действительно реализовал на западноукраинских землях.

К началу тридцатых годов прошлого века руководство ОУН постепенно стало отказываться от идеи террора. Теперь основной задачей активных западноукраинских националистов Евгений Коновалец считал воспитание нового поколения в традициях борьбы за независимость и подготовку населения (в случае благоприятного стечения международных

военно-политических обстоятельств) к обретению национальной государственности.

А вот Степан Бандера и Роман Шухевич придерживались другой точки зрения. Они решили не дожидаться, пока «старики» сами добровольно уйдут на заслуженный отдых, а сместить их со своих постов. Так получилось, что Варшава и Москва невольно помогли им в этом, расчистив путь наверх – уничтожив представителей «стариков», хоть как-то сдерживавших радикализм «молодежи».

Если Москва на территории восточной и центральной Украины проводила политику с учетом интересов украинского населения, то Варшава, наоборот, всячески подавляла национальное самосознание. Это и стало одной из основных причин радикализации «молодежи».

Справедливости ради нужно отметить, что и сами западноукраинские националисты начиная с двадцатых годов прошлого века вели себя, мягко говоря, не совсем дружелюбно по отношению к польским властям. Основными направлениями деятельности УВО стали:

- индивидуальный террор против представителей польской администрации;
- саботаж;
- разведывательно-подрывная работа в интересах будущей национально-освободительной революции и Германии – главного противника Польши в двадцатые-тридцатые годы прошлого века;
- пропаганда национально-государственного возрождения Украины;
- соборность Украинских земель.

В 1929 году был создан исполнительный орган – Краевая Экзекутива ОУН в западноукраинских землях. Ее первым руководителем Евгений Коновалец назначил своего соратника времен гражданской войны Юлиана Головинского. Однако тот вскоре был убит польской

полицией. Его сменил уже представитель «молодых» Степан Охримович, но и его поляки так избili в тюрьме, что он вскоре умер.

Степан Бандера вошел в состав Краевой Экзекутивы ОУН именно благодаря Степану Охримовичу. Последний знал первого еще со времени учебы в гимназии и активно содействовал его карьере. Пост руководителя референтуры пропаганды ОУН в Западной Украине позволил Степану Бандере проявить себя как жесткого и жестокого лидера. Так, по его указанию были уничтожены сельский кузнец Михаил Белецкий, профессор филологии Львовской украинской гимназии Иван Бабий, студент университета Яков Бачинский и многие другие. А еще нападения на отделения связи и почтовые поезда.

Радикально настроенная молодежь, входившая в ОУН в западноукраинских землях, стала основным орудием экстремистских проявлений. Отчаянная борьба подпольщиков вызывала восхищение у сверстников, обреченных быть людьми второго сорта в условиях полонизации края. Хотя мало кто тогда вступал в ее ряды.

В ответ на террор западноукраинских националистов Варшава начала процесс «пацификации» («умиротворения»). Говоря современным языком, это была этническая «зачистка». Правительственные войска окружали украинские села и уничтожали их. Для подавления очагов сопротивления использовались авиация и артиллерия. В 1934 году в Березе-Картузской был образован концлагерь – реакция Варшавы на убийство польского министра внутренних дел. В нем содержалось свыше двух тысяч политзаключенных.

Одновременно польские спецслужбы успешно охотились за руководителями и активистами ОУН. В результате многие из них оказались арестованы

властями или эмигрировали. Спасаясь от неминуемого ареста и гибели, бежит за границу сменивший Степана Охримовича новый краевой проводник Иван Габрусевич. Вакантные посты занимали молодые амбициозные и радикально настроенные лидеры.

Конференция Провода ОУН в Праге в начале июня 1933 года формально утвердила двадцатичетырехлетнего Степана Бандеру в качестве краевого проводника. Террористическая деятельность при нем резко усилилась и вышла на первый план.

Один из ближайших сподвижников Степана Бандеры, а по совместительству немецкий агент, Николай Лебедь организовал убийство главного инициатора и разработчика кампании по уничтожению украинских сел - министра внутренних дел Польши генерала Бронислава Перацкого. Этого политика «ликвидировали» 15 июня 1934 года по приказу Берлина. Он выступал с резким осуждением планов Германии по захвату Данцига, который, по условиям Версальского мира, был объявлен «вольным городом» под управлением Лиги наций.

Реакция Варшавы была предсказуемой. Власти арестовали почти все руководство ОУН в западноукраинских землях. Суд вынес им смертный приговор, и только давление Берлина спасло их от казни; меру наказания заменили на пожизненное заключение. До 1939 года Степан Бандера находился в одиночной камере польской тюрьмы, где штудировал книги идеолога украинского национализма Дмитрия Донцова. Под влиянием этих трудов, а также собственных политических амбиций, он решил, что ОУН действует недостаточно революционно и только он, Степан Бандера, может исправить ситуацию.

Пост проводника Краевой Экзекутивы ОУН в западноукраинских землях с 1934 по 1938 год занимает Лев Ребет - противник радикальных мер и сторонник

политики, проводимой Евгением Коновальцем. Понятно, что это стало еще одной причиной конфликта между «стариками» и «молодежью».

Павел Анатольевич Судоплатов умело воспользовался этими распрями: он сумел войти в доверие к Евгению Коновальцу, всячески прикидываясь его сторонником в борьбе против оппозиции «молодых», и, пользуясь доверием смелого, энергичного, но недалекого Евгения Коновальца, всячески разжигал неприязнь и недоверие между двумя поколениями оуновцев и их лидерами.

Лидер ОУН к протезе своего боевого товарища был по-отечески заботливым и добрым. Павел Анатольевич Судоплатов вспоминал:

«Коновалец взял меня под свою опеку и частенько навещал: мы вдвоем бродили по городу. Однажды он даже повел меня на спектакль в Берлинскую оперу, но в целом развлечений в моей жизни там было не так уж много. (...) Коновалец привязался ко мне и даже предложил, чтобы я сопровождал его в инспекционной поездке в Париж и Вену с целью проверки положения дел в украинских эмигрантских кругах, поддерживающих его. У него были деньги, полученные от немцев, и это позволяло ему играть роль лидера могущественной организации. В Париже мы остановились в разных отелях. Во время нашего пребывания в городе проходила всеобщая забастовка, и все рестораны оказались закрытыми, так что Коновалец повез меня обедать в... Версаль. Не работало метро, и нам пришлось взять такси, кстати, весьма дорогое. (...) Во время нашего пребывания в Париже Коновалец пригласил меня посетить вместе с

ним могилу Петлюры, после разгрома частями Красной Армии бежавшего в столицу Франции, где в 1926 году он и был убит. Коновалец боготворил этого человека, называя его “нашим знаменем и самым любимым вождем”. Он говорил, что память о Петлюре должна быть сохранена. Мне было приятно, что Коновалец берет меня с собой, но одна мысль не давала покоя: на могилу во время посещения положено класть цветы. Между тем мой кошелек был пуст, а напомнить о таких мелочах Коновальцу я не считал для себя возможным. Это было бы просто бестактно по отношению к человеку, занимавшему столь высокое положение, хотя, по существу, заботиться о цветах в данном случае надлежало ему, а не мне. Что делать? Всю дорогу до кладбища меня продолжала терзать эта мысль. Мы прошли через все кладбище и остановились перед скромным надгробием на могиле Петлюры. Коновалец перекрестился – я последовал его примеру. Некоторое время мы стояли молча, затем я вытащил из кармана носовой платок и завернул в него горсть земли с могилы.

– Что ты делаешь?! – воскликнул Коновалец.

– Эту землю с могилы Петлюры отвезу на Украину, – ответил я, – мы в его память посадим дерево и будем за ним ухаживать.

Коновалец был в восторге. Он обнял меня, поцеловал и горячо похвалил за прекрасную идею. В результате наша дружба и его доверие ко мне еще больше укрепились»^[105].

В Париже, а позднее в Вене «Андрею» были организованы встречи с курьерами из Центра. В первом случае связной оказалась его собственная жена Эмма

Карловна Коган, по «легенде» – студентка из Женевы. Во втором – на связь вышел сотрудник госбезопасности Петр Яковлевич Зубов. Чекист подробно информировал курьеров о деятельности Евгения Коновальца, положении дел в украинских эмигрантских кругах и о той значительной поддержке, которую они получали от Германии.

Тем временем Василий Лебедь, используя свои связи, прислал из Финляндии распоряжение о скорейшем возвращении «Павлуся» на Украину, поскольку появилась возможность оформить «племянника» радистом на советское судно, регулярно заходившее в иностранные порты. Последнее обстоятельство давало возможность поддерживать постоянную связь между оуновским подпольем на Украине и националистическими организациями за рубежом.

Долгий путь домой

В Хельсинки Павел Судоплатов прибыл 6 июля 1936 года с литовским паспортом на имя Николая Боравкуса и остановился в пансионате на Александриикату. 23 июля, вместе с приехавшим в столицу Финляндии заместителем Евгения Коновальца, полковником Романом Сушко, он выехал в направлении города Суоярви. Здесь последний должен был указать ему безопасное место для перехода советско-финляндской границы.

Через несколько дней после возвращения «Андрея» из Парижа в Хельсинки с ним встретились «Ирина» и «Ким». Они втроем сидели на краю лесного оврага и обсуждали, почему именно Роману Сушко, мужчине в возрасте, поручили сопровождать до границы молодого и сильного парня. Ведь в Финляндии можно было подобрать проводника и помоложе.

«Андрей» поразил тогда их зрелостью и дальновидностью своих суждений.

– Очень возможно, – сказал он, – Сушко и его группа решили меня уничтожить. Считают меня виновником раздора в руководстве Провода. От них всякого можно ждать. Ведь мы затеяли большую и важную игру, из которой должны выйти победителями. Обязательно победителями. Поэтому, дорогие мои друзья, – говорящий по очереди обнял собеседников, – если я по дороге домой пропаду, надо во что бы то ни стало выяснить, что произошло. Утонуть я не могу, плавая в любое время года в любом озере и море... Я заставлю Сушко идти впереди меня, он будет у меня ведущим. Вступить в драку со мной он не посмеет. Я его одолею. Но... меня или нас обоих может в этой глухомани задрать медведь, загрызть волк, засосать болото... В

конце концов, не исключено, что запросто финская погранстража пристрелит. Если Сушко меня убьет, мы проиграли. Во всех других случаях после моей гибели игру надо продолжать, послать другого оперативника...

А дальше события начали складываться так, как он и предполагал. Роман Сушко благополучно вернулся с советско-финской границы, а Павел Анатольевич Судоплатов пропал. В течение нескольких суток сотрудники НКВД ждали его на территории СССР у специально организованного «окна», но никто так и не появился с чужой стороны. Да и выстрелов никто не слышал. Что же стряслось?

В Москве пришли к выводу, что «Андрей» погиб. Но как это произошло и что стало причиной его смерти? Несчастный случай (загрыз медведь, утонул в болоте и т. п.) или смерть от рук Романа Сушко? А может, его «ликвидировали» финские пограничники? Оставаться в неведении было нельзя, и «Ирине» с «Кино» было приказано принять все меры для выяснения обстоятельств его гибели.

Самостоятельно заниматься поисками пропавшего эмиссара ОУН они не могли. Если бы о повышенном интересе сотрудников советского посольства к судьбе «Андрея» узнали в Берлине или Хельсинки, то это гарантировало бы не только «провал» двух ценных агентов Лубянки, но и громкий международный скандал, последствия и размах которого трудно было бы представить.

Единственный «выход» - рассекретить «Андрея» перед «Тогобийчним» и включить его в розыск. Представитель ОУН мог бы через Берлин выяснить судьбу исчезнувшего эмиссара. Тем более что финские и немецкие спецслужбы с середины тридцатых годов прошлого века активно сотрудничали между собой. У них был общий интерес в отношении Советского

Союза^[106]. А о тесных связях ОУН и Абвера мы рассказали выше.

Через несколько дней «Тогобийчкий» сообщил, что «Андрей» был задержан финской погранохраной при попытке перехода границы и в данный момент находится в тюрьме города Хельсинки. А в Центр была отправлена телеграмма, которая начиналась с таких слов: «Андрей жив и находится в финской тюрьме. Руководство ОУН принимает меры к его освобождению...». И действительно, его вскоре освободили из заключения, и он смог вернуться в СССР.

О чем узнали финны

Спустя много лет в книге «Разведка и Кремль» Павел Анатольевич Судоплатов так рассказал о дальнейших событиях:

«...не доезжая до нее (станции), на разъезде мы сошли, здесь же, еще раз сверивши направление по компасу, разошлись. Я в направлении границы, он (Сушко) в направлении станции Ляймолы^[107], с тем чтобы возвратиться в Гельсинки. Около реки Ляймолы я встретил пастуха. Это меня вынудило свернуть круто от реки вправо, прошел несколько километров и вышел к озеру, где увидел двоих людей, говоривших по-фински и удивших рыбу. Стараясь избежать встречи с ними, видя невозможность переплыть озеро, не подвергая себя риску быть ими увиденными, я решил обойти озеро и вышел на дорогу с телефонным или телеграфным проводом. Там встретился с патрулем»^[108].

Финский пограничный патруль арестовал главного героя нашей книги. Задержанного доставили в Суоярви в территориальное отделение Центральной сысской полиции (ЦСП), а оттуда перевели в тюрьму города Хельсинки на мысе Катаянокка. Здание было построено в конце XIX века по типовому (для Российской империи) проекту и по внешнему облику напоминает знаменитый следственный изолятор «Кресты». На допросах Павел Анатольевич Судоплатов много раз пересказывал сотрудникам ЦСП заранее подготовленную легенду. В июне 1996 года ксерокопии протоколов допросов и объяснений в финской тюрьме «Андрея» были переданы членам семьи главного героя нашей книги [\[109\]](#).

Вот текст изложенной «Андреем» легенды:

«В ночь с 24 на 25 июля 1936 года я был задержан при том, когда собирался переходить финскую границу, имея целью через Россию пробраться на Украину и там продолжить борьбу с русскими, поработившими мою страну.

Чтобы финские власти имели представление обо мне, постараюсь более или менее подробно подать о себе информацию.

Родился в 1907 году 24 июня, крещен 29 июня (все старый стиль) в Ивангородской церкви гор. Умани Киевской области на Украине. Отец Анатолий Осипович Яценко, мать Феодосия Терентьевна, брат Николай 1905 года рождения и я, Павел. Это наша семья. Мать не помню, она умерла, когда был ребенком. Об остальных членах семьи скажу ниже, когда буду освещать интересующий Вас вопрос – как я стал украинским националистом. Это, собственно, началось еще с детства. В 1914 году поступил в школу и проучился в этой начальной, теперь она приравнена до семилетки, до 1919 года. Дальше

учиться не имел возможности, так как отец за участие в национально-освободительном движении большевиками был расстрелян, хата сожжена, и я со старшим братом Николаем очутился на улице без родителей и куска хлеба. Начинается период беспризорности. Вместе с Николаем, детьми бродил и ездил по Украине, потом брата потерял на одной из железнодорожных станций, и, как потом узнал, он умер от голода, который был на Украине в 1921 году. Таким образом, благодаря большевикам вся моя семья была разрушена. И это Вам первый, вернее, один из первых, ответов на Ваш вопрос, почему и как я стал националистом.

Беспризорным был до 1922 года, затем меня с улицы подобрали и поместили в детский дом гор. Умани. С 1922 по 1927 год я был в детском доме гор. Умани, вначале в качестве воспитанника, потом, с 1925 года, уже как служащий этого же детского дома - помощником воспитателя. В 1927 году, примерно в январе - феврале, был уволен по сокращению штатов и отправился в целях подыскания работы в Харьков. Там с помощью одного человека, тоже украинца, националиста (фамилию его сознательно не называю и прошу финские власти не требовать этого, т. к. он на Украине и ведет в подполье борьбу против русских), поступил на службу в детский дом имени Горького и там работал помощником, потом воспитателем до 1934 года.

Работая в детском доме, одновременно в 1929/30 году подготовился и в 1931 году осенью начал учиться в Институте народного образования в Харькове. В 1934 году институт

закончил, получил звание учителя и поступил в 26-ю школу Харькова. Проработал там до 1935 года, затем уволился и, по предложению организации украинских националистов, выехал нелегально за кордон для прохождения соответствующего теоретического курса. Теперь, по окончании курса и выполнении возложенных на меня поручений, я по указанию закордонного центра нашей организации должен был возвратиться на родину и продолжать борьбу, но на границе был Вами задержан. Маршрут мне поместили следующий: Ляймола – Петрозаводск, через леса и болота, пешком, с ориентировкой на компас. Затем Петрозаводск – Петроград – Украина.

Это из области автобиографии. Возможно, не исчерпал всего того, что Вас интересует. Прошу спросить дополнительно.

Следующий Ваш вопрос, как и почему я стал националистом. Можно было бы ответить просто: я стал националистом потому, что я украинец, любящий свою родину и прекрасно понимающий, к чему привело вековое хозяйничанье русских на Украине. Но постараюсь дать более подробные сведения, перечислить, если хотите, отдельные детали, штрихи моей жизни, оказавшие влияние на формирование моего националистического мировоззрения.

Главнейшая роль здесь принадлежит отцу, заложившему в мою, еще тогда детскую, голову любовь к родному краю, ненависть к поработителям-москалям. Его трагическая гибель сделала меня, тогда еще беспомощного мальчика, ярким ненавистником не только русских, но и всего того, что с русскими связано.

Позднее голодная смерть Николая лишь дополнила уже сформировавшуюся, еще не политическую, националистическую сознательность, а ненависть.

Я, с детства перенявший от отца любовь к родине, своему языку, культуре, в годы беспризорности объездил всю Украину и видел, как русские издеваются над нашим языком, культурой, обычаями, не говоря уже об открытом грабеже, хищнической эксплуатации наших природных богатств (последнее пришло в сознание позже, т. к. тогда в экономике не разбирался). И уже тогда в детской головке зарождаются мысли о протесте, потребности как-то выразить этот протест, дать выход накопившейся ненависти.

В 1923 году знакомлюсь с семьей одного офицера Украинской армии, активного участника национально-освободительной борьбы с русскими в 1917–1920 годах (фамилию его сознательно не называю, он на Украине, националист и сейчас им есть). С этого момента начинается мое формирование как националиста. Идет процесс роста политической зрелости, вылившейся в 1926 году в активное участие в националистической борьбе против панування москалив на Украине, за самостоятельное, соборное Украинское государство.

Таким образом, активное участие в национально-освободительной борьбе принимаю с 1926 года и с этого же времени являюсь националистом. Мне кажется, что исчерпал и этот Ваш вопрос. Само собой разумеется, что было еще много других моментов, оказывавших влияние на

формирование моего националистического мировоззрения. Одни в большей, другие в меньшей степени. Но здесь я остановился лишь на основных моментах. Прошу власти учесть, что я, по соображениям существующих в организации правил конспирации, совершенно не могу касаться своей конкретной националистической деятельности на родных землях, так же как не могу называть фамилий националистов, живущих и действующих в подполье, во имя Украины. Прошу убедительно не настаивать на такого рода вопросах. Лгать не хочу, а отвечать не имею права ни формального, ни морального.

Дальше. В Гельсинки (старое название Хельсинки. – Прим. авт.) приехал 6 июля 1936 года из Германии, Берлина, с литовским паспортом на имя Боравкас Николай, и остановился в пансионе на Александриикату. Прожил там до 23 июля, затем вместе с приехавшим в Гельсинки украинцем-националистом, полковником Украинской армии Сушко, отправился в направлении Ляймолы, не доезжая до нее, на разъезде мы сошли, здесь же, еще раз сверивши направление по компасу, разошлись. Я в направлении границы, он в направлении станции Ляймолы, с тем чтобы возвратиться в Гельсинки. Около реки Ляймолы я встретил пастуха. Это меня вынудило свернуть круто от реки вправо, прошел несколько километров и вышел к озеру, где увидел двух людей, говоривших по-фински и удивших рыбу. Стараясь избежать встречи с ними, видя невозможность переплыть озеро, не подвергая себя риску быть ими увиденным, я решил обойти озеро и вышел на дорогу с

телефонным или телеграфным проводом. Там встретился с патрулем. Должен сказать откровенно, что я имел возможность бежать, как только их увидел. У меня была не только возможность, но и силы для этого. Не бежал потому, что не боялся задержания финскими властями, был уверен, что Финляндия не выдаст меня большевикам, что финляндское правительство, карая за нарушение своих законов каждого из нас в отдельности, не захочет наносить вреда национально-освободительному движению на Украине в целом. Не бежал еще и потому, что не имел права подвергать себя опасности быть подстреленным, не выполнив возложенных на меня поручений, представителями властей той страны, которую украинское национально-освободительное движение рассматривает как природного союзника в будущей борьбе с Россией.

Поэтому продолжал по дороге путь дальше и, даже не думая о каком бы то ни было сопротивлении, сдался патрулю. Как называется место моего задержания, не знаю. Солдаты, очевидно, знают. В Гельсинках я прожил с 6 по 23 июля 1936 года. Задерживался с отъездом из-за несвоевременного получения денег на покупку для меня вещей и предметов в дорогу. Что делал я в Гельсинках. Основной задачей имел хорошо питаться, отдыхать и готовить себя к очень большой, трудной и опасной дороге. В хорошую погоду бывал на пляже (там, где крематорий, Аркадиакату, кажется), в плохую погоду ходил в музеи, вечерами – в кино или просто бродил по городу и читал литературу, доставляемую Сушко или

Полуведько. Вообще, последний имел указание от главы нашей организации оказывать мне всяческую помощь и поддержку. На его же имя приходили деньги на расходы, связанные с моей поездкой.

Карта и мой маршрут, обозначенные на небольшой полотняной бумаге, писана Сушко, переснятая им с официального финского издания карты для туристов.

Продукты в дорогу и другие вещи покупал большею частью вместе с Сушко в Гельсинках. Небольшую часть покупал с Полуведько или сам. О большевистской и польской валюте заботились Полуведько и Сушко. Я не входил в эти подробности. За время пребывания в Финляндии я ничего не делал такого, что могло бы принести вред Вашей стране, если не считать, конечно, что желанием перейти границу я тем самым уже нарушил финляндское законодательство. Повторяю еще раз, что в Финляндию приехал с единственной целью перейти здесь границу и через Россию пробраться на Украину. Смягчающим мою вину обстоятельством, во всяком случае, для меня самого, нарушившего Ваши законы, является то, что я не имел другого выбора. Мы, националисты, – революционная организация. Я, революционер-националист, человек действия, дисциплины и не мог поступить иначе, как поступил. Готов, конечно, и нести наказание. Ни о какой деятельности против Финляндии и в мыслях ни я, ни вообще националисты в целом не имеем и не можем иметь, так как Финляндия в порабощении Украины не заинтересована.

Вы меня упрекнули, что я не хотел давать показания в Суоярве. Это не совсем точно. От

показаний я не отказывался, а лишь просил не расспрашивать меня подробно здесь, обещал одновременно давать полные объяснения в Гельсинках или другом вышестоящем центре, где со мной могли бы объясниться, не прибегая к помощи переводчиков, неофициальных лиц. Такую же директиву я имел от своего закордонного центра. Намерения отказываться от объяснений не имел, как видите, их даю. Единственное, что не могу с кем бы то ни было говорить о делах нашей организации, должен смотреть за тем, чтобы интересы ее были соблюдены.

Маленький крестик, который я сам вручил Вашим властям при задержании, боясь, что он может затеряться, является значком участников освободительной войны с большевиками в 1917-1920 годах. Ну, он, кроме того, имеет свое специальное значение во внутренней жизни организации.

Деньги, бывшие при мне, были рассчитаны на то, чтобы обеспечить материально на первое время мою нелегальную поездку через Россию на Украину. Польские злотые должен был вручить на Украине своему там руководителю. Большевистские и польские деньги куплены в Гельсинках на средства, присланные для моей поездки.

Запасной костюм, пара туфель и белья были рассчитаны на то, что по дороге до Петрозаводска одежда и обувь, бывшие на мне, изорвутся, а я, подходя к самому городу и станции железной дороги, должен был бы переодеться, побриться и не производить впечатления человека, только что вышедшего из леса.

Назначение пищи, бывшей при мне, Вам, конечно, ясно. Маленькая складная плита была рассчитана на то, чтобы дать мне возможность в моем 6-7-суточном пути (так примерно мы рассчитали) иметь горячую пищу, подогрев консервы. Аспирин, пирамидон, йод, вата, бинт имели назначение чисто медицинское.

Если дополнительно Вас что-либо будет интересовать о вещах, бывших при мне, прошу спросить.

Несколько слов об организации, посланцем которой я являюсь. В 1917-1920 годах украинцы, так же как и Вы, финны, вели вооруженную борьбу с большевиками, Деникиным и Врангелем (все они для нас одинаково враждебны) за создание самостоятельного Украинского государства. В этой борьбе мы, лишенные поддержки со стороны европейских государств, после трехлетней национально-освободительной войны, потерпели поражение. Наша армия, сдавленная с севера и востока большевиками, с юго-востока и юга Деникиным, Врангелем, с юго-запада Румынией и с запада Польшей, в открытой вооруженной борьбе сданная на собственные силы, была разбита. Этим закончился первый этап истории нашего национально-освободительного движения после мировой войны 1914-1918 годов.

Начинается, с 1920-1921 годов, второй период. Потерпевшее поражение в открытом вооруженном выступлении движение уходит в глубокое подполье и там, в других уже формах, условиях, продолжает борьбу. Наша борьба имеет различные виды и формы. Основным, главным и наиболее опасным нашим

противником является Россия, причем даже независимо от того, большевистская ли она, монархическая или какая-либо другая, деникинская или врангелевская, она будет добиваться порабощения не только Украины, но и всех народов, близко граничащих с ней.

В нашей национально-освободительной борьбе мы имели успехи и поражения. Не исключаем, что отдельные поражения частичные будем еще иметь. Но никто из нас не сомневается, что окончательная победа нам обеспечена. Можно каждого из нас, националистов, в отдельности уничтожить, но идею украинского национализма – никогда.

Украинские земли поделили между собой: Россия, Польша, Румыния и Чехословакия. Задачей украинского национализма является собрать воедино все земли, создать самостоятельное, независимое Украинское государство.

Над осуществлением этой святой задачи работает вся наша организация в целом. Над осуществлением ее имею счастье работать и я.

Я сообщил Вам, откуда происхожу, где жил, работал, учился. Все это такие детали, при неосторожном обращении с которыми могут страдать националисты на Украине, работающие сейчас в подполье. Следовательно, являющийся для меня в данном случае представителем, олицетворением финских властей, обещал, что все поданные мною сведения о себе не станут достоянием гласности, не будут переданы русским. Верю, что Вы слово свое сдержите и не захотите наносить нам вреда. В данном случае речь идет не столько обо мне, сколько об интересах того

движения, интересам которого посвящена моя жизнь и во имя которого я подвергаю себя опасности.

Независимо от того, какое наказание Вы для меня определите, я прошу дать мне возможность уведомить Полуведько, а через него организацию, что пока, в связи с моим задержанием, я не могу выполнить возложенных на меня поручений.

Что еще я должен сообщить о себе? Кажется, все. Во всяком случае, если я что-либо пропустил из того, о чем говорил Вам уже, прошу напомнить. Я охотно свою информацию дополню.

Павел Анатольевич Яценко (подпись)»[\[110\]](#).

Финны внимательно выслушали рассказ главного героя нашей книги, но не спешили его отпускать на свободу.

Отношения между местными украинскими националистами и сотрудниками Центральной сыскной полиции были нейтральными. Среди множества антисоветских эмигрантских организаций, возникших в Финляндии в двадцатые годы прошлого века, украинские националисты ничем себя не проявили. В 1921 году полковник Б. Будянский организовал группу, поддерживающую гетмана Павла Петровича Скоропадского. Она никак не проявила себя. В середине тридцатых годов прошлого века появилась Украинская Громада. О судьбе ее руководителей мы рассказали выше. Хотя и у тех, и у других был общий противник – СССР, но при этом их интересовали совершенно разные регионы. Первых – Украина, а вторых – северо-запад России (Карелия и Ленинградская область). Финские спецслужбы охотно сотрудничали с различными белогвардейскими организациями, которые регулярно

засылали своих эмиссаров в интересующий Хельсинки регион^[111].

Другая причина задержки освобождения – сложная оперативная обстановка на советско-финской границе. Хельсинки рассматривал Москву в качестве главного противника. Правоохранительные органы Финляндии с 1919 по 1939 год основное внимание уделяли борьбе с деятельностью финской компартии, а также советских разведывательных органов (ИНО ОГПУ-НКВД и Разведуправления РККА), которые активно проводили разведывательную и подрывную деятельность в армии и военно-промышленном комплексе. Справедливости ради стоит отметить, что и сами финны проявляли не меньшую активность в отношении соседа^[112]. Поэтому граница охранялась очень тщательно. Хотя полностью ее закрыть из-за отсутствия специальных технических средств не получалось. Контрабандисты и нарушители всегда находили неизвестные пограничникам тропы. А последние рассматривали каждого нарушителя, особенно если человек пытался уйти в СССР да в страну попал незаконно, как «агента НКВД».

Возможно, Павел Анатольевич Судоплатов пробыл бы в финской тюрьме значительно дольше, если бы не вмешательство руководителей ОУН, находящихся в Берлине. Высока вероятность того, что в освобождении советского разведчика приняла участие немецкая военная разведка.

Новое задание

Вторая зарубежная командировка Павла Анатольевича Судоплатова в Западную Европу изменила его положение в центральном аппарате внешней разведки. В кабинете начальника внешней разведки Абрама Ароновича Слуцкого, где он докладывал о деталях своей деятельности, присутствовали начальник Спецгруппы особого назначения (СГОН) НКВД СССР майор госбезопасности Яков Исаакович Серебрянский и сотрудник сталинского секретариата Васильев.

Следует чуть подробнее рассказать о СГОНе. Формально она появилась 1 апреля 1929 года как Особая группа («группа Яши») при председателе ОГПУ. Ее возглавил начальник 1-го отделения ИНО ОГПУ (нелегальная разведка) Яков Исаакович Серебрянский. Основные задачи Особой группы, а она действовала независимо от советской внешней разведки, были таковы: внедрение агентуры на зарубежные военно-стратегические объекты потенциальных противников в будущей войне, а также проведение диверсионных и террористических акций. Подробности его деятельности по созданию агентурной сети даже спустя семьдесят лет не подлежат оглашению. Известно лишь, что им лично было завербовано свыше 200 человек. А ведь он действовал не в одиночку! Более известно участие членов его группы в операциях по похищению в странах Западной Европы активных врагов советской власти. Например, в январе 1930 года в Париже они похитили одного из организаторов диверсионно-террористической деятельности на территории СССР – председателя Российского общевойскового союза (РОВС) генерала Александра

Павловича Кутепова. За удачное проведение этой акции Яков Серебрянский был награжден орденом Красного Знамени. Иногда добычей членов СГОНа становились не люди, а архивы. В ноябре 1936 года чекистам удалось похитить часть архива Международного секретариата троцкистов. Планировалось захватить и тайно вывезти из Парижа сына Льва Троцкого, активного троцкиста Льва Седова. Операцию пришлось отменить в последний момент - жертва в феврале 1938 года умерла после удаления аппендицита^[113]. Возможно, что Якова Серебрянского привлекли бы к подготовке убийства Льва Троцкого, если бы в ноябре 1938 года его не арестовали, а в июле 1941 года не приговорили к высшей мере наказания. Может быть, талантливый разведчик и специалист по активным мероприятиям погиб бы, как тысячи его коллег, если бы не вмешался случай. Враг стремительно приближался к стенам Кремля, а на Лубянке катастрофически не хватало специалистов по разведке и диверсиям. В августе 1941 года Якова Серебрянского амнистировали, освободили из заключения с прекращением уголовного дела и восстановили в органах. В августе 1941 года он возглавил группу в структуре Второго отдела, а с января 1942 года стал начальником 3-го отделения Четвертого Управления НКВД СССР.

Вот один из парадоксов того времени. В 1936 году Павел Анатольевич Судоплатов, в присутствии уже тогда ставшего живой легендой Якова Серебрянского докладывает руководству о выполнении своего первого боевого задания, а спустя пять лет ситуация радикально изменится. Яков Серебрянский будет вынужден, в рамках субординации, докладывать о проделанной работе и получать задания от человека, обладающего значительно меньшим опытом оперативной работы.

О результатах работы Павла Анатольевича Судоплатова было доложено Иосифу Сталину, генеральному (первому) секретарю ЦК КП(б) УССР Станиславу Викентьевичу Косиору и председателю ЦИК УССР Григорию Ивановичу Петровскому. Позднее, 13 ноября 1937 года, главного героя нашей книги наградили орденом Красного Знамени «за успешное и самоотверженное выполнение специальных заданий правительства».

Между тем игра советской разведки с ОУН продолжалась. Павел Судоплатов неоднократно выезжал за рубеж в качестве курьера. «Крышей» для него служила должность радиста на грузовом судне.

В ноябре 1937 года Павел Анатольевич Судоплатов вместе с Абрамом Ароновичем Слуцким был вызван к наркому внутренних дел Николаю Ивановичу Ежову. Руководитель наркомата произвел на главного героя нашей книги гнетущее впечатление: маленький, неказистый, имевший странную привычку, рассуждая о «длинных руках НКВД», вытягивать вперед свои короткие ручонки, словно демонстрируя эти «длинные руки». Вопросы, которые в ходе беседы задавал нарком, касались самых элементарных для любого разведчика вещей и звучали наивно. Более того, у главного героя нашей книги сложилось впечатление, что руководителя НКВД вообще не интересуют разногласия внутри организации украинских эмигрантов.

Беседа в кабинете наркома продолжалась более получаса. Внезапно Николай Иванович Ежов заметил, что «зарубежную шваль пора брать в ежовые рукавицы», и внезапно предложил, чтобы Павел Анатольевич Судоплатов сопровождал его в ЦК. Когда машина въехала в Кремль, допуск в который имел весьма ограниченный круг лиц, нарком объявил, что сейчас их примет лично товарищ Иосиф Сталин.

Встреча с руководителем СССР произвела на главного героя нашей книги неизгладимое впечатление. Позже он говорил, что это было самое светлое событие в его жизни (вторым светлым событием он считал 20 февраля 1928 года, когда ему был вручен партийный билет за № 1872162). В своих воспоминаниях он оставил описание встречи с вождем:

«Мне было тридцать, но я так и не научился сдерживать свои эмоции. Я был вне себя от радости и едва верил тому, что руководитель страны захотел встретиться с рядовым оперативным работником. После того как Сталин пожал мне руку, я никак не мог собраться, чтобы четко ответить на его вопросы. Улыбнувшись, Сталин заметил:

- Не волнуйтесь, молодой человек. Докладывайте основные факты. В нашем распоряжении только двадцать минут.

- Товарищ Сталин, - ответил я, - для рядового члена партии встреча с вами - величайшее событие в жизни. Я понимаю, что вызван сюда по делу. Через минуту я возьму себя в руки и смогу доложить основные факты вам и товарищу Ежову.

Сталин, кивнув, спросил меня об отношении между политическими фигурами в украинском эмигрантском движении. Я вкратце описал бесплодные дискуссии между украинскими националистическими политиками по вопросу о том, кому из них какую предстоит сыграть роль в будущем правительстве. Реальную угрозу, однако, представлял Коновалец, поскольку он активно готовился к участию в войне против нас вместе с немцами. Слабость его позиции заключалась в постоянном давлении на него и

возглавляемую им организацию со стороны польских властей, которые хотели направить украинское национальное движение в Галиции против Советской Украины.

- Ваши предложения? - спросил Сталин.

Ежов хранил молчание. Я тоже. Потом, собравшись с духом, я сказал, что сейчас не готов ответить.

- Тогда через неделю, - заметил Сталин, - представьте свои предложения.

Аудиенция окончилась. Он пожал нам руки, и мы вышли из кабинета»^[114].

Вернувшись на Лубянку, нарком приказал заместителю начальника ИНО Сергею Михайловичу Шпигельгласу и Павлу Анатольевичу Судоплатову приступить к работе над выполнением задания Иосифа Сталина. На следующий день на основе их предложений начальник Иностранного отдела Абрам Слуцкий направил наркому НКВД докладную записку. В ней предлагалось с целью интенсивного внедрения в ряды ОУН направить в Германию трех сотрудников украинских органов госбезопасности в качестве слушателей нацистской партийной школы. Вместе с ними предполагалось направить для большей убедительности и одного настоящего украинского националиста, тугодума и тупицу.

Николай Иванович Ежов не стал вдаваться в суть присланного документа, однако предложил главному герою нашей книги срочно выехать в Киев, чтобы посоветоваться по данному вопросу с руководителями УССР Станиславом Косиором и Григорием Петровским. В ходе состоявшейся беседы оба украинских руководителя проявили интерес к предложенной разведчиками двойной игре.

Ровно через неделю после возвращения Судоплатова из столицы Украины нарком внутренних дел вновь вызвал его и отправился вместе с ним в Кремль. На этот раз в кабинете Иосифа Сталина находился и Григорий Петровский.

- Проходите, товарищи, садитесь, - обратился Иосиф Виссарионович к визитерам.

Несколько минут в кабинете царило молчание. Сталин неторопливо набил трубку, чиркнул спичкой, выпустил ароматный клуб дыма, негромко произнес:

- Вы помните наш прошлый разговор, товарищ Судоплатов? Ваши предложения.

Поднявшись, чекист кратко и четко изложил план оперативных мероприятий против ОУН, подчеркнув, что главная цель - нейтрализация Евгения Коновальца и проникновение в Абвер через украинские каналы.

Хозяин кабинета внимательно выслушал предложенный план, затем предоставил слово украинскому руководителю.

Тот поправил очки, откашлялся и грянул громко и торжественно, словно на партсобрании:

- Враг трудового народа Коновалец заочно приговорен к смертной казни на Украине за те тягчайшие преступления, которые он совершил против украинского пролетариата. По приказу этого палача в январе 1918 года...

Хозяин кабинета, раздраженным жестом остановил оратора, заявив:

- Нам известна история преступлений Коновальца. Но это не акт мести. Наша цель - обезглавить движение украинского фашизма накануне войны и заставить этих мерзавцев уничтожать друг друга в борьбе за власть. - Затем он обратился с вопросом к Судоплатову: - А каковы вкусы, слабости и привязанности Коновальца?

- Коновалец очень любит шоколадные конфеты, - ответил Павел Анатольевич. - Где бы я с ним не

появлялся, он первым делом искал кондитерскую и покупал шикарную коробку конфет.

- Обдумайте это, - сказал Иосиф Сталин.

За все время беседы Ежов не проронил ни слова, но слушал внимательно. Прощаясь, руководитель страны спросил молодого чекиста, правильно ли он понимает политическое значение поручаемого ему боевого задания.

- Да, Иосиф Виссарионович, - твердо ответил Павел Анатольевич Судоплатов. - И готов, если потребуется, отдать жизнь за дело партии большевиков.

- Желаю успеха, - сказал Иосиф Сталин, пожав руку собеседнику.

Воодушевленные пожеланием вождя Абрам Слуцкий, Сергей Шпигельглас и Павел Судоплатов приступили к разработке вариантов предполагавшейся операции. Вначале было решено задавить жертву автомобилем. Однако этот вариант был забракован, поскольку нужно было угнать машину, подкараулить объект в месте его вероятного появления или выяснить подробный распорядок его дня, совершить наезд и успеть скрыться с места происшествия до прибытия полиции. На все это требовалось время, а его как раз и не было.

Вариант с использованием огнестрельного оружия тоже не нашел единодушного одобрения. Евгения Коновальца часто сопровождал его приближенный Ярослав Барановский, человек подозрительный, физически сильный, обладающий невероятной реакцией, который мог предупредить покушение. И тогда кто-то из чекистов предложил:

- Товарищи, а может, использовать бомбу?

Последнее предложение было одобрено всеми. Сотрудник отдела оперативной техники НКВД Александр Тимашков получил задание изготовить взрывное устройство, внешне выглядевшее как коробка

шоколадных конфет, расписанная в традиционном украинском стиле.

Вскоре взрывное устройство было готово. Коробка шоколадных конфет «Ридна Украина» выглядела очень симпатично и по весу не вызывала никаких подозрений. В вертикальном положении она была абсолютно безопасна, ей можно было заколачивать гвозди. Однако в горизонтальном положении внутри коробки самопроизвольно приходил в действие часовой механизм, рассчитанный на полчаса, и по истечении этого времени происходил мощный взрыв. «Андрею» надлежало держать коробку в вертикальном положении в большом внутреннем кармане своего пиджака. Предполагалось, что он передаст этот «подарок» Коновальцу и покинет помещение до того, как сработает мина.

Взрыв в Роттердаме

23 мая 1938 года советское грузовое судно «Менжинский» бросило якорь в порту Роттердама. Был теплый, солнечный день. В 11 часов 45 минут Павел Анатольевич Судоплатов вошел в ресторан «Атланта», где у него была назначена встреча с Евгеном Коновальцем.

- Хай живе вильна Украина! - тепло приветствовал его руководитель ОУН.

- Геть москальское иго! - откликнулся советский разведчик.

Встреча «соратников» была непродолжительной. Выпив кружку пива, «Павлусь» заявил, что ему необходимо вернуться на судно. Еще не подозревавшая о своей участи жертва понимающе кивнула головой. Они условились снова встретиться в центре Роттердама в пять часов вечера.

Уходя, разведчик извлек из внутреннего кармана пиджака коробку конфет, положил ее на столик рядом с собеседником и пояснил елейным голосом:

- Подарок пану Коновальцу.

Вождь украинских националистов обрадовано схватил коробку со словами:

- Добрый подарок, добрый...

«Мы пожали друг другу руки, и я вышел, сдерживая свое инстинктивное желание тут же броситься бежать», - напишет Павел Анатольевич в своих воспоминаниях.

Через несколько минут после его ухода обладатель «адской машины» тоже покинул помещение ресторана. Метрдотель, позже опрошенный полицией, сообщит, что господин уходил из заведения в прекрасном расположении духа, с улыбкой на лице. Часовой

механизм отсчитывал посетителю последние мгновения жизни.

Взрыв прогремел в 12 часов 15 минут на главной улице города Колсингер, близ кинотеатра «Люмис». Сила взрыва была столь велика, что фрагменты туловища жертвы разлетелись по улице до сотни метров. Все тело несчастного было жутко изуродовано, кроме головы, которая осталась цела. От взрыва также пострадало четверо прохожих – голландцев. Господина Фишера взрывной волной забросило в витрину магазина готового платья, а его супругу припечатало о стену дома, двое других граждан отделались легкой контузией, ушибами и страшным испугом.

Сам Павел Анатольевич Судоплатов напишет о ликвидации руководителя ОУН следующее:

«Помню, как, выйдя из ресторана, свернул направо на боковую улочку, по обе стороны которой располагались многочисленные магазины. В первом же из них, торговавшем мужской одеждой, я купил шляпу и светлый плащ. Выходя из магазина, я услышал звук, напоминавший хлопок лопнувшей шины. Люди вокруг меня побежали в сторону ресторана. Я поспешил на вокзал, сел на первый же поезд, отправлявшийся в Париж, где утром в метро меня должен был встретить человек, лично мне знакомый. Чтобы меня не запомнила поездная бригада, я сошел на остановке в часе езды от Роттердама. Там, возле бельгийской границы, я заказал обед в местном ресторане, но был не в состоянии притронуться к еде из-за страшной головной боли. Границу я пересек на такси – пограничники не обратили на мой чешский паспорт ни малейшего внимания. На том же такси я доехал до Брюсселя, где обнаружил, что

ближайший поезд на Париж только что ушел. Следующий, к счастью, отходил довольно скоро, и к вечеру я был уже в Париже. Все прошло без сучка и задоринки. В Париже меня, помню, обманули в пункте обмена валюты на вокзале, когда я разменивал сто долларов. Я решил, что мне не следует останавливаться в отеле, чтобы не проходить регистрацию: голландские штампы в моем паспорте, поставленные при пересечении границы, могли заинтересовать полицию. Служба контрразведки, вероятно, станет проверять всех, кто въехал во Францию из Голландии»^[115].

Ночь главный герой нашей книги провел, гуляя по парижским бульварам и сидя в кинотеатре, где показывали какой-то американский вестерн. Отчаянные страсти, что происходили на экране, его не интересовали. Раз за разом «Андрей» мысленно прокручивал свои действия, как во время операции, так и после нее, и приходил к выводу, что все было сделано им профессионально и грамотно. Когда кинокартина подошла к концу, чекист вышел на улицу, и тут кто-то цепко схватил его за рукав плаща. От неожиданности он едва не выстрелил в незнакомца, но вовремя заметил, что тот оборван, пьян и невероятно грязен. «Клошар», – облегченно вздохнул разведчик и, брезгливо отстранив дурно пахнувшего типа, быстро зашагал по улице. Однако бродяга не отставал от прилично одетого господина, продолжая настырно кланчить деньги. Чтобы отвязаться от назойливого попрошайки, полуночный прохожий сунул ему несколько франков.

– Благодарю вас, месье, благодарю, вы крайне добры! – радостно возопил бомж и поспешил в ближайшую забегаловку промочить горло.

После неоднократных проверок (кто его знает, что это за клошар такой) «Андрей» зашел в парикмахерскую побриться и помыть голову. Затем, еще раз удостоверившись, что «хвоста» нет, он направился к условленному месту встречи на станции метро.

Когда Павел Анатольевич Судоплатов вышел на платформу, то сразу же увидел сотрудника советской внешней разведки Ивана Ивановича Агаянца, работающего под прикрытием должности заведующего консульским отделом советского полпредства в Париже. Тот уже уходил, но, заметив чекиста, вернулся и сделал знак следовать за ним.

Доехав на такси до Булонского леса, они позавтракали в небольшом уютном кафе, где Павел Анатольевич Судоплатов незаметно передал Ивану Ивановичу Агаянцу свой пистолет и маленькую записку, содержание которой надо было срочно отправить в Москву шифром. В записке говорилось: «Подарок вручен. Посылка сейчас в Париже, а шина автомобиля, на котором я путешествовал, лопнула, пока я ходил по магазинам». «Э, все сделаю, генацвале», – сказал Иван Иванович Агаянц и, расплатившись за завтрак, проводил спутника на явочную квартиру в пригороде Парижа.

Из столицы Франции Павел Анатольевич Судоплатов по подложным польским документам отправился сначала на машине, а затем поездом в Барселону. Местные газеты сообщали о террористическом акте в Роттердаме, где украинский националистический лидер Евгений Коновалец был взорван бомбой на улице. В газетах выдвигалось несколько версий: либо его убили советские чекисты, либо агенты гестапо, либо соперничающая группировка украинских националистов, либо, наконец, польские спецслужбы – в отместку за убийство генерала Перацкого. В

бульварной прессе муссировался слух о том, что Коновалец мог покончить жизнь самоубийством вследствие неразделенной любви к некой польской красавице Ганне З. Тут же приводилась лубочная открытка с изображением Коновальца в виде гетмана, ведущего в бой толпы своих соратников, и фото какой-то мордovorотистой тетки с лаконичной подписью «Красавица Ганна З.».

Однако стопроцентными фактами и уликами для раскрытия истинных причин гибели Коновальца не располагала ни голландская полиция, ни Абвер, ни ОУН. Было известно, что он собирался встречаться с курьером-радистом с советского судна, но никто не знал наверняка, с кем именно встречался покойный в тот роковой день.

Как и ожидали прозорливые чекисты, смерть полковника Евгения Коновальца вызвала серию расколов в ОУН и непрерывную многолетнюю войну между отдельными группировками.

После кратковременного периода правления «триумvirата» (Ярослав Барановский, Сенник-Грибывский и Сцидорский) о своих правах на пост вождя заявил соратник убитого Андрей Мельник, которого «стариками» 27 августа 1939 года на конференции в Риме провозглашают «вождем» ОУН. «Молодежь» на это собрание не была приглашена.

Это вызвало волнения среди желавших захватить власть «детей», лидер которых Степан Бандера все еще сидел в польской тюрьме. Отсутствовали и другие руководители молодого поколения (Микола Лебедь, Роман Шухевич и Рико Ярый), которые находились либо в эмиграции либо в заключении.

Понятно, что группировка «молодежи» была категорически не согласна с этим решением. «Геть Мельника! Даешь Степана Бандеру!» – возмущались горячие головы. Масло в огонь подлило освобождение

немцами в сентябре 1939 года из польской тюрьмы Степана Бандеры. В итоге в феврале 1940 года «молодежь» устроила настоящий бунт. Степан Бандера собрал в Кракове конференцию, на которой был создан «главный революционный трибунал». Члены «трибунала» тут же вынесли смертные приговоры «за предательство дела освобождения Украины» многим сторонникам Андрея Мельника. Начались кровавые разборки, в ходе которых уже во время войны на Украине было убито около 400 мельниковцев и более 200 бандеровцев. Окончательное размежевание организации произошло в апреле 1941 года, когда Степан Бандера собрал в Кракове «великий сбор» своего сброда, после которого ОУН окончательно распалась на ОУН(м) (мельниковцы) и ОУН(б) (бандеровцы).

Вот что рассказывал об этой истории арестованный в мае 1945 года заместитель начальника Абвера-2 (диверсии и саботаж) полковник Эрвин Штольце:

«В процессе активизации украинской националистической деятельности, которую мы проводили через свою агентуру, уже в начале 1940 года нам стало известно о трениях в руководстве националистического подполья, в частности между нашими агентами Мельником и Бандерой, и что эти трения ведут к расколу националистического движения... Несмотря на то, что во время моей встречи с Мельником и Бандерой оба они обещали принять все меры к примирению, я лично пришел к выводу, что это примирение не состоится из-за больших противоположностей между ними. Бандера по характеру энергичный, карьерист, фанатик и бандит. Мельник – спокойный, интеллигентный чиновник»^[116].

После оккупации Польши в Берлине было принято решение об использовании всех возможностей ООН против Советского Союза. Тем более что западно-украинские земли с многочисленным подпольным аппаратом организации оказались на территории Советского Союза. Фактически требовалось лишь активизировать деятельность местных националистов, заставив собирать информацию, интересующую Берлин.

Уже цитировавшийся выше полковник Эрвин Штольце (в годы Второй мировой войны он руководил созданием национальных диверсионных формирований, действовавших на территории СССР) свидетельствовал:

«Выполняя полученные указания Кейтеля (начальник ОКВ (Верховное главнокомандование Вермахта) Вильгельм Кейтель. - Прим. авт.) и Йодля (начальник Штаба оперативного руководства ОКВ генерал Альфред Йодль. - Прим. авт.), я связался с находившимися на службе в германской разведке украинскими националистами... В частности, мною лично было дано указание руководителям украинских националистов германским агентам Мельнику (кличка "Консул-1") и Бандере организовывать сразу же после нападения Германии на Советский Союз провокационные выступления на Украине... В октябре 1939 года я с Лахузеном (начальник Абвера-2 полковник Эрвин Лахузен-Вивермонт. - Прим. авт.) привлек Бандеру к непосредственной работе в Абвере. По своей характеристике Бандера был энергичным агентом и одновременно большим демагогом, карьеристом, фанатиком и бандитом, который пренебрегал всеми принципами человеческой морали для достижения своей цели, всегда

готовый совершить любые преступления. Агентурные отношения с Бандерой поддерживал в то время Лахузен, я – полковник Э. Штольце, майор Дюринг, зондерфюрер Маркерт и другие...»

Несмотря на великолепные результаты операции, Павла Анатольевича Судоплатова не только оставили без правительственной награды, но и чуть не исключили из партии. О драматических событиях декабря 1938 года мы расскажем в следующей главе, а пока лишь отметим, что в 1940 году эту несправедливость исправили. По партийной линии ему объявили строгий выговор (через год и его сняли). А 26 апреля 1940 года наградили вторым орденом Красной Звезды «за выполнение заданий правительства по охране госбезопасности».

Личный «крот» Павла Судоплатова

После возвращения из заграничной командировки и партийного собрания (о нем мы расскажем в одной из следующих глав нашей книги) Павел Анатольевич Судоплатов продолжал участвовать в операциях советских органов госбезопасности против западноукраинских националистов, которые активизировали свою деятельность теперь уже против советской власти на территории Западной Украины. Как и в предыдущем случае, виноваты в этом были не только внешние силы (находящееся в эмиграции руководство ОУН), но и непродуманная политика Москвы.

Во Львове 29 марта 1940 года был арестован руководитель мобилизационного отдела Повстанческого штаба Ярослав Горбовой («Буй»). Он тайно прибыл из-за границы. Помимо выполнения набора заданий, полученных от руководства организации, ему предстояло уточнить месторасположение советских военных аэродромов на территории Львовской области. Эта информация очень интересовала Абвер.

После задержания на конспиративной квартире (он даже не успел выхватить имеющийся при себе револьвер) и изъятия списка подпольных явок и мест хранения оружия его в течение двух недель допрашивали сотрудники НКВД. Судя по уголовному делу, он дал письменные свидетельства о деятельности подполья в Галиции и указаниях Краковского центра по подготовке вооруженного антисоветского восстания. Возможно, после окончания следствия его бы расстреляли, как других действительных и мнимых иностранных агентов различных разведок, но вмешался

случай в лице молодежного ответственного сотрудника НКВД СССР с двумя «ромбами» и орденом на гимнастике.

Как пишет известный диаспорный исследователь истории ОУН Зиновий Кныш (бывший боевой референт Украинской войсковой организации Евгения Коновальца), позднее орденосца, который беседовал с Ярославом Горбовым, идентифицировали на допросах последнего в СБ Краковского центра ОУН(б) как «Валюха». Прекрасно владея украинским языком, отменно ориентируясь в идеологии и организационных проблемах националистического движения (вот где пригодилось обучение в Лейпциге и многомесячное общение с западноукраинскими националистами), чекист повел тонкую психологическую обработку, но не подследственного, нет, - равного собеседника. Повышенный интерес сотрудника центрального аппарата к задержанному оуновцу объяснялся просто. Подследственный был приятелем и земляком Степана Бандеры. Скорее всего, главный герой нашей книги приехал во Львов специально для проведения вербовки пленника. Этим и объясняется его запоздалое начало участия в допросах. А может, виной всему бюрократия. Слишком долго до Москвы шло сообщение о связях одного из арестованных. Да и некогда было чекистам разбираться с каждым из задержанных западноукраинских националистов. Тогда в Львовском следственном изоляторе и других тюрьмах оказалось очень много народу.

Павел Анатольевич Судоплатов с невиданной для «энкаведиста» крамольной «откровенностью» признавал «отдельные ошибки» власти в национальном вопросе. При этом заверял, что лишь советизация сможет содействовать расцвету украинского народа. Ярослава Горбового, успевшего обрасти изрядной щетиной, привели в божеский вид. С новым знакомым

они посетили Москву, сходили на балет в Большой театр. «Коренные преимущества» социалистического строя демонстрировали при осмотре Днепрогэса и других «великих строек пятилеток»...

Непосредственным куратором «Буя» стал сотрудник разведки – молодой украинский чекист Иван Кудря – будущий организатор подполья в Киеве времен нацистской оккупации, Герой Советского Союза (с 1965 года).

Новообращенному негласному помощнику были поставлены задачи продвижения в ведущие заграничные центры ОУН – берлинский и римский. Павел Анатольевич Судоплатов лично отвез нового агента к «окну» на берегу Сяна... Однако в перспективный сценарий вмешалась контрразведка ОУН. Ярослав Горбовой был разоблачен СБ (Служба безопасности) Краковского центра, которую насторожили обстоятельства «чудесного спасения» эмиссара на фоне массовых провалов подполья в Галиции, что совпали по времени с отсутствием «Буя». Эсбисты сентиментальностью тоже не отличались, и пришлось давать откровенные свидетельства об обстоятельствах его «всыпа» (провала, «раскола» – на жаргоне подполья). Было решено использовать «Буя» в оперативной игре с НКВД для вывода за границу и захвата «Валюха» – причин поквитаться с ним было больше чем достаточно. Как пишет Зиновий Кныш, непосредственно разработкой оперативной игры занимался референт СБ Мыкола Арсеныч.

Существуют разные версии дальнейшего развития событий. За исключением отдельных деталей, они сводятся к разоблачению замыслов НКВД силами СБ ОУН(б) или немцами. Как сообщила в 1944 году информатору НКГБ УССР (не зная, разумеется, с кем беседует) сестра лидера ОУН Владимира Бандера-Давыдюк, «Буя» действительно разоблачила СБ, в

допросах принимали участие лично Степан Бандера и военный референт ОУН Олекса Гасин («Лыцар»). Решили использовать его по линии СБ, однако конкуренты-мельниковцы сообщили об измене «Буя» куда следует - в гестапо.

Не случайно в 1940 году в составе референтуры СБ ОУН(б) создается группа, сотрудники которой проверяли на причастность к советской агентуре всех прибывших с территории УССР. Остается только отметить, что чекисты до 1948 года питали надежды на возобновление связи с «кротом», пока не убедились в их тщетности... [\[117\]](#)

Глава 6. «О времена, о нравы»

«С 6 ноября по 2 декабря 1938 года исполнял обязанности начальника 5-го Отдела ГУГБ НКВД СССР»

«Чистки» начались в органах госбезопасности после окончания Гражданской войны. В первую очередь они коснулись тех, кто имел неосторожность поддерживать идеи Льва Троцкого даже в период его нахождения у власти. Также своих постов могли лишиться сторонники Николая Бухарина и других противников «генеральной линии» партии. До середины тридцатых годов прошлого века жертв «чистки» обычно изгоняли из рядов ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Затем их начали отправлять в ГУЛАГ или расстреливать.

По-пролетарски «до основания, а затем...» за период репрессий 1937-1938 годов из 450 сотрудников ИНО (включая заграничный аппарат) было репрессировано 275 человек – свыше 60 % личного состава. Результаты этого «очистительного процесса» были трагичными. Погибли многие высокопрофессиональные нелегалы. Была утрачена связь со многими ценными агентами (с некоторыми – навсегда). Еще несколько человек стали «перебежчиками». Одна из их причин ухода на Запад – справедливые опасения за собственную жизнь.

В течение 127 дней руководство страны не получало из центрального аппарата внешней разведки вообще никакой информации!^[118] Мир находился накануне и в первые месяцы Второй мировой войны, а советская внешняя разведка ничего не могла сообщить руководству страны. Последствия «чистки» продолжали катастрофически ощущаться на протяжении всей Великой Отечественной войны. Начиная с середины

1942 года советская внешняя разведка не имела своей агентуры в центральном аппарате органов управления Третьего Рейха. Все агенты Москвы были арестованы гестапо в течение первого года Великой Отечественной войны. Автор полностью разделяет мнение, высказанное известным отечественным писателем и историком спецслужб Теодором Гладковым о причинах многочисленных «провалов» советской агентурной сети.

Причины были объективного характера («непрерывная слежка нацистского режима за всеми и каждым», «высокий профессионализм, дотошность, компетентность, выдержка, а также техническая оснащенность нацистских спецслужб»)^[119]. На них не могла повлиять Москва.

В качестве исторической справедливости автор хотел бы отметить, что и в СССР при Иосифе Сталине существовала аналогичная ситуация. Сотрудники ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ не только занимались фабрикацией уголовных дел, но и весьма успешно противостояли реальной агентуре иностранных спецслужб. Другое дело, что в Советском Союзе было как-то не принято об этом говорить, а когда СССР исчез с политической карты мира, то старались писать только о репрессивной роли советской контрразведки в тридцатые-пятидесятые годы прошлого века.

Также причины были и субъективного характера, порожденные политикой руководства СССР. Основные из них: «отвратительно поставленная связь Центра со своими нелегальными резидентурами и отдельными агентами», «отсутствие надежной аппаратуры, способной устойчиво вести передачу и прием на большие расстояния», и «необеспеченность запасными каналами связи в условиях войны»^[120]. Автор добавил бы к этому списку субъективных причин –

некомпетентность отдельных технических работников Центра. Например, было несколько случаев, когда захваченный немцами советский агент в текст отправленной в Центр радиogramмы вставлял специальный (заранее оговоренный) сигнал, свидетельствующий о том, что он работает под контролем противника. И каков результат? Центр просто игнорировал его и продолжал общаться с агентом в обычном режиме.

Теодор Гладков считает, а автор полностью разделяет его мнение, что «причина всего этого хаоса, неразберихи, низкой исполнительской дисциплины уходит своими корнями все в тот же проклятый тридцать седьмой год, когда были уничтожены лучшие кадры внешней разведки, а также высочайшего уровня специалисты в области радиотехники, способные обеспечить надежную радиосвязь. Причины - в тупом пренебрежении высшего руководства страны к достоверным сообщениям внешней и военной разведки о надвигающейся войне, его неспособности подготовить Отечество к отпору агрессии в должной мере и в должные сроки»[\[121\]](#).

Павлу Анатольевичу Судоплатову «повезло». В силу своего юного возраста и позднего вступления в партию (напомним, что произошло это в 1928 году) он не успел продемонстрировать свою поддержку лидерам партийной оппозиции. Также благоприятным для него было и многомесячное пребывание за границей. Во время этих командировок он фактически находился за штатом центрального аппарата внешней разведки и фактически был «невидим» для следователей из НКВД, фабрикующих очередное дело. Кто знает, попади он в жернова репрессий, как бы сложилась не только его судьба, но и нескольких десятков чекистов, которых осенью 1941 года он сумел «вытащить» из тюрьмы и

включить в штат своего Второго отдела Четвертого управления НКВД СССР.

Допрос с пристрастием

Впервые «тучи сгустились» над главным героем нашей книги 23 ноября 1938 года. В тот день на заседании парткома 5-го отдела ГУ ГБ НКВД СССР слушалось его персональное дело. Вот как это происходило, согласно выписке из протокола заседания парткома.

Сначала секретарь парткома Анатолий Иванович Леоненко (сверстник Павла Анатольевича Судоплатова, только в сентябре 1937 года пришедший на службу в НКВД) зачитал обвинения. Главному герою нашей книги, в частности, инкриминировались «путаные ответы при заполнении анкетных данных»^[122] (например, эпизод нахождения в плену у казаков генерала Шкуро). Более серьезные, по тем временам, грехи – связь с разоблаченными «врагами народа». Интересно, что в этот список попали совершенно разные люди, начиная от высокопоставленного сотрудника госбезопасности, арестованного в августе 1937 года по «делу о заговоре в НКВД УССР» и расстрелянного через год, как участник контрреволюционной террористической организации (как писали в начале девяностых годов прошлого века – палач, ставший жертвой коллег), и заканчивая «нелегалом» из внешней разведки. Вот такое тогда было время. Кратко расскажем об этих людях и их участии в жизни Павла Анатольевича Судоплатова.

Первым в списке стоит «Горожанин – троцкист, подписавший “платформу 83”, которого Судоплатов знает по работе в ГПУ УССР»^[123]. Сейчас сложно сказать, какие были отношения у главного героя нашей книги с этим человеком и почему именно это имя прозвучало на партсобрании – ведь в Харькове они

трудилась в разных отделах. А вот будущая супруга первого – Эмма Карловна Каганова – работала непосредственно под руководством начальника секретно-политического отдела ГПУ Украины Валерия Михайловича Горожанина и, как мы уже писали выше, курировала работу с творческой интеллигенцией^[124]. Почему мы обращаем внимание на этот малозначительный факт?

Весной 1930 года Валерий Михайлович Горожанин стал одним из «режиссеров-постановщиков» процесса над членами украинской националистической организации «Спілка визволення України» – СВУ. О ней мы подробно рассказали выше. Его подготовка началась еще за год до этого, когда на Украине стали арестовывать представителей местной интеллектуальной элиты. Участвовавший в подготовке судебного процесса следователь Соломон Брук цинично и откровенно провозгласил: «Нам нужно украинскую интеллигенцию поставить на колени... Кого не поставим – перестреляем»^[125]. В марте 1930 года на скамье подсудимых оказалось 45 человек, среди которых было два академика Всеукраинской академии наук (ВУАН), 15 профессоров вузов, два студента, один директор средней школы, 10 учителей, один теолог, один священник, три писателя, пять редакторов, два кооператора, два юриста и один библиотекарь. Из 45 человек 31 когда-то входил в различные украинские политические партии, один был премьер-министром, два – министрами правительства Украинской Народной Республики, шестеро – членами Центральной Рады^[126]. Их приговорили к различным срокам тюремного заключения, но судьба этих людей после освобождения сложилась трагически. Большинство из них в 1937–1938 годах вновь были приговорены к длительным срокам тюремного заключения^[127]. И это было только начало. В

1930 году арестовали еще 700 человек в связи с делом СВУ. А всего, по некоторым данным, во время и после судебного процесса по делу этой организации было репрессировано более 30 тысяч человек [\[128\]](#).

В начале девяностых годов прошлого века историки однозначно утверждали, что «Спілка визволення України» создана стараниями сотрудников ГПУ УССР. Сейчас на Украине звучат более осторожные заявления. Организация действительно существовала, но реальной угрозы для властей не представляла.

Успехи Валерия Михайловича Горожанина отметило руководство Лубянки. После прочтения эпизода с процессом по делу членов СВУ может сложиться впечатление об этом человеке как палаче украинской интеллигенции. Автор бы не стал так однозначно трактовать его роль в истории деятельности органов госбезопасности республики в двадцатые-тридцатые годы прошлого века. Ведь были и другие эпизоды в жизни этого человека. Например, он находился в оккупированной Одессе, был арестован и приговорен к расстрелу. От смерти его спасло стремительное наступление Красной Армии. А после окончания Гражданской войны принимал активное участие в борьбе с многочисленными бандами, терроризировавшими население советской Украины. В декабре 1924 года его наградили знаком «Почетный работник ВЧК-ОГПУ», а в декабре 1927 года - орденом Красного Знамени.

В мае 1930 года его откомандировали в ОГПУ СССР - заместителем начальника секретно-политического отдела. Напомним, что в этом же отделе трудилась Эмма Карловна Каганова. В июле 1933 года его назначили заместителем начальника ИНО ОГПУ-НКВД СССР [\[129\]](#). С февраля по август 1937 года - начальник и заместитель начальника Особого бюро при

секретариате НКВД СССР. О нем следует рассказать чуть подробнее. Это подразделение было организовано 15 февраля 1937 года и являлось первым информационно-аналитическим подразделением в системе НКВД. Среди прочего, в его функции входили подготовка справочных материалов по формам и методам работы иностранных разведок и контрразведок, на государственных и политических деятелей зарубежных стран, подготовка учебных пособий. После его упразднения в октября 1938 года функции этого подразделения были переданы в 7-й Отдел ГУГБ НКВД СССР^[130].

Валерий Михайлович Горожанин был арестован 19 августа 1937 года по делу «о заговоре в НКВД УССР», в течение года находился под следствием, а затем приговорен к высшей мере наказания. Реабилитирован посмертно в 1957 году.

Вторым в списке стоит «Соболь - ныне разоблаченный враг народа, по рекомендации которого Судоплатов пришел работать в ИНО»^[131]. Поясним, что речь идет о Раисе Романовне Соболе - о ее сложной судьбе мы уже рассказали выше^[132].

Следующая фигура - «Каминский - враг народа, лучший друг Судоплатова»^[133]. Иван Николаевич Каминский начал работать во внешней разведке в 1922 году. В 1930 году был направлен в Германию в качестве руководителя нелегальной резидентуры. В 1934 году - нелегальный резидент в Париже. В мае 1936 года по поддельным документам прибыл в Швейцарию для разработки находящегося там лидера ОУН Евгения Коновальца, был арестован швейцарскими властями по обвинению в шпионаже, за недоказанностью вины выпущен на свободу. После возвращения в СССР в октябре 1936 года назначен начальником 1-го отделения (Германия, Польша, Венгрия, Чехословакия)

ИНО ГУГБ НКВД СССР^[134]. Арестован в конце 1938 года и приговорен к длительному сроку тюремного заключения. Осенью 1941 года освобожден по ходатайству главного героя нашей книги и направлен для работы за линию фронта в оккупированный немцами Житомир. Погиб при попытке ареста сотрудниками германской контрразведки.

И, наконец, четвертая фигура - «Быстролетов - враг народа, компрометирующий материал о котором Судоплатов скрывал в течение длительного времени»^[135]. Дмитрий Александрович Быстролетов (оперативные псевдонимы «Ганс» и «Андрей») - с 1930 года по 1937 год руководил нелегальной резидентурой, которая занималась технической, экономической, политической и военной разведкой во многих странах мира^[136]. Арестован органами НКВД 17 сентября 1938 года. На основании материалов следственного дела № 21011 приговорен к 20 годам лишения свободы и пяти годам поражения в правах за «организацию и руководство контрреволюционной эсеровской группировки внутри “Союза студентов граждан СССР в Чехословакии”» и «членство в пражском эсеровском клубе», а также «будучи нашим секретным сотрудником, являлся одновременно агентом чехословацкой разведки». Заключение отбывал в Норильском, Красноярском и Сибирском ИТЛ. В 1947 году его доставили в МГБ СССР, где ему была предложена амнистия и возвращение в разведку. Отказался от амнистии, потребовав повторного суда и полной реабилитации. Освобожден в 1954 году. В 1956 году реабилитирован^[137].

Третий раздел обвинения звучал так:

«Об использовании Судоплатовым служебного положения для получения вещей

для себя и своей жены под видом оперативных надобностей уже в сентябре 1938 года»^[138].

Выслушав зачитанный секретарем парткома 5-го Отдела ГУГБ НКВД СССР Анатолием Ивановичем Леоненко текст обвинения, Павел Анатольевич Судоплатов попытался доказать свою невиновность. Начал он с того, что кратко изложил свою биографию, указав «о своем участии в Красной Армии, о нахождении в плену у генерала Шкуро, в возрасте 12 лет». Затем он заявил, что связь «с ныне разоблаченными врагами народа – Горожаниным, Каминским – была исключительно служебная, других взаимоотношений с ними не было». А вот в ситуации с Соболев он признал себя виновным, т. к. «он просмотрел, чему в значительной степени способствовало награждение Соболев боевым оружием руководством Наркомата»^[139].

Затем группа коллег задала ему ряд уточняющих вопросов. Павел Анатольевич Судоплатов решил сам атаковать. Он заявил о «своем настороженном отношении к Нагибину, который является выходцем из кулацкой семьи, о чем он скрывает, основанном на том, что семья Нагибина, враждебно настроенная к советской власти, не сложила свое оружие враждебности до настоящего времени. Родственники его репрессированы»^[140].

Неясно, как среагировали на это заявление присутствующие. В цитируемой нами «Выписке из протокола» ничего не сказано по этому поводу. Зато содержатся тексты выступлений коллег Павла Анатольевича Судоплатова. Воспроизведем наиболее яркие из них.

«Тов. Благутин: По приходу в отдел из беседы с отдельными товарищами я получил о

Судоплатове характеристику как о холуе. Отсюда, я считаю, все его последующие положения в коллективе. Посмотрите связи Судоплатова с врагами народа Горожаниным, Соболев и другое поведение Судоплатова во время прошлых событий; его отношение к ныне разоблаченным врагам, нужно сказать прямо, обывательское. Судоплатов никогда не выступал с разоблачением врагов, он не высказывал своего мнения, у него нет ничего партийного»^[141].

Прервем на мгновение речь Благутина и отметим один важный факт. Главный герой нашей книги никогда не выступал на партсобраниях и не клеймил с трибуны «врагов народа». В то время это очень мужественный поступок. И на него были способны немногие.

А Благутин продолжал обвинять коллегу.

«Факт тот, что враг народа Шпигельглас делился с Судоплатовым об имеющихся на него показаниях, говорит о тех взаимоотношениях, которые существовали у Судоплатова с бывшим руководством отдела. Посещение Судоплатовым вечеринок у Слуцкого – и т. д. – все это является не случайным. Они говорят о прямой связи Судоплатова с ныне разоблаченными врагами народа, и здесь именно кроется причина того, что Судоплатов не выступил с их разоблачением».

Свое выступление оратор закончил такой фразой: «Я предлагаю исключить товарища Судоплатова из партии как не оправдавшего доверия партии»^[142]. Тогда она звучала регулярно. Если бы призыв был реализован, то это фактически означало для жертвы не только конец

карьеры в органах госбезопасности, но и длительное тюремное заключение или расстрел.

Выступивший следом Дудукин в своем выступлении указал:

«...Судоплатов попал в отдел по рекомендации врага Соболя. Его тянул на работу Слуцкий - кто такой Слуцкий, нам известно. Для Судоплатова создавались особые условия, которые никто из нас не имеет. И дальше, в 1938 году Судоплатов намечается на должность помощника начальника отдела (речь идет о периоде с 6 ноября по 2 декабря 1938 года, когда он исполнял обязанности начальника 7-го Отдела ГУГБ НКВД СССР. - Прим. авт.) и, еще, не будучи утвержденным в этой должности, Судоплатов пользуется особыми привилегиями; эти довольно странные явления, по-моему, вытекают из тех взаимоотношений, которые Судоплатов имел с бывшем руководством отдела.

Возьмите окружение Судоплатова: враг народа Соболя - его лучший друг, о чем не скрывает и сам Судоплатов, но когда арестовывают Соболя, Судоплатов не считает своим долгом члена партии довести до сведения парторганизации об этом аресте. Судоплатов знал очень многих из ныне разоблаченных врагов народа, соприкасался с ними в быту. Для многих из них он был лучшим другом. Казалось бы, Судоплатов должен был оказать громадную помощь партии по очистке отдела от врагов.

Но Судоплатов не сделал этого, он не помогал партии разоблачать врагов, а своими отдельными выступлениями на партсобраниях он выступал в их защиту (дело Горожанина,

Кропотова (речь идет о сотруднике внешней разведки с 1925 года Петре Николаевиче Кропотове – в апреле 1938 года парткомом ГУГБ НКВД СССР объявил ему строгий выговор с занесением в личное дело “за потерю партийной бдительности, выразившейся в связи с... врагами народа Мироновым, Сили, Гавриловым, Сауловым и др.”, его дальнейшая судьба неизвестна. – Прим. авт.). Этим своим поведением Судоплатов не оправдал звания члена партии, и ему не место в ней»^[143].

Следующий оратор Чернонебов заявил:

«Судоплатова нужно рассматривать с точки зрения его партийности в нашей организации. Судоплатов не принимал никакого участия в разоблачении врагов народа, он молчал, этим молчанием он укрывал их, и это не случайно, товарищи, ибо Судоплатов был связан с целым рядом ныне разоблаченных врагов, он сросся с ними и был для них удобным человеком. Судоплатов игнорировал отдельных членов партии, выступавших с разоблачением врагов народа, а когда мы выступили с разоблачением врага народа Соболев, то большинство из ныне разоблаченных врагов народа обвинили нас в клевете, в том числе были Судоплатов и Каганова. Мне кажется, что у Судоплатова была тесная связь с врагом Горожаниным, который принимал участие в переброске Судоплатова на работу в Москву».

Затем он коротко сообщил о «факте получения Судоплатовым вещей из-за границы для личного пользования». К сожалению, в цитируемом нами

документе не приводится списка предметов, поэтому сложно оценить справедливость этого обвинения.

Свою обвинительную речь Черnoneбов закончил такими словами.

«Из всех приведенных фактов я делаю один вывод, что Судоплатов, потерявший партийное лицо, ничем не оправдал звание члена партии и ему не место в партии»^[144].

А затем слово попросил Нагибин. Его речь была еще более агрессивной. Ее он начал с попытки отклонить выдвинутое против себя обвинение.

«Заявление, сделанное здесь Судоплатовым в отношении меня и моих родственников, является ложным и ничем не обоснованным. Это заявление я считаю попыткой Судоплатова отвести от себя удар партийной организации, предъявившей Судоплатову ряд законных обвинений.

Судоплатову я не доверял и не доверяю. Его мы еще не раскрыли до конца. Судоплатова держала рука Слуцкого. Судоплатов держал себя высокомерно. Он считал себя выше всех – героем, а остальных – пешками, толпой, массой. Все эти качества Судоплатова воспитывала та банда врагов, которая долгое время орудовала в отделе.

Судоплатов неискренен в своем заявлении, что у него-де с Соболев были только безобидные дружеские отношения, он также нагло врет о своих взаимоотношениях с Быстролетовым, с которым работал вместе, а пытался уверить партком, что он его совсем не знал и, наконец, все сводит к тому, что он, видите ли, забыл это.

Судоплатов скрывал имеющийся у него компрометирующий Быстролетова материал, он не ставил вопрос об аресте Быстролетова. Судоплатов не был искренен и на парткоме при разборе вопроса о приеме в партию его жены Кагановой и не поставил в известность партком, что друзья Кагановой - Соболев и Коган арестованы.

Судоплатов также врет, что не знал о троцкистском прошлом Горожанина и о том, что он подписал "платформу 83", и пытается уверить, что-де это знала его жена Каганова и он, не зная этого, выступил с защитой Горожанина. Я не верю этому. Судоплатов знал о троцкистском прошлом Горожанина, и выступление его на собрании было заранее продуманным. Судоплатов не был на высоте своего положения как партизнец и как чекист. Он использовал свое служебное положение, получал вещи из-за границы, используя методы врага Ягоды и других и, по существу, занимался контрабандой. И наконец, возьмите его отношение с врагом Шпигельгласом и заявление последнего Судоплатову о том, что он (Шпигельглас) является шпионом и чтобы ему помогли разыскать обличающий его материал. Судоплатов, зная это заявление Шпигельгласа, не поставил об этом в известность партком, сославшись на то, что материал на Шпигельгласа находится у товарища Берии. Это поведение Судоплатова было прямой помощью врагу.

И не зря враг народа Каминский, характеризуя взаимоотношения Судоплатова с Пассовым и Шпигельгласом, назвал его "удобным человеком".

Все это ставит Судоплатова вне рядов партии, он не оправдал доверие члена партии и должен нести ответственность. Судоплатова нужно исключить из партии»[\[145\]](#).

Затем слово взял Максим Борисович Прудников (с 1939 года по 1941 год – заместитель начальника внешней разведки, погиб в 1941 году на фронте под Москвой[\[146\]](#). – *Прим. авт.*) и заявил:

«Объяснения Судоплатова на парткоме совершенно неудовлетворительны. Все факты обвинения Судоплатов отрицает и, как наивный ребенок, приходит в недоумение, что он этого ничего не знал, так как был занят на серьезной работе, и признает только то, что был в приятельских взаимоотношениях с Соболев. О Судоплатове как о члене партии у меня сложилось определенное мнение. Откуда у Судоплатова появился такой гонор. Очевидно, это явление было вызвано тем, что он чувствовал за собой руку начальника отдела и его замов. Все его лучшие отношения идут только к высшим лицам и презрение к низшим. Низших работников Судоплатов не замечал. Поведение Судоплатова как члена партии в деле Горожанина, в защиту которого он выступал, наглядно показывает его лицо, лицо не члена партии. Когда парторганизация вынесла по этому вопросу единодушное мнение, Судоплатов дал отбой. Однако не сделал для себя из этого никого вывода, не осудил своего поступка.

Судоплатов старый работник отдела, знал многих из ныне разоблаченных врагов, но он ничего не сделал, чтобы помочь партии. Он не

выступил с разоблачением и тем самым оказал услугу врагам, давал им возможность творить их гнусные дела.

Вражеское руководство отдела в лице Пассова видела это и старалось втянуть Судоплатова в свое болото, приблизить его к себе, для чего Судоплатову создавались привилегии. Он был на особом положении у врагов.

Вокруг Судоплатова и его жены Кагановой группировались все бывшие работники отдела, ныне разоблаченные враги, и создавали этим самым круг особых лиц, не переваривавших новых товарищей, пришедших на работу в отдел.

Судоплатов был на особом положении у Слуцкого, ибо он был нужен Слуцкому. Слуцкий тянул на работу в отдел Судоплатова и, несомненно, это было неспроста. Судоплатов посещал вечеринки на квартире у Слуцкого, где собирались все ныне разоблаченные враги.

Судоплатов ничем не оправдал звание члена партии, и ему не место в партии»[\[147\]](#).

Свою речь заместитель начальника отделения 5-го Отдела ГУГБ Василий Иванович Пудин начал такими словами:

«Защита троцкиста Горожанина Судоплатовым не случайна, не может быть, чтобы Судоплатов, будучи членом парткома ГПУ УССР, не знал о троцкистском прошлом Горожанина. Он должен был знать это, и он, безусловно, знал Горожанина как троцкиста, ибо не зря Горожанин принимал такое горячие

участие в переброске Судоплатова на работу в Москву. В этом вопросе Судоплатов неискренен.

Взаимоотношения Судоплатова со Слуцким довольно странные. Возьмите его участие во встрече нового года на квартире у Слуцкого, которая, по существу, просто являлась прикрытием для сбора врагов. Мы знаем, что на этих встречах Слуцкий высказывал свое удовлетворение подбором аппарата и его сработанностью, а кто же остался из этих участников встречи на сегодняшний день? Никого. Все они оказались врагами народа.

У Судоплатова нехорошие отношения с работниками отдела Сенькиным, Нагибиным. Спрашивается, почему. Почему Судоплатов не мог сработаться с этими товарищами, присланными на работу из ЦК. Почему у Судоплатова чиновничье отношение к этим товарищам. Очевидно, Судоплатов стремится к тому, чтобы скомпрометировать этих товарищей и убрать их из отдела. Для меня кажутся совершенно странными отношения Судоплатова со Шпигельгласом и заявление последнего о том, что он, Шпигельглас, шпион, причем это было сказано в моем присутствии. Это для меня остается непонятным. Почему Шпигельглас не сказал этого никому другому, а именно Судоплатову.

Делая вывод, я должен сказать, что у Судоплатова нет ничего партийного, он не ведет никакой партийной работы, он не оправдал звание члена партии, и я думаю, что ему не место в партии»^[148].

Из всех выступивших на этом собрании, не считая главного героя нашей книги, в официальной истории

советской внешней разведки сохранилась подробная биография только Василия Ивановича Пудина. Основная причина – солидный список побед на фронтах «тайной войны». Его первая победа – участие в операции «Синдикат-2». Тогда он сыграл роль «боевика» легендированной чекистами подпольной антисоветской организации «Либеральные демократы».

Другой пример. С 1936 по 1938 год, занимая пост заместителя резидента внешней разведки в Болгарии, он завербовал высокопоставленного японского дипломата, от которого за вознаграждение получил шифры МИД Японии, использовавшиеся в переписке с европейскими странами, в частности с Германией. Это позволило в первые годы Второй мировой войны читать зашифрованную переписку Токио и Берлина и быть в курсе японских планов в отношении СССР^[149]. Эта история имела продолжение. Осенью 1941 года Василию Ивановичу Пудину снова пришлось ехать в Болгарию. Завербованный им несколько лет назад агент хотел лично этому разведчику сообщить ценную информацию. Она повлияла на решение Иосифа Сталина перебросить войска с Дальнего Востока под Москву во время битвы за столицу в 1941 году^[150].

С июля 1941 года по июль 1943 года Василий Иванович Пудин работал начальником отделения во Втором отделе – Четвертом управлении НКВД-НКГБ СССР, а также командовал одним из спецотрядов этого подразделения Лубянки, дислоцированным в Могилевской области Белоруссии. После войны он работал заместителем начальника управления внешней разведки. Неоднократно выезжал за границу для выполнения специальных заданий. В 1952 году вышел в отставку по состоянию здоровья^[151].

Вновь вернемся к событиям 1938 года. А вот что сказал следующий оратор – Езепов.

«Судоплатов должен признать, что вся его работа проходила в среде врагов народа, и он не принял никаких мер к их разоблачению. Разбирая дело Судоплатова, мы должны признать, что вражеское руководство отдела умело подбирало для себя кадры. Возьмем поведение бывшего секретаря парткома Долматова, который последнее время играл под дудку Слуцкого. То же можно сказать и о Судоплатове. Факт приглашения его на встречу Нового года к Слуцкому говорит за то, что Судоплатов считался у врагов своим человеком, для него создавались лучшие условия. Тем самым они втянули Судоплатова в свое болото. Судоплатов теперь должен признать это и дать политическую оценку своему поведению в парторганизации и той неправильной, ложной позиции, которую он занял в деле разоблачения врагов народа»^[152].

Затем выступил товарищ Хрипунов.

«Объяснение Судоплатова, что его длительная командировка явилась причиной притупления его бдительности в деле разоблачения врагов народа, совершенно неверно. Судоплатов вполне политически развит и легко мог бы ориентироваться в этом деле.

Для меня, например, теперь становится совершенно ясным, почему Судоплатова выдвинули на должность помощника начальника отдела, почему ему создавали особые условия. Потому, что Судоплатов был удобным для них человеком. Они его втягивали в свое болото. В свете этого я не могу верить

Судоплатову, что у него не было никаких отношений со Шпигельгласом. Ведь никому из вас Шпигельглас не сказал о том, что на него имеется показания, что он шпион, об этом он поделился с Судоплатовым. Следовательно, у Судоплатова со Шпигельгласом были более чем деловые отношения; раз он его посвятил в это дело, значит, он посвящал его и в другие дела.

Судоплатов был на услужении у Шпигельгласа, Слуцкого и других. Он был у них особым приближенным. К рядовым работникам Судоплатов относился высокомерно, он не разъяснял им дела, не помогал в работе.

В политическом отношении Судоплатов ничем себя не проявил. Он не включился в разоблачение врагов и не оправдал звание члена партии, и ему не место в ней»^[153].

В своей речи следующий оратор – Одинцов сказал:

«Обсуждая дело Судоплатова, мы должны учесть всю его жизнь: детство Судоплатова наше, но чем дальше он шел в жизнь, тем больше он начинал портиться, и, наконец, мы видим его опутанным связью врагов народа, с которыми Судоплатов жил, общался и для некоторых из них был лучшим другом.

Это падение Судоплатова ускорила его женитьба на Кагановой. Каганова крепко держит в руках Судоплатова, через нее он попал в круги врага Соболев и других. Он попал под влияние своей жены, и она втянула его в эти враждебные круги, в это болото.

Судоплатов, безусловно, был в курсе всех событий, происходящих в отделе, хотя и находился в командировке. И не случайно он

сам оказался придатком этого болота, ибо Судоплатов был в близких отношениях со Слуцким, Пассовым и другими. Он был удобным для них человеком, и на сегодняшний день только приходится жалеть, что вся эта сволочь еще не все говорит о Судоплатове, а говорить, на мой взгляд, есть о чем.

На сегодня Судоплатов является не нашим человеком, он был лучшим другом ныне разоблаченных врагов, их ближайшим человеком, и не случайно поэтому он выступил в защиту врагов Горожанина и других.

Враг народа Шпигельглас доверял Судоплатову, он делился с ним своими переживаниями, и, по-моему, Судоплатова неспроста вводили в курс дела, его замечали в приемники (так в тексте документа. – Прим. авт.) дел отдела.

Что Судоплатов не наш, об этом говорит его отношение к партпоручениям. Посмотрите его работу в стенгазете, разве так должен относиться член партии к порученному ему делу. Судоплатов не оправдал звание члена партии, и ему нельзя оставаться в партии»^[154].

Выступивший следом начальник фотолаборатории Гессельберг повторил сказанное раньше и добавил от себя:

«Судоплатов потерял партийное лицо, не оправдал звание члена партии, и ему не место в партии»^[155].

Речь бывшего резидента спецгруппы особого назначения в Шанхае Самуила Марковича Перевозникова была более содержательной, хотя она

не спасла его от ареста в сентябре 1939 года и расстрела в июле 1941 года (реабилитирован в 1967 году)^[156]. Он, в частности, заявил:

«...оправдывать свое поведение в деле разоблачение врагов, прикрываясь заслугами, как это делает Судоплатов, нельзя, нужно было наряду с этими заслугами включиться в активную работу по разоблачению врагов и на деле оправдать звание члена партии.

Отношение Судоплатова к заявлению Шпигельгласа и его взаимоотношения с Нагибиным являются не партийными, ни в том, ни в другом случае Судоплатов не поставил в известность партийный комитет, не делал никакой попытки к налаживанию взаимоотношений с Нагибиным.

Судоплатов нечестно и неискренне держит себя на парткоме.

Он пытается отрицать все факты, выдвинутые против него. Судоплатов должен был честно рассказать о своем отношении к Горожанину и дать ему политическую оценку. В выступлении товарища Судоплатова мы видим обратное, у него нет решительности, а следовательно, нет и партийности.

Близость Судоплатова к врагам народа не случайна. Судоплатов был у них на особом счету, как удобный человек. Не зря его приглашали на вечеринки Слуцкого, где велись разговоры о работе отдела и его работниках. Судоплатов и в этом вопросе не показал своего партийного лица, не разоблачил существо этих вечеринок. Судоплатов ничего не сказал сегодня о своих взаимоотношениях с Пассовым,

о своей связи с врагами Соболев, Каминским и другими.

Это поведение Судоплатова наглядно показывает его партийное лицо с обратной стороны, его непоследовательность. У Судоплатова нет ничего партийного. Я думаю, что партия ничего не потеряет, исключив Судоплатова из своих рядов»[\[157\]](#).

Затем слово взял помощник начальника 5-го отделения 5-го Отдела ГУГБ НКВД СССР Сенькин[\[158\]](#).

«Взаимоотношения Судоплатова с работниками отделения были ненормальными. Он явился в отделение не руководить, а командовать. Он не интересовался работой сотрудников отделения и использовал их не по прямому назначению. Судоплатов имел чрезвычайно большое высокомерие по отношению к людям, стоящим ниже его. Он не замечал их. Судоплатов поддерживал вражескую линию Пассова на удаление из отдела честных, вновь присланных работников, и он сделал бы многое, если бы Пассова не убрали из отдела.

У Судоплатова нет ничего партийного, и ему не место в партии, ибо он ничем не оправдал звание члена партии»[\[159\]](#).

Затем выступил Эпштейн. Он заявил:

«...выступившие товарищи правильно подошли к политической оценке дела Судоплатова. Биографические неточности не являются основным критерием обвинения Судоплатова.

Основным в этом деле является то, что Судоплатов был и остается политически неустойчивым человеком, все время его пребывания в органах говорит не в его пользу.

Преклонение Судоплатова перед Слуцким говорит о многом. Его отношение к Горожанину и сокрытие его троцкистского прошлого не случайно. Его окружение в лице Быстролетова, Каминского, Соболя и других довольно не из приятных. Все это характеризует Судоплатова как человека враждебного нам окружения. Это также подтверждает отношение Судоплатова к разоблаченным врагам и его несогласие с выводами парторганизации. Этому поведению Судоплатова не в меньшей мере способствовал бывший партком во главе с оппортунистом Долматовым, когда еще во главе отдела были Слуцкий, Шпигельглас и другие.

Сегодня, разбирая дело Судоплатова, мы не находим другого критерия обвинения, как его отношения к разоблачению врагов, долгое время и у него на глазах орудовавших в отделе. Что сделал Судоплатов для их разоблачения? Ничего.

Судоплатов работал и жил с этими людьми. Он сросся с ними, оказался сам в их болоте и не способен вести борьбу с ними.

И сейчас, когда мы говорим о его отношении к этим врагам, мы не можем выразить ему политического доверия, мы не можем отнестись к нему так, как мы относимся к некоторым членам партии, не внушающим нам политического недоверия.

Вопрос об отношении Судоплатова к заявлению Шпигельгласа, я думаю, надо поставить по административной линии. В той

напряженной обстановке, которая была в то время в отделе, об этом заявлении Судоплатов должен был сразу поставить в известность партийный комитет, администрацию и Наркома. Но он этого не сделал, и это лишний раз показывает нам непартийное лицо Судоплатова.

Делая вывод, я присоединяюсь к мнению выступавших товарищей исключить товарища Судоплатова из партии»^[160].

После выступления коллег по работе слово было предоставлено главному герою нашей книги. В протоколе кратко было зафиксировано содержание его речи.

«О троцкистском прошлом Горожанина узнал только на собрании, раньше об этом ничего не знал. Перед партией был и есть чист. Своей виной признает то, что не включился активно в разоблачение врагов народа, так как был занят подготовкой к большому оперативному делу, но это заявление отнюдь не снимает с него ответственности перед партией.

Заявил, что никогда никаких преступных связей с врагами народа не имел. С Слуцким был связан исключительно делом, которое он (Судоплатов. - Прим. авт.) проводил, и у него на квартире был два раза, один раз на встрече Нового года и второй раз по делу, когда Слуцкий был болен.

Для партии был честен и предан ей. Никаких преступлений перед партией не совершал. Оставался и остается честным и преданным партии и для партии человек не потерянный»^[161].

Затем слово взял секретарь парткома Анатолий Иванович Леоненко. Он согласился с выступившими на собрании и поддержал их инициативу об исключении Павла Анатольевича Судоплатова из партии.

По итогам мероприятия было принято постановление. Вот его текст:

«Постановили —

За притупление большевистской бдительности, выразившееся в том, что —

1) Судоплатов, работая на протяжении ряда лет в Отделе, находясь с близких взаимоотношениях с бывшим начальником отдела Слуцким, бывшим заместителем начальника отдела Шпигельгласом, бывшей сотрудницей 5-го Отдела Соболев и ее мужем Ревзиным, — не пытался и не сумел разоблачить их как врагов народа.

2) Находился в близких отношениях с ныне разоблаченным врагом народа Горожаниным, с которым работал до прихода в ИНО, на Украине, и когда парторганизация разоблачила Горожанина как скрытого троцкиста, Судоплатов выступил с защитой Горожанина.

3) Не принял мер к разоблачению эсера-белогвардейца Быстролетова, материалы о котором находились у Судоплатова с 1933 года и он, Быстролетов, работал в Отделе и привлекался Судоплатовым к оформлению стенгазеты.

За то, что Судоплатов не принимал активного участия в борьбе парторганизации за очищение отдела от предателей и шпионов, пробравшихся в Отдел.

За использования служебного положения в личных целях:

Судоплатова П. А. из рядов ВКП(б) исключить»^[162].

Авторы многочисленных публикаций, посвященных жизнеописанию Павла Анатольевича Судоплатова, утверждают, что причина неисполнения этого решения парткома – новое задание Иосифа Сталина. Друг «предателей и шпионов, пробравшихся в отдел», получил задание организовать ликвидацию Льва Троцкого^[163]. На самом деле решение первичной парторганизации не утвердила вышестоящая структура – бюро Парткома НКВД СССР. Заседание этого органа, где обсуждалось дело Павла Анатольевича Судоплатова, состоялось только в июле 1939 года. Почему так поздно? Сейчас мы уже не сможем ответить на этот вопрос. Можно лишь догадываться о событиях, произошедших в кабинетах руководства Лубянки и Кремля. С уверенностью можно лишь утверждать, что руководство НКВД и СССР не планировало изгонять главного героя нашей книги из органов госбезопасности.

Кто-то скажет, что он был единственным специалистом по «ликвидации» врагов СССР за пределами СССР из тех, кто еще работал на Лубянке. Например, руководитель Особой группы Яков Серебрянский сидел в подвале этого ведомства и ждал смертного приговора. Мы бы осторожно отнеслись к этой версии. Принцип кадровой политики 1937 года «незаменимых людей нет» продолжал действовать. Если бы было принято решение репрессировать Павла Анатольевича Судоплатова, то он бы отправился следом за своими начальниками Зальманом Исаевичем Пассовым (расстрелян в феврале 1940 года) и Сергеем Михайловичем Шпигельгласом (расстрелян в январе 1940 года).

Другие считают, что он очень долго находился за границей, и поэтому его миновала судьба большинства коллег из внешней разведки. Хотя множество разведчиков, в т. ч. и нелегалов, было отозвано из-за рубежа и репрессировано в СССР.

Мы склоняемся к версии, что главному герою нашей книги просто повезло. И репрессии миновали его. А дальше был запущен механизм «ротации» кадров в центральном аппарате внешней разведки: на руководящие должности были назначены выпускники ШОН (школа особого назначения - кузница кадров советской внешней разведки), а уцелевшие сотрудники были понижены в должностях.

Павел Анатольевич Судоплатов был назначен заместителем начальника внешней разведки 10 мая 1939 года.

«Чистильщики» из ЦК ВКП(б)

Павлу Анатольевичу Судоплатову повезло, что его персональным делом в декабре 1938 года занималась первичная парторганизация, а не сотрудники аппарата ЦК ВКП(б). Согласно Директиве ЦК ВКП(б) «Об учете и проверке в партийных органах ответственных работников НКВД СССР» от 14 ноября 1938 года № П4384, «...в ЦК ВКП(б) подлежат учету, проверке и утверждению все работники центрального аппарата НКВД...». Согласно этому документу, на каждого проверяемого необходимо было завести личное дело, проверить его по спецучетам, провести с ним собеседование и т. п. [\[164\]](#)

Разумеется, такую проверку он прошел, но уже в начале или середине 1939 года, когда ему было оказано высокое доверие самим Иосифом Сталиным – ликвидация Льва Троцкого. Именно этим объясняются события, случившиеся в июле 1939 года.

«Допрос с пристрастием» - 2

Очередное заседание парткома НКВД СССР состоялось 18 июля 1939 года. Сейчас неважно, какие еще вопросы обсуждались в тот день. Нам интересен только одиннадцатый раздел повестки дня. Он был посвящен рассмотрению «дел о партнарушениях». Коммунисты тоже люди и часто совершают поступки, нарушающие требования партийной дисциплины. Их стало меньше после 1937 года, но они все равно были. И для членов парткома они стали рутинной, хотя за каждым делом стояла чья-то судьба. И от решения парткома в те годы зависело, будет ли человек служить в НКВД или окажется на улице с «волчьим билетом». В 1937 году исключение из партии почти всегда означало арест, короткое следствие и отправку в ГУЛАГ или расстрел, кому что. Второй пункт повестки звучал так:

«Дело Судоплатова Павла Анатольевича, 1907 года рождения, члена ВКП(б) с 1928 года, партбилет № 1872162, парторганизация № 5»[\[165\]](#).

Секретарь парткома 7-го Отдела ГУГБ НКВД СССР Анатолий Иванович Леоненко монотонно зачитал решение руководимой им парторганизации об исключении Павла Анатольевича Судоплатова из партии. Затем, следуя ритуалу, слово предоставили главному герою нашей книги. Процитируем полностью его монолог.

«В части отношений с разоблаченным врагом народа Соболев и ее мужем. Мы с ней дружили, в особенности после того, как моя

жена с ней познакомилась в доме отдыха, с ее мужем я не дружил. О ее преступной деятельности я ничего не знал.

Вопрос о Горожанине. Вся эта история тянется долгое время. Надо сказать, что когда я приехал в прошлом году из командировки, меня везде поздравляли с успешным выполнением задания партии и правительства, а вот в ноябре меня исключают из партии.

По существу, личных отношений с Горожаниным у меня не было, о том, что он подписывал “платформу 83”, я не знал, и это даже меня поразило, ибо я его знал за ответственного работника. На Украине он руководил операциями по троцкистам, и для меня было непонятно, как он может вдруг сам оказаться троцкистом, поэтому я выступал на партсобрании и говорил, что это дело нужно расследовать, и когда мне разъясняли все это дело, я согласился с этим и на партсобрании голосовал за его исключение.

О Быстролетове: сначала мне говорили, что я никакого участия не принимал в розыске и аресте Быстролетова, несмотря на то, что имеются на него мои докладные записки и рапорта. Могло случиться так, что я в это время писал о Быстролетове спецсообщение, а он мог работать, так как мы знаем людей по кличкам.

Я неоднократно ставил вопрос об аресте Быстролетова перед Шпигельгласом. По тем данным, которыми я располагаю, Пассов пришел к нам в отдел в апреле, а он был уволен в январе (Дмитрия Быстролетова отстранили от должности 1 января 1938 года. – Прим. авт.). Следовательно, Пассов не мог знать этого

человека. Между тем я все время твердил, что этот человек не арестован...»[\[166\]](#)

Прервем на мгновение монолог главного героя нашей книги. Этот эпизод его биографии до сих пор продолжает оставаться предметом дискуссий историков. Основной спор идет вокруг заявления Павла Анатольевича Судоплатова о предложении арестовать Дмитрия Александровича Быстролетова. Могло ли это быть его собственной инициативой, или он выступил с таким предложением на основе полученных им от других подразделений Лубянки документов?

В архиве хранится интересный документ, который датирован 7 декабря 1937 года. В нем начальник Управления НКВД Московской области комиссар госбезопасности первого ранга Станислав Францевич Реденс (арестован в ноябре 1939 года и в январе 1940 года расстрелян) и капитан госбезопасности Сорокин докладывают заместителю народного комиссара внутренних дел СССР Фриновскому:

«3-м отделом УГБ УНКВД МО вскрыта и ликвидируется шпионско-террористическая организация, созданная чешскими разведывательными органами из эмигрантской молодежи, объединившейся в Союз студентов – граждан РСФСР в городах Праге и Брно.

По показанием арестованных... установлено, что союз студентов – граждан РСФСР создан чешскими разведывательными органами и РОВС для легальной переброски в СССР шпионов, диверсантов и террористов. Одним из инициаторов создания этого союза является Быстролетов Дмитрий Александрович, который, по показаниям арестованных, является агентом чешских разведывательных органов.

Быстролетов прибыл в СССР в 1929 году и до последнего времени ведет разведывательную работу, являясь резидентом чешской разведки.

Сообщая об изложенном, просим вашей санкции на арест Быстролетова как одного из активных участников вскрытой шпионско-диверсионной и террористической организации»^[167].

С этим текстом Павел Анатольевич Судоплатов мог ознакомиться только в одном случае – если бы он был начальником человека, фигурировавшего в тексте документа. Маловероятно, что главному герою нашей книги подчинялся «Ганс». Напомним, что в конце 1937 года первый исполнял обязанности помощника 4-го (испанского) отделения ИНО. А второй, как он сам написал в своих воспоминаниях, «работал в 20-м секторе у полковника Гурского (“Монгол”) в качестве переводчика»^[168]. Поясним, что речь идет о Карле Вольдемаровиче Гурском, который был в 1925 году завербован Сергеем Михайловичем Шпигельгласом в Харбине. С 1928 по 1937 год работал помощником нелегальных резидентов Эриха Альбертовича Такке и Василия Михайловича Зарубина в Берлине. В сентябре 1937 года был отозван в Москву. Репрессирован^[169].

Если не знакомился с «сигналом» от коллег по Лубянки, то, значит, проявил инициативу.

Вновь вернемся к монологу главного героя нашей книги:

«...Как-то я зашел к Шпигельгласу, смотрю, он бежит по комнате взад и вперед и кричит: “я японский шпион”, “я японский шпион”, и тут же мне сказал, что ему передали ключи от сейфа и в нем обнаружили материалы, в которых он изобличается как японский шпион. В это время

следствие шло полным ходом, и если бы я подал заявление, оно бы ничем не помогло, поэтому и ничего не писал. Шпигельглас тут же вызвал одного из начальников отделения и дал ему распоряжение, чтобы он принес ему дело, в котором имеются материалы о его борьбе с японской разведкой на ДВК.

Я считаю, что все эти обвинения, которые мне приписывают, я их не заслуживаю, единственно то, что я действительно дружил с Соболев....»

Внезапно один из присутствующих прерывает выступление оратора таким вопросом:

«...Вот вы говорите, что дело Горожанина вас ошарашило, в каком это году было?»

- Это было в 1936 году, - уверено и удивленно ответил главный герой нашей книги, пытаясь понять, зачем член парткома спросил об этом.

- Когда вы разговаривали с Пассовым о Быстролетове, что он вам сказал? - прозвучавший вопрос не дал ему времени на размышления.

«Пассов мне сказал, что он арестован, и тогда я никаких мер не принимал. Но неожиданно, через несколько дней, раздается звонок по телефону и мне говорит свою фамилию Быстролетов, что, вот, мол, он работал у нас, у него сейчас нет военного билета, послужного списка и. т. д., и спрашивал, как это можно получить. Я ему сказал, чтобы он позвонил мне через пару дней. Об этом же я тут сообщил в 3-й Отдел ГУГБ, и его арестовали...»[\[170\]](#)

Попробуем реконструировать картину происходивших тогда событий. В марте 1938 года Дмитрий Александрович Быстролетов начал работать в Торговой палате^[171]. Он ни с кем не поддерживает контактов. Поэтому на Лубянке считали, что он арестован и дает показание в качестве «иностранный шпиона». Главный герой нашей книги проявляет любопытство и интересуется у начальства судьбой «Ганса». А может, он просто упомянул его во время беседы. Услышал в ответ, что «Андрей» арестован, и успокоился. А через несколько дней «враг народа» звонит сам и говорит, что ему нужны документы для трудоустройства. Реакция советского гражданина того времени предсказуема. Сообщить куда следует об этом звонке. Фактически он сдал «органам» честного и невиновного человека. Мы не вправе обвинять сейчас его в этом неблагоприятном поступке. Нужно учитывать два факта. Первый – тогда почти все жители СССР (из тех, кто находился на свободе) верили, что органы не ошибаются и арестовывают только настоящих шпионов и врагов народа. Второй – кто знает, как бы вели мы себя тогда, окажись в аналогичной ситуации.

И снова опытные члены парткома начали обсуждать другую тему. Простой и популярный прием, предназначенный для запутывания обвиняемого. Человек не успевает продумать свой ответ и часто совершает ошибки, которые фиксируются в стенограмме партсобраний. Потом все сказанное им будет использовано против него. Порой такие собрания напоминали популярную в те годы в НКВД пытку «пятый угол», когда «чекисты» стояли по углам кабинета и пинали подследственного, словно футбольный мяч, из одного к другому. Нечто подобное происходило и на собрании, только вместо физического

воздействия применялось моральное. В игру вступил Кравцов:

«У товарища Судоплатова было много времени, чтобы подумать, в чем он виноват, а вот здесь на бюро парткома НКВД он снова заявляет, что все это неправильно. Четвертый параграф им был признан правильным, а здесь отрицает. На партсобрании признали его ошибки как политические, но не криминальные.

Относительно Шпигельгласа. Шпигельглас, в присутствии Судоплатова вызвал к себе начальника отделения Ярикова (Михаил Степанович (Сергеевич) Яриков - в органах внешней разведки с 1927 года, в 1938 году занимал пост начальника восточного отделения 5-го отдела ГУГБ, арестован в декабре 1938 года и в мае 1941 года приговорен к 15 годам тюремного заключения, поле начала Великой Отечественной войны освобожден и работал в Четвертом управлении НКВД СССР, реабилитирован. - Прим. авт.) и ему дал распоряжение, чтобы он подбирал материалы, реабилитирующие его как шпиона. Судоплатов не сообщил об этом парторганизации или наркомму. У меня сейчас впечатление, что Судоплатов все отрицает, кроме связи с Соболев.

В 1937 году Судоплатов выступал на партсобрании с положительной характеристикой на Горожанина, в то время, когда этот вопрос был для всех ясен.

Товарищ Судоплатов совершенно справедливо гордится своими заслугами, много он сделал для партии и правительства, и поэтому ему и предъявляют обвинение не криминального порядка, а политического.

О Быстролетове – здесь он говорит о борьбе его за арест Быстролетова, а вот с Пассовым он ничего не говорил – поверил ему, что тот сказал, что Быстролетов арестован. Факт тот, что только через семь месяцев, как говорил Пассов, что Быстролетов арестован, в действительности он был арестован, т. е. осенью, в то время, что Пассов ему явно врал.

Шпигельглас по тому, что он обнаружил материал в несгораемом шкафу, вызвал по этому делу свидетеля Пудина. Тот был удивлен – зачем его допрашивают, потом он пошел в парторганизацию и говорит, что ему непонятно, зачем Шпигельглас его допрашивает, и самое главное, в присутствии Судоплатова.

Мое личное мнение – что решение парторганизации правильное.

Судоплатов ничего не сделал, чтобы помочь следствию разоблачить Шпигельгласа и Пассова, так как он одно время очень близко стоял к руководству отдела, как видим, Судоплатов в этом отношении ничего не сделал, ничего не видел и потерял бдительность».

- Был такой случай, когда Шпигельглас вызывал свидетеля Пудина в вашем присутствии? – внезапно спросил один у членов парткома.

- Да, он его вызвал и начал его спрашивать, присутствовал ли он на ДВК во время разоблачения японской разведки.

- Об этом вы кому-либо сообщали? – вопрос прозвучал из уст другого члена парткома. Павлу Анатольевичу Судоплатову пришлось повернуть голову и взглянуть на говорящего, прежде чем начать отвечать. Это позволило выиграть несколько драгоценных секунд.

«В этот вечер было заседание парткома; говорили о других делах, а об этом я никому не говорил. Во-первых, я был зам. начальника отделения, а начальником отделения я не был, начальником отделения я стал после ареста Пассова, когда меня вызвал нарком Л. П. Берия, тогда я принял отделение. Моя работа в этом отделении заключалась в том, что кроме основной работы я освободил многих от работы, а также и закордонный аппарат. Шпигельглас приехал в 1935 году, я в это время уехал в командировку, приехал и начал с ним работать и вскоре вновь уехал».

А дальше последовала серия коротких вопросов и столь же лаконичных ответов.

- Почему же вы никому об этом не говорили? - спросил кто-то из присутствующих.

- Вскоре был арестован Шпигельглас. Дело его вело УНКВД по Московской области, - спокойно объяснил главный герой нашей книги. К такой форме допроса он уже привык во время пребывания в стане украинских националистов и в финской тюрьме.

- Вот и говорится, что он являлся японским шпионом, почему же вы не пошли даже посоветоваться с кем-либо из товарищей?

- Да, надо было пойти и рассказать об этом, но я тогда думал, что мое заявление следствию ничем не поможет, так как следствие уже шло на полном ходу, - признал свою вину Павел Анатольевич Судоплатов, понимая, что сопротивляться бессмысленно и своим отрицанием свершившегося события он только еще больше ухудшит свое положение. А так ему пока еще не инкриминируют дружбу с «врагами народа» Слуцким и Горожаниным.

- Вот на собрании вы признали за собой все обвинения, а на парткоме вы отрицаете? - Спрашивающий разгадал его тактику.

- Я не отрицаю, но за время моей работы в органах меня не следовало бы так обвинять.

А после этого между членами парткома началась дискуссия.

- В отношении дела со Шпигельгласом, Судоплатов себя неверно вел, - заявил Ступницкий, - Уже после ареста Шпигельгласа Судоплатов не помог следствию по разоблачению Шпигельгласа. Постановка вопроса парторганизацией № 5 в этом параграфе совершенно правильна.

- Вообще это дело товарищу Судоплатову непростительно, - согласился с ним Пинзур,

«...Это можно квалифицировать, как политическую беспечность. Особенно в 1938 году, после прихода Л. П. Берии, когда это время характеризуется как период чекистских событий, когда требовалась от каждого чекиста-коммуниста настороженность.

Я имею в виду факт со свидетелем. Никому не секрет, что 7-й Отдел (название внешней разведки с декабря 1936 года по июнь 1938 года. - Прим. авт.) был засорен. В вашем присутствии является человек, он ему приказывает подобрать реабилитирующий материал, как японского шпиона? Товарищ Судоплатов, - говорящий сурово взглянул на главного героя нашей книги, - вы должны были понять это и сделать соответствующие выводы, - и внезапно перешел на личные качества обсуждаемого на партсобрании: - К тому же, кажется, что у вас здесь играет ваш гонор. То, что вы сделали для партии и нашего правительства, это

очень хорошо, ведь вы коммунист. но вместе с тем вы должны понять свои ошибки и элементы зазнайства».

Произошедшие дальше события удивили главного героя нашей книги. Словно следуя указанию невидимого режиссера, Пинзур вдруг изменил тон своей речи. Теперь он не обвинял, а, наоборот, оправдывал обсуждаемого.

- Дело с Горожаниным было в 1937 году, - напомнил Пинзур и пояснил: - Так как товарищ на партсобрании признал свою ошибку, голосовал за исключение его из партии - это дело отпадает. - Затем последовало лаконичное пояснение по следующему пункту обвинения: - Дело по обвинению его в связи с врагом народа Соболев он признал. - Точно так же он озвучил ситуацию еще с одним разделом обвинения: - О Быстролетове здесь видно, что Судоплатов приложил много усилий к аресту Быстролетова.

Остался еще один пункт, который обсуждался активнее всего, но и здесь Пинзур продемонстрировал чудеса ораторского искусства.

- Самое тяжелое то, - сказал оратор, - что знал, что на Шпигельгласа имеются материалы как на крупного шпиона, и никому ничего не говорил, тем более что события в Наркомате в это время должны были насторожить всех чекистов. Вот если учесть его основные моменты и то, что все же он признал за собой вину, можно будет ограничиться вынесением не строгого выговора, а выговора.

Выступивший следом за ним Буланов сначала указал на особенность его поведения, а потом поддержал предыдущего оратора, вот что он сказал:

«Надо Судоплатову указать на его беспринципность, на его поведение в парторганизации. Вот на партсобрании он

признает одно, а на парткоме другое, это уже характеризует его поведение, плохой осадок остается после этого как о коммунисте, у него нет твердости, как у коммуниста, и нечего шарахаться из стороны в сторону. Товарищу Судоплатову нужно сделать после этого бюро парткома соответствующий вывод. - После короткой паузы он продолжил: - По делу Быстролетова я думаю, что обвинение с товарища Судоплатова можно снять, так как он много сделал для его ареста. - Говорящий замолчал и вопросительно посмотрел на руководство парткома. - Параграф два по обвинению его в том, что он защищал Горожанина, тоже нельзя инкриминировать, так как он на собрании это осознал и голосовал за его исключение из партии, а формулировать в обвинении ему дело со Шпигельгласом и связь с Соболев - вот два факта, которые можно квалифицировать как обвинение».

И, подводя итог своему выступлению, говорящий заявил:

- Я поддерживаю мнение товарища Пинзура о вынесении ему не строгого выговора, а выговора.

«Я знаю историю всего этого дела, - начал Семенов и своей речью пробудил от легкой спячки членов парткома, утомленных однообразными речами друг друга. - Вот, например, пишут справки на Судоплатова. - Зачитывает сначала текст этого документа, а затем выдержку из справки на Быстролетова. - Вот такого рода справки и документы пишутся на человека, и, безусловно, такие документы могут вывести человека из колеи. Я себе

представляю положение Судоплатова на собрании, но в таких случаях нужно всегда быть принципиальным во всем. Я считаю, что товарищи неправильно составили справку, представили наркому сведения, которые не соответствуют действительности. 27 декабря 1938 года пишут справки про одно, а через некоторое время ставится уже вопрос о его исключении. Правда, товарищ допустил грубую ошибку, в то время как это дело было недостаточно проверено.

Я считаю, что серьезным политическим обвинением Судоплатова является то, что здесь было сказано выше товарищами, он не имел никакого права этого допускать. Видя, что враг мечется из угла в угол, ничего никому не говорить.

У меня сегодня остается мнение, что товарищ Судоплатов сегодня не осознал до конца своих проступков. То, что вы допустили беспечность в отношении Шпигельгласа, это верно. Почему вы не пришли в парторганизацию и не рассказали, что слышали от Шпигельгласа, - это что, не называется политической беспечностью?

В деле с Горожаниным я ничего не вижу компрометирующего товарища Судоплатова - он голосовал за его исключение из партии тогда, на собрании, а сейчас ему это инкриминируют.

Товарищ Леоненко не хочет признать, что они тогда неверно поступили с этими справками и т. д.

Вина Судоплатова еще и в том, что, будучи в близких отношениях с Соболев, он не мог распознать врага.

Я согласен с предложениями товарищей Буланова и Пинзура: за проявление политической беспечности объявить выговор с занесением в личное дело».

После выступления Семенова было голосование. Единогласно было принято решение: «за притупление политической бдительности товарищу Судоплатову объявить выговор с занесением в личную карточку»^[172].

А 18 января 1941 года на заседании бюро Парткома НКВД СССР утвердило решение первичной парторганизации № 5 от 27 декабря 1940 года о снятии с главного героя нашей книги партийного взыскания – «выговора с занесением в учетную карточку, объявленного в мае 1939 года»^[173].

Глава 7. Утиная охота

«В марте 1939 года И. В. Сталин приказал НКВД ликвидировать Л. Д. Троцкого. Общее руководство операцией было возложено на П. А. Судоплатова...»

Среди деяний, совершенных Павлом Анатольевичем Судоплатовым в годы его работы в органах госбезопасности, «ликвидация» Льва Троцкого занимает особое место. Почему-то все заслуги в разработке и успешном проведении этой операции предписываются исключительно ему. Многочисленные авторы «забывают» о важной роли других сотрудников и агентов советской внешней разведки. Без них главный герой нашей книги не смог бы выполнить задание руководства СССР. Да и выступал он здесь впервые в роли организатора, а не исполнителя осуществления приговора Верховного суда СССР.

Один из вождей Октябрьской революции, председатель Реввоенсовета республики в годы гражданской войны, наиболее влиятельный член ленинского Политбюро, вплоть до девяностых годов прошлого века Лев Троцкий в нашей стране оценивался сугубо отрицательно, как враг. Не случайно даже его биография не публиковалась в советских энциклопедических словарях и справочниках. Писалось лишь о «троцкизме» – «враждебном ленинизме течения в рабочем движении, разновидности мелкобуржуазного оппортунизма»^[174].

А о его убийстве сотрудниками и агентами НКВД в 1940 году в СССР предпочитали вообще не вспоминать. Зато исполнителю смертного приговора (иностранцу) присвоили звание Героя Советского Союза – граждан

других стран крайне редко награждали высшей государственной наградой.

Разработчиков и руководителей операции - Павла Судоплатова и Наума Эйтингона - тоже наградили, но спустя полтора десятка лет арестовали и приговорили к длительным срокам тюремного заключения.

Одним из первых, кто рассказал подробности операции «Утка», был ее непосредственный разработчик и руководитель Павел Анатольевич Судоплатов. При этом он коснулся только технической стороны дела, не указав причины, заставившие Москву пойти на такой шаг.

Лев Троцкий и Кремль

Если «ликвидацию» лидера западно-украинских националистов Евгения Коновальца можно объяснить необходимостью защиты государственных интересов СССР, то убийство Льва Троцкого, на первый взгляд, выглядит как личная месть Иосифа Сталина своему политическому противнику. Сначала Вождь лишил его всех постов, затем выслал из страны, а потом еще больше осерчал на соратника Владимира Ленина и приказал его умертвить. Справедливости ради отметим, что смерти Льва Троцкого желало множество людей. Например, воевавшие на стороне противников советской власти в годы Гражданской войны, а также все, кто пострадал от кровавой деятельности председателя Реввоенсовета, сражаясь на стороне большевиков. Участники Гражданской войны в Испании, воевавшие на стороне республиканского правительства, не могли простить ему мятежа в тылу республиканских войск в Барселоне в мае 1937 года^[175]. Следует добавить в этот список многочисленных «сталинистов»... Так что смерти Льва Троцкого желал не только Иосиф Сталин, но и его друзья и враги.

На самом деле все значительно сложнее. И нейтрализация такого крупного политического деятеля – мера вынужденная и направленная на защиту интересов Советского Союза. Мало кто знает, что настоящие «троцкисты» (а не жертвы репрессий 1937 года) действительно пытались дестабилизировать обстановку в СССР. Объяснение этому простое – они активно боролись за власть. В противном случае вся политическая деятельность Льва Троцкого в эмиграции теряла всякий смысл.

Их конфликт начался в период болезни Владимира Ленина (с мая 1920 года), когда Троцкий вступил в борьбу за власть с триумvirатом «старых» большевиков – Иосифом Сталиным, Григорием Евсеевичем Зиновьевым и Львом Борисовичем Каменевым. Мало кто знает, что Иосиф Сталин с 1903 года был членом партии большевиков и одновременно преданным сторонником идей Владимира Ленина. Григорий Зиновьев еще в девяностых годах XIX века участвовал в организации первых экономических стачек рабочих на юге России, а в 1903 году вступил в партию большевиков. А летом 1917 года вместе с Владимиром Лениным он жил в шалаше в Разливе. На VI съезде партии Григорий Зиновьев был избран в ЦК, получив лишь на один голос меньше, чем Владимир Ленин. У Льва Каменева не меньше заслуг перед партией большевиков. С 1905 года он – ближайший помощник Владимира Ленина. В октябре 1917 года между последними двумя большевиками и Владимиром Лениным произошел конфликт по отношению к готовящемуся вооруженному перевороту. Они выступали за мирный захват власти, считая путч опасной авантюрой.

А вот Лев Троцкий примкнул к большевикам только летом 1917 года, до этого времени (с 1903 года) он активно лавировал между большевиками и меньшевиками, занимая центристскую позицию. Вернувшись в апреле 1917 года из США в Петроград, он возглавил городской Совет рабочих и солдатских депутатов и был внесен в список 40 кандидатов от РСДРП(б) по выборам в Учредительное собрание. Именно он взял на себя всю техническую работу по организации революции в городе на Неве.

В 1920 году позиция Льва Троцкого в партийном руководстве была более сильной, чем у его оппонентов, имевших гораздо больше заслуг. Почему так

произошло? Одна из причин - активная деятельность Льва Троцкого в годы Гражданской войны.

Палач и диктатор во главе Красной Армии

Лев Троцкий был фактическим создателем и первым главнокомандующим Красной Армии – руководил ее боевыми действиями с 1918 по 1920 год. Он активно привлекал в нее бывших офицеров («военспецов» или «золотопогонников»); установил в армии жесткую дисциплину, решительно выступал против ее демократизации; применял суровые репрессии против дезертиров. В итоге сумел создать боеспособные вооруженные силы Советской республики. Был одним из инициаторов террора против «неблагонадежных» и практики заложничества. Слово «расстрелять» звучала в его приказах значительно чаще слова «революция»^[176].

В августе 1919 года Лев Троцкий подписал инструкцию армейским ответственным работникам. Представление о ее характере дают три произвольно взятых параграфа. Четвертый: «Необходимо немедленно приступить к организации заградительных отрядов...». А кто-то до сих пор продолжает верить, что расстреливать из пулеметов дезертировавших с поля боя солдат и офицеров Красной Армии придумал Иосиф Сталин в июне 1942 года, когда подписал знаменитый приказ № 227 «Ни шагу назад!». Шестой параграф инструкции гласил: «Каждый комиссар должен точно знать семейное положение командного состава... по двум причинам: во-первых, чтобы прийти на помощь семье в случае гибели командира в бою, во-вторых, для того, чтобы немедленно арестовать членов семьи в случае измены или предательства командира...». До такого уровня цинизма не позволяли себе опускаться руководители при Иосифе Сталине. Восьмой: «Особый

отдел (военная контрразведка. – *Прим. авт.*)... должен действовать в тесном сотрудничестве с политотделом и трибуналом... наказание должно следовать как можно скорее за преступлением»^[177]. Снова вспоминается Великая Отечественная война. Июль 1941 года. Органам военной контрразведки предоставлено право внесудебного расстрела изменников, дезертиров и мародеров. Тогда это была вынужденной мерой. Да и воспользоваться ей могли лишь чекисты. В октябре 1942 года право внесудебной расправы у Особых отделов отобрали. Теперь приговоры должны были выносить суды военных трибуналов^[178]. А в годы Гражданской войны приговорить к расстрелу за любое деяние могли не только военные контрразведчики, но и политработники.

Преступлением могло быть что угодно. Например, противодействие командующего Балтийским флотом – или, как тогда называлось, начальника морских сил Балтийского моря – контр-адмирала Алексея Михайловича Щастного (в литературе его часто неправильно называют Счастливым) попытке продажи Германии боевых кораблей Балтийского флота в 1919 году. Очень уж неприглядная история для Льва Троцкого. О ней в советское время предпочитали не вспоминать. Одно дело – политические разногласия с Иосифом Сталиным, а другое – коррупция. Кратко расскажем об этом деле.

После подписания Брестского мира Балтфлот, основные силы которого тогда находились в Гельсингфорсе и Ревеле, ожидали либо передача в руки Германии, либо уничтожение: Берлин настаивал на срочной передаче ей «Брестского трофея», а Лондон, опасавшийся усиления немцев, предлагал открыть крупные банковские счета для тех, кто взорвал бы русские корабли.

Нарком по военным и морским делам Лев Троцкий задумал, не обидев немцев, перехитрить и англичан – т. е. имитировать взрыв кораблей и получить с британцев деньги, между тем как немцы смогут вновь поставить корабли в строй. Однако Алексей Щастный, для которого интересы Родины были превыше личных выгод, открыто доложил о хитростях наркома Совету комиссаров и флагманов флота. Моряки возмутились: «Нам – осьмушку хлеба, а губителям флота – вклады в банках?!». Совет комиссаров вынес постановление: «Не бывать продажности в нашем флоте!» – и репутация Льва Троцкого на Балтике была сильно подорвана.

Алексей Щастный – выпускник Морского корпуса, участник войны с Японией – лучше других понимал, что флот надо немедленно спасать, и принял решение увести корабли в Кронштадт. Согласовав его с Центробалтом (но не со Львом Троцким), командующий 12 марта организовал выход из Гельсингфорса первого отряда кораблей – четырех линкоров и трех крейсеров в сопровождении двух ледоколов. Переход происходил в чрезвычайно тяжелых условиях: толщина льда достигала 75 сантиметров, высота торосов – от трех до пяти метров. Корабли, имевшие неукомплектованные экипажи, обстреливались с Лавенсари и других финских островов...

В начале апреля Алексей Щастный отправляет в Кронштадт второй отряд кораблей, а затем из Гельсингфорса в Кронштадт вышел третий отряд, вместе с которым ушел и контр-адмирал.

Легендарный Ледовый переход вошел в историю Балтийского флота, а вот имя его организатора и руководителя до девяностых годов прошлого века оставалась в забвении. Хотя благодаря этому человеку было сохранено 236 кораблей, которые вскоре сыграли важную роль в разгроме интервентов.

Лицемерный и коварный нарком Лев Троцкий назвал проведенную Алексеем Щастным операцию «искусной и энергичной», но в душе он никак не мог забыть и простить того, кто столь чувствительно его «наказал». Выждав, когда волна восхищения Ледовым походом несколько улеглась, он приступил к действию. Придравшись к тому, что контр-адмиралом не были немедленно уволены с флота двое моряков, заподозренных в контрреволюционной деятельности, – мелкий проступок по тем временам, – Лев Троцкий 27 мая 1918 года вызвал его в наркомат – на заседание коллегии. Заранее заручившись поддержкой ВЦИК, Лев Троцкий прямо в своем кабинете арестовал контр-адмирала и передал его в руки немедленно созданного Революционного трибунала. На заседании трибунала нарком одновременно выступал и свидетелем, и обвинителем. А в результате русский офицер был обвинен не только в подготовке контрреволюционного переворота и государственной измене, но и в связях с германским генеральным штабом. Спустя пару десятилетий находящийся в изгнании Лев Троцкий начнет обвинять Иосифа Сталина в том, что тот заставлял подсудимых сознаваться в сотрудничестве с иностранными спецслужбами. Смертная казнь в Советской России в 1918 году была отменена, однако контр-адмиралу Алексею Щастному был вынесен смертный приговор... Его расстреляли на рассвете 22 июня 1918 года во дворе бывшего Александровского юнкерского училища, а имя его было предано забвению до 1995 года, когда бывший контр-адмирал Балтийского моря был полностью реабилитирован^[179].

Это не единственный случай внесудебной расправы Льва Троцкого над военнослужащими Красной Армии. Однажды он жестко расправился с личным составом

полка, который без приказа покинул линию обороны. Сначала расстреляли командующего, а потом перед строем каждого десятого красноармейца [\[180\]](#).

А вот цитата одного из его докладов Якову Свердлову с Воронежского фронта:

«Полевые трибуналы приступили к работе. Произведены первые расстрелы дезертиров. Объявлен приказ, возлагающий ответственность за укрывательство дезертиров на совдепы, комбеды и домохозяев. Первые расстрелы уже произвели впечатление. Необходима дальнейшая посылка твердых работников» [\[181\]](#).

Где-то уже встречались подобные приказы. Если заменить слово «дезертир» на слово «еврей», «комиссар» или «военнопленный», то... автор воздерживается от дальнейших комментариев. В уже упоминавшемся приказе Иосифа Сталина «Ни шагу назад» ничего не говорится об ответственности местных властей за укрывательство дезертиров.

Поезд Льва Троцкого

Одна из легенд Гражданской войны связана с этим бронепоездом. В нем Троцкий прожил два с половиной года, мотаясь с фронта на фронт. В нем было все для многомесячной автономной и комфортной работы народного комиссара по военным и морским делам. Вопреки распространенному мнению, Лев Троцкий никогда не был военачальником, да и не лез он в эту сферу, а играл роль комиссара. Фактически, говоря современным языком, он выполнял роль «антикризисного управляющего». Появлялся там, где возникали серьезные проблемы, своей властью снимал с других участков фронта дивизии и корпуса, расстреливал командиров и комиссаров, на их место назначал новых (для этого среди пассажиров поезда были политработники и «военспецы»), а затем ехал дальше. А в качестве бонуса награждал красноармейцев (об этом мы расскажем ниже), выступал на митингах и раздавал свежий номер отпечатанной в типографии поезда газеты «В пути». Выполнив необходимый набор процедур, он ехал дальше.

Свидетели потом еще долго вспоминали не только тяжелый эшелон (его тащили два или три паровоза), но и персонал поезда, одетый в «фирменную» кожаную униформу. На рукаве у каждого из охранников и сотрудников поезда красовался металлический знак с надписью «Предреввоеносовета Л. Троцкого». Двусмысленная надпись, если вдуматься.словно крепостные крестьяне, принадлежащие помещику. Это так, небольшая ремарка автора. Добавим к этому, что нарукавные знаки были номерными (их изготавливали на

Монетном дворе в Москве) и выдавались под расписку^[182].

Балалайка революции

А еще он был великолепным оратором. Лев Троцкий, как грубо, но точно выразился другой прославленный деятель Красной Армии Семен Михайлович Буденный, играл роль граммофона с революционными песнями, который перед боем заводили солдатам для большего воодушевления.

Использовал он и другие приемы воодушевления солдат. Например, возил с собой огромное количество золотых портсигаров и часов. Не для себя – справедливости ради отметим, что, в отличие председателя ВЦИК Якова Михайловича Свердлова (второй после Владимира Ленина человек в стране), хранившего в своем служебном сейфе целое состояние, – а для награждения красноармейцев. Надо было как-то поощрять бойцов пятимиллионной армии. Вот он и раздавал в качестве наград дорогие «побрякушки». А еще он практиковал такой прием. Последнему из премированных подарка «не хватало», и тогда Лев Троцкий вручал свои «личные» часы или револьвер. Последний был ему особо и не нужен. В царской армии он не служил и стрелять не умел^[183].

Он прославился не только как агитатор, но и как жесткий руководитель, готовый на все ради достижения своих целей. Достаточно вспомнить, как он организовал подавление Кронштадтского мятежа в марте 1921 года. Прекрасно укрепленную крепость с пятнадцатитысячным гарнизоном матросов штурмовали «в лоб» – наступали под пулеметным огнем противника.

И это не единичный случай. С 20 марта по 10 декабря 1920 года Лев Троцкий временно исполнял обязанности наркома путей сообщения – жесткими мерами восстановил работу железнодорожного

транспорта. А в то время заставить эффективно людей работать можно было только с помощью одного средства – угрозы расстрела.

В то время как Владимир Ленин из-за болезни все меньше и меньше участвовал в управлении страной, Лев Троцкий предпринял неудачную атаку захвата власти политическим путем. В октябре 1923 года в открытом письме он обвинил Григория Евсеевича Зиновьева и Льва Борисовича Каменева в отходе от провозглашенных Владимиром Ильича Лениным принципов НЭПа и нарушении внутривнутрипартийной демократии.

После смерти Владимира Ленина 21 января 1924 года Троцкий оказался в изоляции в высшем партийном руководстве. На XIII съезде в мае 1924 года он подвергся ожесточенным нападкам со стороны политических оппонентов. В ответ осенью 1924 года опубликовал статью «Уроки Октября», где осудил поведение Григория Евсеевича Зиновьева и Льва Борисовича Каменева во время Октябрьского переворота (первый выступал против вооруженного восстания в Петрограде и за коалицию с меньшевиками, а второй – только за отказ от переворота) и возложил на них ответственность за провал коммунистического восстания в Германии в 1923 году. Критиковал триумвират за бюрократизацию партии; призывал активно вовлекать в ее ряды молодые кадры. И явно не рассчитал свои силы.

В январе 1925 года Лев Троцкий был смещен с поста председателя Реввоенсовета. В 1926 году вступил в союз с Григорием Зиновьевым и Львом Каменевым против группы Иосифа Сталина. Требовал свободы внутривнутрипартийных дискуссий, укрепления диктатуры пролетариата, борьбы с кулачеством; обвинял партийное руководство в измене идеалам Октября и отказе от идеи мировой революции; осудил сталинскую

теорию о возможности построения социализма в одной отдельно взятой стране. Он ошибся, т. к. в СССР до середины восьмидесятых годов прошлого века просуществовал социализм.

За «антипартийную деятельность» и «мелкобуржуазный уклон» в октябре 1926 года Лев Троцкий выведен из Политбюро. Это мероприятие ознаменовалось скандалом. «Расшалившиеся» члены ЦК ВКП(б) швыряли в него разными предметами, которые он скрупулезно перечислил в своей жалобе: «Тов. Кубяком с трибуны брошен был в меня стакан. Тов. Ярославский бросил в меня томом контрольных цифр, прибегая к хулиганско-фашистским методам. Тов. Шверник также бросил в меня книгу».

В октябре 1927 года на XV съезде ВКП(б) его исключили из ЦК. Когда 7 ноября 1927 года вся страна отмечала десятилетие Октябрьской революции, то на демонстрацию троцкисты попытались выйти особой колонной с портретами своего вождя. Но brave комсомольцы разогнали их, обзывая «жидовскими мордами»^[184].

На этом падение с вершины партийного Олимпа не закончилось – 11 ноября 1927 года Льва Троцкого исключили из партии. Меры справедливые, т. к. он не разделял идеологии партии. Точно так же с ним поступили и на Западе.

В январе 1928 года власти сослали Льва Троцкого в Алма-Ату^[185]. В России впадших в немилость руководства страны традиционно ссылали в провинцию. В начале 1929 года его выдворили за пределы СССР – посадили на пароход и отправили в Турцию. Почему именно в эту страну – другие западноевропейские государства, за исключением Дании, просто отказались принять политического бунтаря и «вождя мировой революции», в неизбежность которой он верил до самой

смерти. А в Копенгаген Лев Троцкий не хотел ехать сам, настаивая на Берлине. По злой иронии судьбы судно, на котором он отправился из Одессы в Стамбул, называлось «Ильич» - в честь Владимира Ильича Ленина. Хотя планировалось его отправить на другом пароходе, тоже с революционным названием - «Калинин», но оно застряло во льдах.

Другой пикантный момент - в 1922 году Лев Троцкий сам проголосовал за принятие ВЦИКом решения о наделении ГПУ правом высылки за границу причастных к антисоветской деятельности лиц. Тогда тоже без суда отправляли в изгнание философов, писателей, ученых - цвет старой российской интеллигенции^[186].

С 1929 по 1933 год Лев Троцкий жил с женой и старшим сыном Львом Седовым в Турции, на Принцевых островах в Мраморном море. Издавал антисталинский «Бюллетень оппозиции». Написал автобиографию «Моя жизнь» и свое основное историческое сочинение «История русской революции». Подвергал критике индустриализацию и коллективизацию в СССР за авантюризм и жестокие методы.

В 1933 году он перебрался во Францию, а в 1935 году - в Норвегию. Продолжал активно критиковать Москву. В книге «Преданная революция» охарактеризовал сталинский режим как бюрократическое перерождение диктатуры пролетариата и вскрыл глубокие противоречия между интересами бюрократической касты и интересами основной массы населения.

Его деятельность все больше и больше раздражала Кремль. В газете «Правда» 24 августа 1936 года был опубликован приговор московского суда: «Троцкий Лев Давидович и его сын, Седов Лев Львович, изобличенные... в непосредственной подготовке и

личном руководстве организацией в СССР террористических актов... в случае их обнаружения на территории Союза ССР подлежат немедленному аресту и преданию суду Военной коллегии Верховного Суда Союза ССР».

В конце 1936 года Троцкий уехал в Мексику; жил в доме художника-троцкиста Диего Риверы, а затем на укрепленной и охраняемой вилле в Койокане. Разоблачил в печати Московские процессы 1936-1938 годов [\[187\]](#).

Когда Москва решила нейтрализовать противника?

До 1937 года Лев Троцкий воспринимался в Москве как политический «болтун», не способный на активные действия в отношении СССР. В противном случае его бы нейтрализовали значительно раньше 1940 года. Достаточно вспомнить судьбу Коновальца или лидеров белогвардейского движения. Реализовать этот план было проще, чем кажется на первый взгляд. Вооруженная охрана появилась у него в конце тридцатых годов прошлого века. До этого времени его особо не охраняли.

Недооценка способностей Льва Троцкого была ошибкой руководства страны. Первый тревожный «звонок» прозвучал в мае 1937 года, когда в тылу республиканской армии в Барселоне вспыхнул антиправительственный мятеж. А затем последовала серия ударов, направленных против СССР.

Основная причина возросшей активности – нарастание угрозы новой мировой войны. Это породило у Льва Троцкого и его сторонников большие надежды на то, что достичь поставленной цели и прийти к власти им все же удастся. Новая война, полагали троцкисты, вызовет революционный взрыв во многих странах (как это уже произошло один раз). А возможно, и в мировом масштабе. Именно в ожидании этого «радостного события» Троцкий и компания в 1938 году форсировали создание IV Интернационала, заявив, что под его руководством в самом ближайшем будущем «революционные миллионы смогут штурмовать небо и землю».

Лев Троцкий хотел любой ценой добиться вовлечения Советского Союза в новую мировую войну.

Не случайно советско-германский договор о ненападении, позволивший СССР остаться вне империалистической войны, нанес очень чувствительный удар по его расчетам. В статье, опубликованной в январе 1940 года в американском журнале «Liberty», он прямо заявил: «Кремль впрягся в повозку германского империализма, и враги Германии стали тем самым врагами России. До тех пор, пока Гитлер силен - а он очень силен, - Сталин будет оставаться его сателлитом».

Именно в этот период цели троцкистов и руководителей англо-французской коалиции совпали. Они хотели во что бы то ни стало добиться вовлечения СССР в войну. Политики в Лондоне и Париже пришли к мысли о возможности использования Льва Троцкого и его сторонников в своих интересах, рассчитывая с их помощью организовать в СССР политический переворот и отстранить от власти Иосифа Сталина. Рассматривалась и переброска в Союз самого «демона», который должен был возглавить «революционное движение».

Лев Троцкий разделял взгляды английских и французских политиков, считая, что «правлящая советская верхушка» не пользуется поддержкой со стороны народа, который при первой же возможности постарается стряхнуть с себя «иго ненавистной бюрократии». 17 апреля 1940 года он составил воззвание (отпечатанное в виде листовок специального формата) - «Письмо советским рабочим». В нем рабочие призывались к подготовке вооруженного восстания против «Каина Сталина и его камарильи».

Вслед за этим в мае 1940 года троцкисты приняли «Манифест об империалистической войне и пролетарской революции», в котором провозгласили, что «подготовка революционного свержения

московских правителей является одной из главных задач IV Интернационала»^[188].

Как на это должен был реагировать Иосиф Сталин как руководитель страны? Спокойно наблюдать за происходящим или предпринять активные действия? Кремль попытался сначала действовать в рамках международного права.

В 1937 году Иосиф Сталин через Народный комиссариат иностранных дел обращается в секретариат Лиги Наций с требованием дать санкцию на выдачу Льва Троцкого из любой страны – члена Лиги Наций как «убийцы и агента гестапо». При этом делает ссылку на материалы московских судебных процессов над Зиновьевым, Каменевым и другими «врагами народа», в которых Троцкий заочно фигурировал сначала как «соучастник», а затем и как непосредственный «организатор» убийства Кирова. Однако добиться от Секретариата Лиги Наций санкции на выдачу Троцкого как «международного преступника» Сталину не удалось. Женева не захотела создавать опасный прецедент: сегодня Иосиф Сталин требует выдачи Льва Троцкого, завтра Адольф Гитлер затребует Генриха Манна (знаменитый немецкий писатель-эмигрант, опубликовавший в начале тридцатых годов прошлого века эссе «Предупреждение Европе», где предсказал судьбу Третьего Рейха) и т. д. Более того, по требованию Льва Троцкого 10–17 апреля 1937 года в Мехико состоялся заочный антисталинский процесс, который признал Льва Троцкого невиновным в инкриминируемых ему в СССР преступлениях и полностью его оправдал^[189].

Мы не будем обсуждать юридические аспекты попыток Кремля нейтрализовать Льва Троцкого с помощью механизмов международного права. Это выходит за рамки темы данной книги. Отметим лишь,

что Павел Анатольевич Судоплатов, разрабатывая и руководя операцией по «ликвидации» этого человека, формально не нарушал закона. Был приговор суда, и его предстояло привести в исполнение, пусть не совсем обычным способом. И нарушив при этом нормы международного права.

Дан приказ им в Новый Свет

Считается, что подготовка советскими спецслужбами «активного мероприятия» против Льва Троцкого началась на рубеже 1939–1940 года. Именно в это время Иосифом Сталиным и руководством НКВД было принято решение о его ликвидации. И в Мексику со специальным заданием отправилась группа сотрудников советской внешней разведки во главе с Наумом Исааковичем Эйтингоном^[190].

Это не совсем верно. Еще во время пребывания Льва Троцкого в Норвегии в 1937 году в его личном секретариате начала работать будущая звезда советской нелегальной разведки испанка Мария де Лас Эрас Африка («Патрия»)^[191]. Она находилась на связи у заместителя начальника советской внешней разведки Сергея Михайловича Шпигельгласа, отвечавшего в 1936–1938 годах за уничтожение «врагов народа» и перебежчиков за рубежом. В 1938 году его самого арестовали по обвинению в измене Родине, шпионаже и связях с «врагами народа», а 29 января 1941 года расстреляли. В середине пятидесятых годов прошлого века он был посмертно реабилитирован в связи с отсутствием состава преступления.

Основная задача Марии де Лас Эрас Африки – информирование Москвы о деятельности Льва Троцкого. Маловероятно, что ее планировалось использовать в качестве исполнителя смертного приговора. Одна из причин – у нее не было соответствующей специальной подготовки. После бегства на Запад в июле 1938 года резидента ИНО в Испании Александра Михайловича Орлова (оперативный псевдоним «Швед») «Патрию» отозвали в СССР. Перебежчик не только привлек ее к

сотрудничеству с советской внешней разведкой, но и знал о подготовке покушения на Льва Троцкого.

А еще «Швед» в феврале 1937 года завербовал молодого и искренни верующего в идеи коммунизма испанца Рамона Меркадера (оперативный псевдоним «Раймонд»). Сделать это было несложно, т. к. он вместе с двумя братьями – Пабло и Хорхе – воевал в рядах Республиканской армии. Старший из них, Пабло, командовал бригадой и погиб в боях под Мадридом. В Испании находилась и их мать – Каридад Меркадер (оперативный псевдоним «Мать»). К сотрудничеству с советской разведкой ее привлек Наум Исаакович Эйтингон (оперативный псевдоним «Котов»).

Существует версия, что в секретариате Льва Троцкого трудился еще один информатор Москвы – Рут Агелофф. Она довольно часто исполняла обязанности личного секретаря «Старика». Многие историки утверждают, что эта девушка одновременно сотрудничала с НКВД и ФБР. Хотя ключевую роль в убийстве сыграла не она, а ее младшая сестра Сильвия Агелофф. При этом Москва использовала ее «втемную». О своей роли она узнала лишь после смерти жертвы.

Александр Орлов решил использовать Рамона Меркадера для внедрения в ближайшее окружение Льва Троцкого. Осенью 1938 года «Раймонд» приехал в Париж и с помощью агента НКВД Руби Вайль познакомился с Сильвией Аджеллофф. Он выступил в роли бельгийского подданного Жака Морнара, сына кадрового дипломата, равнодушного к политике и работающего спортивным фотокорреспондентом одного из бельгийских пресс-агентств. Он активно ухаживал за двадцатидевятилетней молодой женщиной, она благосклонно принимала его знаки внимания.

Одновременно с внедрением «Патрии» в окружение «Старика» Сергей Михайлович Шпигельглас, по приказу наркома внутренних дел Николая Ивановича Ежова,

начал подбор боевиков. Первоначально предполагалась использовать группу советских агентов, успешно выполнивших операцию по похищению из испанской тюрьмы и убийству лидера местных троцкистов Андреса Нина. Эти люди были идеальными кандидатами для заброски в Мексику, но в силу различных причин большая часть «испанцев» была отсеяна. В Латинскую Америку поехали двое из них: Иосиф Григулевич (оперативный псевдоним «Фелипе») и его напарник – испанец Эмилио Санчес (оперативный псевдоним «Марио»).

В мае 1938 года «Фелипе» и «Марио» прибыли в Мексику (в оперативной переписке – «Деревня»). Их работу в Латинской Америке координировал резидент советской внешней разведки в США Петр Давидович Гутцайт^[192]. Гости, не мешкая, приступили к работе по организации наружного наблюдения за «Стариком». Сбор информации об организации наружной и внутренней охраны, распорядке жизни обитателей «Синего дома» оказался не таким сложным процессом. Слабый полицейский контроль в стране (за все время пребывания «Фелипе» в Мексике у него ни разу не проверили документы), многочисленные помощники – члены местной компартии, а также самонадеянность жертвы – все это позволило форсировать подготовку покушения.

Первоначально предполагалась использовать бомбу. «Старик» любил выкапывать экзотические экземпляры кактусов на окраине города и высаживать их на клумбе около своего дома. Предполагалось установить мину рядом с одним из растений. Напомним, что аналогичным способом (использував любовь жертвы к шоколадным конфетам) Павел Судоплатов убил Евгения Коновальца. От такого способа убийства Москва отказалась – от взрыва мог погибнуть кто-то другой. Поэтому

остановились на варианте вооруженного налета на резиденцию жертвы. Технология таких операций была отработана в Испании. В тылу Республиканской армии действовали многочисленные вооруженные банды уголовников. Их ликвидировали просто. Окружали дома, где скрывались преступники, метали в окна гранаты, а потом добивали тех, кто уцелел, автоматными очередями. Потом эта тактика активно использовалась при уничтожении банд западноукраинских националистов, действовавших на территории УССР.

Подготовка операции по ликвидации «Старика» была приостановлена по не зависящей от исполнителей причине. В июле 1938 года на Запад бежал Александр Михайлович Орлов, который был осведомлен об отдельных деталях готовящейся акции. Более того, 27 декабря 1938 года он отправил Льву Троцкому письмо, в котором предупреждал о готовящемся покушении. Автор послания, назвавший себя родственником бежавшего к японцам Генриха Люшкова американцем Штейном, указал на наличие агента НКВД в парижской организации троцкистов. В письме он дал подробное описание «агента Москвы». Лев Троцкий не поверил этому доносу и решил, что это провокация НКВД. В Москве узнали о послании Александра Ивановича Орлова только 25 июня 1939 года из донесения парижской резидентуры советской внешней разведки. Этот донос «Шведа», вопреки мнению большинства отечественных историков, не смог отсрочить приведение в исполнение смертного приговора, вынесенного Москвой «Старику».

В феврале 1939 года Сильвия Агелофф уехала домой в Нью-Йорк. Ее ухажер, как дисциплинированный агент, безуспешно ждал указаний от Центра. В аналогичной ситуации оказались «Филипе» и «Марио» – им тоже нужно было доложить в Москву о выполненной подготовительной работе и получить новые задания. А

приказов с Лубянки нет. Причина проста - некому их было давать. Александр Михайлович Орлов скрывается от «карающего меча» Лубянки на территории США, Сергей Михайлович Шпигельглас арестован еще в ноябре 1938 года и дает показания следователям из НКВД об «участии в заговорщической деятельности, шпионаже и связях с врагами народа». Его коллега Петр Давидович Гутцайт лишился свободы месяцем раньше - в октябре 1938 года. В феврале 1939 года его расстреляли.

Позднее Павел Анатольевич Судоплатов рассказал известному отечественному историку Дмитрию Волкогонову, что решение приостановить подготовку убийства «Старика» из-за бегства на Запад «Шведа» стало роковым для руководителя советской внешней разведки Сергея Михайловича Шпигельгласа. Он «не выполнил задание по ликвидации Троцкого. Тогда такого простить не могли».

После отстранения от руководства операцией по «ликвидации» Льва Троцкого Сергея Михайловича Шпигельгласа Москва предприняла еще одну попытку убрать с политической арены «Старика» с помощью одного из его сторонников - граждан СССР.

Среди активных участников левой оппозиции в 1923-1928 годах был Иван Яковлевич Врачев. В 1927 году на XV съезде ВКП(б) его исключили из партии в числе 75 наиболее видных деятелей левой («троцкистской») оппозиции. В 1930 году его восстановили в партии, в 1936 году исключили вновь, а на следующий год выслали из столицы.

Осенью 1938 года Иван Яковлевич Врачев был вызван в Москву из Коми АССР, где он находился в ссылке. Ему было разрешено переехать вместе с семьей на постоянное жительство в один из подмосковных городов. Примерно в то же время сотрудники НКВД предложили ему поехать в Мексику. По словам бывшего

осужденного, он воспринял предложение «отправиться к Троцкому» с ужасом и даже обдумывал в этой связи планы самоубийства, так как боялся, что «Троцкий передаст его американским экстремистам, чтобы они с ним расправились». Однако скоро «надобность в его поездке отпала», поскольку «в Мексике было уже 25 агентов ГПУ». Участвовал в Великой Отечественной войне, закончив ее на Дальнем Востоке. В 1949 году про него вспомнили вновь. Арестовали и Особым совещанием осудили на 25 лет лагерей. В 1956 году освободили и реабилитировали [\[193\]](#).

Павел Судоплатов начинает действовать

В марте 1939 года Иосиф Сталин вновь приказал «ликвидировать» политического противника советской власти. Теперь задачу по разработке и общему руководству операции он поручил новому наркому внутренних дел СССР Лаврентию Берию и первому заместителю начальника ИНО Павлу Анатольевичу Судоплатову.

Оба прекрасно понимали – от результата этой операции зависит не только их дальнейшая карьера, но и жизнь. Для Лаврентия Берии – это несколько лет относительно спокойной жизни, пока вождь будет считать его незаменимым человеком.

А положение Павла Анатольевича Судоплатова было смертельно опасным. В начале 1939 года его ждало партсоборание, где его должны были исключить из партии. А это означало, скорее всего, через какое-то время арест. Именно так многие из его коллег и начальников оказались в камере. Согласно порядку, существовавшему в то время, аресту и нахождению под следствием предшествовало исключение из партии. Цинично считалось, что коммунист не может быть изменником Родины, иностранным шпионом, троцкистом и т. п. Другая особенность той эпохи – мучительное ожидание ареста. Человека могли исключить из партии, лишить всех его государственных и партийных постов, а затем в течение нескольких месяцев держать на свободе. С ним прекращали общаться друзья, и он чувствовал себя изгоем общества. Многие не выдерживали и кончали жизнь самоубийством.

Павлу Анатольевичу Судоплатову «повезло». Ему позволили регулярно являться на службу и целыми днями сидеть в своем кабинете. Никаких дел ему не поручали. Может быть, так он и просидел бы до своего ареста, если бы в конце января или начале февраля 1939 года «бездельника» не вызвал к себе Лаврентий Берия. Цинично упрекнул подчиненного в бездеятельности и приказал сопровождать его на важную встречу. Они поехали в Кремль. На аудиенции у Иосифа Сталина находящийся на грани ареста человек узнал о кардинальных переменах в своей судьбе. Позднее об этой встрече он вспоминал так:

«Берия Сталин выслушал с большим вниманием.

- Товарищ Сталин, - обратился тот к нему, - по указанию партии мы разоблачили бывшее руководство закордонной разведки НКВД и сорвали их вероломную попытку обмануть правительство. Мы вносим предложение назначить товарища Судоплатова заместителем начальника разведки НКВД, с тем чтобы помочь молодым партийным кадрам, мобилизованным на работу в органах, справиться с выполнением заданий правительства...

По словам Берии, закордонная разведка в современных условиях должна изменить главные направления своей работы. Ее основной задачей должно стать не борьба с эмиграцией, а подготовка резидентур к войне в Европе и на Дальнем Востоке. Гораздо большую роль, считал он, будут играть наши агенты влияния, то есть люди из деловых правительственных кругов Запада и Японии, которые имеют выход на руководство этих стран и могут быть использованы для достижения наших целей во

внешней политике. Таких людей следовало искать среди деятелей либерального движения, терпимо относящихся к коммунистам. Между тем, по мнению Берии, левое движение находилось в состоянии серьезного разброда из-за попыток троцкистов подчинить его себе. Тем самым Троцкий и его сторонники бросали серьезный вызов Советскому Союзу. Они стремились лишить СССР позиции лидера мирового коммунистического движения. Берия предложил нанести решительный удар по центру троцкистского движения за рубежом и назначить меня ответственным за проведение этих операций. В заключение он сказал, что именно с этой целью и выдвигалась моя кандидатура на должность заместителя начальника Иностранного отдела, которым руководил Деканозов. Моя задача состояла в том, чтобы, используя все возможности НКВД, ликвидировать Троцкого.

Возникла пауза. Разговор продолжил Сталин:

- В троцкистском движении нет важных политических фигур, кроме самого Троцкого. Если с Троцким будет покончено, угроза Коминтерну будет устранена.

Он снова занял свое место напротив нас и начал неторопливо высказывать неудовлетворенность тем, как ведутся разведывательные операции. По его мнению, в них отсутствовала должная активность.

Он подчеркнул, что устранение Троцкого в 1937 году поручалось Шпигельгласу, однако тот провалил важное правительственное задание.

Затем Сталин посуровел и, чеканя слова, словно отдавая приказ, проговорил:

- Троцкий должен быть устранен в течение года, прежде чем разгорится неминуемая война. Без устранения Троцкого, как показывает испанский опыт, мы не сможем быть уверены, в случае нападения империалистов на Советский Союз, в поддержке наших союзников по международному коммунистическому движению. Им будет очень трудно выполнить свой интернациональный долг по дестабилизации тылов противника, развернуть партизанскую войну.

- У нас нет исторического опыта построения мощной индустриальной и военной державы одновременно с укреплением диктатуры пролетариата, - продолжил Сталин, и после оценки международной обстановки и предстоящей войны в Европе он перешел к вопросу, непосредственно касавшемуся меня. Мне надлежало возглавить группу боевиков для проведения операции по ликвидации Троцкого, находившегося в это время в изгнании в Мексике...

- Вам будет оказана любая помощь и поддержка. Докладывайте непосредственно товарищу Берии и никому больше, но помните: вся ответственность за выполнение этой акции лежит на вас. Вы лично обязаны провести подготовительную работу и лично отправить специальную группу из Европы в Мексику. ЦК санкционирует предоставлять всю отчетность по операции исключительно в рукописном виде»^[194].

Павел Анатольевич Судоплатов занялся разработкой плана операции. В качестве консультанта и заместителя ему дали Наума Исааковича Эйтингона,

который успел повоевать в Испании и имел богатый опыт разведывательно-диверсионной работы.

Главный герой нашей книги планировал использовать завербованных в Западной Европе троцкистов, доказавших на деле свою преданность Москве. В этом была своя логика. Им проще внедриться в ближайшее окружение жертвы, чем «боевикам», далеким от активного участия в троцкистском движении. В случае разоблачения одного из рядовых исполнителей можно было бы попытаться объявить о внутрипартийных «разборках» и борьбе за власть, и тем самым попытаться скрыть участие Москвы в подготовке убийства лидера политического движения. С другой стороны, использовать этих людей было опасно, т. к. многие из них воспринимались в окружении жертвы как агенты НКВД. Лев Троцкий регулярно информировал власти Мексики и США об этих людях.

Поэтому Наум Исаакович Эйтингон настоял на привлечение к операции только тех граждан Западной Европы, Латинской Америки и США, кто не участвовал в операциях против Льва Троцкого и его сторонников. Такой подход имел существенный недостаток. Среди исполнителей могли оказаться слабохарактерные люди, решившие в последний момент отказаться от участия в акции. Так оно и произошло, но об этом мы расскажем ниже.

В апреле 1939 года новый резидент нелегальной резидентуры внешней разведки в США Исхак Абдуллович Ахмеров (оперативные псевдонимы «Бил» и «Юнг») восстановил связь с «Фелипе». Из его письма «Бил» узнал, что мексиканская группа ни на минуту не прекращала слежку за Львом Троцким, несмотря на затянувшееся молчание Центра и отсутствие финансирования.

В начале июня «Бил» вызвал «Фелипе» и «Марио» в Нью-Йорк для «промежуточного отчета». После

выполнения задания они успешно вернулись назад в Мексику. Вот только информация об успешной работе Иосифа Григулевича не удовлетворила Лаврентия Берия. «На этого человека я хочу посмотреть сам. Он слишком много работал с Орловым, Шпигельгласом и Гутцайтом, а дурной пример заразителен. Не исключено, что для успеха дела “Фелипе” придется убрать из Мексики»^[195].

Отзыв из «Деревни» «Фелипе» и «Марио» также предусматривал «План агентурно-оперативных мероприятий по делу “Утка”», датированный 9 июля 1939 года. Этот документ был доложен Иосифу Сталину и одобрен им в начале августа 1939 года.

В «Плане» говорилось следующее:

«В результате просмотра всех материалов, имеющихся в 5-м отделе ГУГБ по разработке и подготовке ликвидации “Утки”, установлено, что привлекавшиеся по этому делу люди использованы быть не могут.

Настоящий план предусматривает привлечение новых людей и будет построен на новой основе.

Цель: ликвидация “Утки”.

Методы: агентурно-оперативная разработка, активная группа.

Средства: отравление пищи, воды, взрыв автомашины при помощи тола, прямой удар, удушение, кинжал, удар по голове, выстрел.

Возможно вооруженное нападение группы.

Люди: организатор и руководитель на месте “Том” (Наум Эйтингон. – Прим. авт.).

Вместе с “Томом” в страну выезжают “Мать” и “Раймонд”...»

Далее в плане в общей форме определялись способы изучения ближайшего окружения и обстановки вокруг жилого дома Троцкого и прилагалась смета расходов – 31 тысяча американских долларов на 6 месяцев.

План подписали начальник 5-го Отдела ГУГБ НКВД СССР Павел Михайлович Фитин, его заместитель Павел Анатольевич Судоплатов и Наум Исаакович Эйтингон, но без упоминания должностей и воинских званий. На последнем листе данного документа есть и такая пометка: «Отп. в 1 экз. Печ. Судоплатов»^[196]. Фактически о существовании этого документа знали только пять человек – трое подписавших его, а также Лаврентий Берия и Иосиф Сталин.

Этот документ не стал догмой для непосредственных разработчиков и руководителей покушения. Скорее, наоборот, первая попытка покушения была совершенна с нарушением большинства указаний, содержащихся в документе. В частности, вооруженное нападение на резиденцию жертвы и привлечение к операции «ранее привлеченных людей». Почему так произошло?

Одно из возможных объяснений – итог многочасовых бесед Павла Анатольевича Судоплатова с прибывшим в Москву в конце 1939 года Иосифом Григулевичем. Тогда же «Фелипе» встретился с Лаврентием Берией на его загородной даче. Нарком признал «удовлетворительной» его работу в Мексике. А Павлу Анатольевичу Судоплатову сказал: «Этот ваш агент – самостоятельный парень. По всему видно, троцкистов не боится, а они – не вегетарианцы, умеют обращаться с оружием. Это мы знаем по нашим московским процессам. Сколько заговоров они готовили, чтобы физически уничтожить руководителей

нашей партии и правительства!». Казалось, он искренне верил в то, что говорил [\[197\]](#).

Иосиф Григулевич сообщил непосредственным разработчикам и руководителям операции «Утка» не только подробности об организации внешней и внутренней охраны «Старика», его распорядке дня, но и об особенностях приобретения агентуры в ближайшем окружении жертвы, а также о мероприятиях по организации наружного наблюдения.

Именно во время этих бесед гость из Мексики или Наум Эйтингон мог высказать идею организации вооруженного налета (ведь оба участвовали в организации аналогичных мероприятий в Испании), а Павлу Судоплатову пришлось лишь согласиться с мнением более опытных товарищей.

В начале 1940 года «Фелипе» вновь уехал в «Деревню» - готовить атаку, а Наум Эйтингон отправился во Францию. Во-первых, там простаивал в ожидании указаний от Центра ценный агент - «Раймонд». Именно его решили использовать для внедрения в ближайшее окружение Льва Троцкого. Не забыли и про его мать. Ей решили доверить руководство одной из двух групп боевиков.

Командовать другой группой «ликвидаторов» было решено поручить мексиканцу-коммунисту. Вот как это произошло. Иосиф Григулевич в одной из бесед с Павлом Судоплатовым сообщил, что в нарушение данной ему инструкции начал под свою личную ответственность искать людей для «использования в специальных целях». Скорее всего, приказ на подбор «боевиков» он получил от Сергея Шпигельгласа, но тогда признаваться в связи с «врагом народа» было смертельно опасно, поэтому подбор исполнителей он приписал исключительно себе.

Среди отобранных им агентов был знаменитый мексиканский художник Давид Сикейрос (оперативный псевдоним «Конь»)^[198]. О его симпатиях к СССР и участии в операции «Утка» мы подробно расскажем ниже, а пока отметим лишь его участие в Гражданской войне в Испании – командовал в чине подполковника 82-й бригадой республиканской армии. Другим важным агентом стал его ученик – художник Антонио Пухоль (оперативный псевдоним – «Хосе»). Было принято решение поручить «Коню» руководство второй группой боевиков. Хотя в феврале 1940 года, после своего возвращения в Мексику, «Фелипе» взял бразды правления группой в свои руки.

ОХОТНИКИ

В Мексике двумя автономно действующими друг от друга группами боевиков должен был руководить Наум Исаакович Эйтингон. Любопытно, что из трех десятков членов этих групп большинство были гражданами Мексики и бывшими бойцами Республиканской армии Испании, завербованными советской внешней разведкой.

Первая группа, «Конь» (названная так в честь своего первого руководителя – Давида Сикейроса), состояла из местной агентуры (братья Леополо и Луис Ареналь) и ветеранов Гражданской войны в Испании (Мартинес Картон и др.).

Вторая группа – «Мать». Ею руководила Каридад Меркадер. По первоначальному плану предполагалась: она вместе с пятью боевиками врывается на виллу и отвлекает на себя охрану. А в это время члены первой группы приводит в действие смертный приговор Льву Троцкому.

Кроме «боевиков», в подготовки операции «Утка» принимало участие множество людей. Они участвовали в ее реализации на «дальних подступах» – в Западной Европе (прежде всего во Франции), в Канаде, и на «ближних» – в Соединенных Штатах и Мексике. Например, отдельные сотрудники и агенты резидентур советской внешней разведки в США выполняли функции технической и информационной поддержки операции: предоставляли укрытия и надежные документы во время пребывания «боевиков» на территории страны, организовывали и обслуживали основные и запасные каналы связи и т. п. В качестве «почтовых ящиков» были использованы агенты резидентуры советской разведки в Нью-Йорке: Лидия Альтшуллер, Роуз

Ареналь, Луис Блок, Полина Бэскинд, Фанни МакПиик, Фрэнсис Сильвермэн и Этель Фогель. Большинство из этих людей даже не давали подписку о сотрудничестве с советской разведкой. Их роль сводилась к получению писем на свой домашний почтовый адрес и передаче корреспонденции дальше по «цепочке».

А вот два человека (историки до сих пор спорят об их истинной роли в операции «Утка») сыграли важную роль в убийства Льва Троцкого. Они помогли создать «бреши» в системе охраны жертвы.

Палачи или жертвы?

Сотрудника охраны «Старика» двадцатичетырехлетнего американца Роберта Шелдона Харта в конце тридцатых годов прошлого века завербовал офицер советской внешней разведки Григорий Рабинович^[199]. Новому агенту присвоили псевдоним «Амур».

Американец был неординарной личностью. Сын богатого бизнесмена, дружившего с директором ФБР Эдгаром Гувером. Член компартии США и поклонник Иосифа Сталина. В его американской квартире висел портрет руководителя СССР. Идеалист, считавший, что разведка не использует «грязных методов» в своей работе. Регулярно информировавший Москву о ходе написания книги «Сталин» Львом Троцким, впустивший «боевиков» на виллу и испугавшийся, когда понял, что ему предстоит стать соучастником убийства.

Вторым агентом советской разведки в ближайшем окружении Льва Троцкого отдельные историки считают одного из его секретарей Джозефа Хансена. По крайней мере, так утверждал начальник охраны жертвы троцкист Гарольд Робинс. К словам последнего следует относиться осторожно, т. к. он не смог уберечь охраняемое лицо сначала от вооруженного нападения группы боевиков, а потом от удара ледорубом убийцы-одиночки.

В доказательство своей версии телохранитель приводит два факта. Во-первых, специалист по пулевой стрельбе Джозеф Хансен не проводил с охранной занятый по огненной подготовке. Во-вторых, в момент нападения 24 мая 1940 года все оружие и боеприпасы оказались негодными для использования. В шестидесятые годы прошлого века американские

троцкисты провели «служебное» расследование, но доказать связь секретаря жертвы с НКВД не смогли.

Добавим и третий факт. После смерти Льва Троцкого его секретарь, умышленно или случайно, сыграл роль «агента влияния» Москвы. В многочисленных интервью западным СМИ он утверждал, что убийца был знаком с жертвой полгода, оказывал активную финансовую помощь движению и был убежденным троцкистом.

Для Иосифа Сталина это был великолепный подарок. Советская печать, со ссылкой на буржуазные газеты, широко распространяла версию об убийстве Льва Троцкого одним из его близких приверженцев. Через два дня после смерти Троцкого в «Правде» появилась краткая заметка: «Лондонское радио сегодня сообщило: “В Мексике в больнице умер Троцкий от пролома черепа, полученного во время покушения на него одним из лиц его ближайшего окружения”». Рядом с этой заметкой была напечатана статья «Смерть международного шпиона», которая завершалась словами: «Троцкий запутался в собственных сетях, дойдя до предела человеческого падения. Его убили его же сторонники... Троцкий... стал жертвой своих же собственных интриг, предательств, измен, злодеяний».

Есть и еще одно «темное пятно» в биографии Джозефа Хансена. После смерти Льва Троцкого он начал активно сотрудничать с ФБР, проводившим свое расследование. Одно из возможных объяснений этого – попытка избежать уголовной ответственности за соучастие в убийстве.

Если Джозеф Хансен действительно сотрудничал с Москвой, то почему его не использовали для «ликвидации» жертвы? Скорее всего, как и «Амур», он не мог совершить такое деяние в силу своих моральных принципов. Нужно отметить, что в охране служили не профессионалы, а любители.

Художник, рисовавший смерть

Первая попытка «ликвидировать» Льва Троцкого была предпринята «боевиками» 24 мая 1940 года, но завершилась «провалом». В операции участвовало три группы. Первую возглавлял Леопольдо Ареналь, вторую – «Марио», а третью – Давид Сикейрос, с ней был «Фелипе».

В четыре часа утра боевая группа из 20 человек в полицейских мундирах, вооруженная револьверами и двумя автоматами Томпсона, атаковала резиденцию Льва Троцкого.

Первая стадия операции прошла в полной тишине. Давид Сикейрос, облаченный в майорский мундир, объявил полицейским из наружной охраны, что в стране произошел военный переворот, «все полицейские будки захвачены нами! Сдавайтесь!». Стражам порядка не потребовалось повторять приказание.

Затем Иосиф Григулевич подошел к железной двери гаража и нажал кнопку звонка. Дежуривший в ту ночь «Амур» должен был открыть дверь и впустить «боевиков». Так оно и произошло. Попав внутрь, нападавшие разделились. Часть из них метнулась к жилому зданию охраны и вспомогательного персонала, а вторая – к спальне жертвы. На нее обрушился шквал свинца. После налета полиция насчитала порядка 200 пулевых отверстий в стенах дома. Считается, что «Старик» и его супруга выжили благодаря тому, что успели спрятаться под кровать.

Официальная причина невыполнения приказа Иосифа Сталина – предательство «Амура». По словам участников нападения, когда он узнал, что впущенные им в дом гости собираются убить хозяина, то попытался воспротивиться этому преступлению. Также он

неправильно информировал о местонахождении сейфа с архивом. Хранящиеся там документы «Фелипе» должен был уничтожить или забрать с собой. Охранник указал нападавшим пустые комнаты, где не было людей и сейфа с архивом. Если это так, то тогда легко объяснить феноменальную живучесть жертвы. Когда «боевики» открыли огонь по безлюдному помещению, то Роберт Шелдон Харт имел неосторожность заявить, что, как американец, он никогда бы не согласился участвовать в этой акции. Именно это стало одной из причин его «ликвидации», а не факт опознания им Иосифа Григулевича, как это утверждается в большинстве публикаций.

Другая причина – нужно было на кого-то списать «провал» операции. И американец прекрасно подходил на эту роль. Происхождения он был непролетарского. Завербовал его «враг народа».

Труп «Амура» был обнаружен через месяц после нападения. Импровизированная могила находилась в земляном полу на кухне летнего домика, арендованного Луисом Ареналем в поселке Санта-Роса в окрестностях Мехико. Шокирующие фотографии мертвого американца, присыпанного слоем извести, опубликовали многие газеты Мексики и Соединенных Штатов.

В марте 1954 года Наум Исаакович Эйтингон вновь подтвердил версию почти четвертьвековой давности.

«Во время операции было выявлено, что Шелдон оказался предателем. Хотя он и открыл дверь калитки, однако в комнате, куда он привел участников налета, не оказалось ни архива, ни самого Троцкого. Когда же участники налета открыли стрельбу, то Шелдон заявил им, что если бы знал все это, то он, как американец, никогда не согласился бы участвовать в этом

деле. Такое поведение послужило основанием для принятия на месте решения о его ликвидации. Он был убит мексиканцами»^[200].

По мнению проводившего расследование покушения на Льва Троцкого начальника секретной службы национальной полиции полковника Леандро Санчеса Саласара, американца убил Луис Ареналь^[201].

В беседе с бывшим разведчиком, дипломатом и писателем Юрием Папоровым Иосиф Григулевич, отвечая на вопрос о мотивах убийства «Амура», сказал:

«А что было с ним делать? Ведь его нужно было спрятать и потом нелегально вывезти из Мексики. Словом, хлопот не оберешься!

И потом, влезь в шкуру Сикейроса. Ведь он телеграфировал в Москву, что Боб Шелдон их предал, и потому стреляли они в пустую кровать.

Москва приказала: предателя расстрелять! Что мы и сделали»^[202].

Лев Троцкий отказывался верить, что погибший охранник был агентом НКВД. «Если бы Шелдон был агентом ГПУ, – говорил он, – то он имел бы возможность убить меня ночью без всякого шума и скрыться, не приводя в движение двадцать человек, которые все подвергались большому риску... Поэтому я с самого начала заявил себе самому и своим друзьям, что я буду последним, который поверит в участие Шелдона в покушении». Привыкшая распоряжаться чужими жизнями, жертва не могла допустить, что Шелдон просто не мог совершить убийство из-за своих моральных принципов. Звучит цинично, но если бы «Амур» мог убить человека, не важно, чем бы он при этом руководствовался, то Павел Анатольевич

Судоплатов приказал бы, а агент выполнил бы задание. Другое дело, что исполнитель должен был сам предложить Центру совершить такой поступок, как это сделал «Раймонд».

Автор бы не стал утверждать, что предательство «Амура» стало главной причиной невыполнения приказа Москвы. Уже упоминавшийся выше Юрий Николаевич Папоров называет и вторую причину срыва выполнения задания. Якобы боевики находились, говоря официальным языком, в состоянии алкогольного и наркотического опьянения^[203]. Могло ли такое произойти? Теоретически да. Ведь «боевикам» предстояло сначала захватить охраняемую виллу, а потом расстрелять двух безоружных людей.

Вне зависимости от концентрации текилы в крови нападавших, задание Кремля они не выполнили. Виноват ли в произошедшем Павел Анатольевич Судоплатов? Нет, не виноват: находясь в Москве, он сделал все для ликвидации врага советской власти. «Обеспечил» боевиков всей необходимой информацией, документами и оружием. Другое дело – исполнители подвели.

Всю ответственность «за провал» операции взял на себя Наум Исаакович Эйтингон. В своем донесении, датированном 30 мая 1940 года, он, в частности, написал:

«Принимая на себя всю вину за этот кошмарный провал, я готов по вашему первому требованию выехать для получения положенного за такой провал наказания»^[204].

От расправы его спасло не это покаяние, а отсутствие другого исполнителя. После «чистки» в центральном аппарате внешней разведки осталось очень мало ветеранов уровня «Тома». Поэтому Иосифу

Сталину пришлось дать «Тому» шанс исправить допущенные ошибки. А «провал» операции «списали» на многочисленные технические ошибки.

«Альпинист» с Лубянки

В качестве исполнителя смертного приговора Льву Троцкому было решено использовать запасной вариант – Рамона Меркадера, который сам вызвался убить «Старика». Он был готов его застрелить, заколоть или нанести удар тяжелым предметом по голове. До этого времени его использовали в качестве одного из источников информации в ближайшем окружении объекта атаки «боевиков».

Еще в сентябре 1939 года «Раймонд» отплыл из Франции в США чтобы встретиться с «возлюбленной». В том же месяце состоялось их свидание в Нью-Йорке. На нем он объяснил подруге, что не хочет участвовать во Второй мировой войне, а поэтому дезертировал из своей воинской части, нашел выгодную работу в Мексике и в настоящее время проживает по паспорту на имя канадского подданного Фрэнка Джексона. В конце октября 1939 года Сильвия Агелофф вместе со своим «бойфрендом» поселилась в Мексике. Он якобы устроился на работу в экспортно-импортную фирму, а она – секретарем у Льва Троцкого.

Действуя крайне осторожно «Раймонд» посетил дом Льва Троцкого только в апреле 1940 года. Лично же «Старику» он был представлен только 28 мая 1940 года, уже после нападения «боевиков». Услужливый, обаятельный молодой человек, жених одной из его секретарш, очень понравился жертве, и с тех пор будущий убийца стал регулярно бывать на вилле.

Для того чтобы остаться с Львом Троцким наедине, 17 августа 1940 года Фрэнк Джексон обратился к нему с необычной просьбой – ознакомиться с написанной им статьей. «Старик» не смог отказать ему в этой просьбе.

«Раймонд», одетый, несмотря на жару, в плащ, 20 августа в 17 часов 30 минут переступил порог кабинета жертвы. Существует несколько версий разыгравшейся затем трагедии.

На суде Рамон Меркадер дал следующие показания:

«Я положил свой плащ на стол таким образом, чтобы иметь возможность вынуть оттуда ледоруб, который находился в кармане. Я решил не упускать замечательный случай, который представился мне. В тот момент, когда Троцкий начал читать статью, послужившую мне предлогом, вытащил ледоруб из плаща, сжал его в руке и, закрыв глаза, нанес им страшный удар по голове...

Троцкий издал такой крик, который я никогда не забуду в жизни. Это было очень долгое “А-а-а...”, бесконечно долгое, и мне кажется, что этот крик до сих пор пронзает мой мозг. Троцкий порывисто вскочил, бросился на меня и укусил мне руку. Посмотрите: еще можно увидеть следы его зубов. Я его оттолкнул, он упал на пол. Затем поднялся и, спотыкаясь, выбежал из комнаты...»[\[205\]](#).

Павлу Анатольевичу Судоплатову Рамон Меркадер рассказывал о произошедшем по-другому:

«Рамон не закрыл глаза, перед тем как ударить Троцкого по голове небольшим острым ледорубом, который был спрятан у него под плащом. Троцкий сидел и читал статью Меркадера, написанную в его защиту. Когда Меркадер готовился к удару, Троцкий, поглощенный чтением статьи, слег повернул голову, и это изменило направление удара,

ослабив его силу. Вот почему Троцкий не был убит сразу и закричал, призывая на помощь. Рамон растерялся и не смог заколоть Троцкого, хотя имел при себе нож.

- Представьте, ведь я прошел партизанскую войну и заколок ножом часового на мосту во время гражданской войны в Испании, но крик Троцкого меня буквально парализовал, - объяснил Рамон. Когда в комнату вбежала жена Троцкого с охранниками, Меркадера сбили с ног, и он не смог воспользоваться пистолетом...

- Меня сбил с ног рукояткой пистолета один из охранников Троцкого. Потом мой адвокат использовал этот эпизод как доказательство того, что я не был профессиональным убийцей»^[206].

Любопытные подробности убийства Льва Троцкого поведал в 1995 году адвокат убийцы Эдуардо Сенисерос, рассказавший о событиях того дня со слов своего бывшего подзащитного:

«Когда Меркадер вошел вслед за Троцким в его кабинет, то запер дверь изнутри. Этого было достаточно, чтобы Троцкий понял, что на него сейчас нападут. Он потянулся к ящику письменного стола, в котором лежал пистолет. Всегда утверждалось, что удар был нанесен сзади. Но медэкспертиза показала, что это не так. Троцкий заслонился от удара руками и тем чуть-чуть ослабил удар. Наверное, поэтому он и прожил еще несколько часов. Так что удар Меркадер нанес, стоя лицом к лицу с Троцким. Он мог бы убить его, как только вошел, но он хотел, чтобы Троцкий понял, что должно произойти.

- Значит, Троцкий догадался, что его собираются убивать?

- Однозначно. И Рамон дал ему это понять сознательно. Хотя он убил бы его в любом случае. Правда, он и сам не допускал возможности, что останется после покушения живым. Он готовился умереть и поэтому загодя не позаботился ни о какой защите. Потом он даже вытащил свой пистолет, чтобы спровоцировать огонь охраны, но сам в нее не стрелял, потому что не хотел других смертей.

- Почему он выбрал такое необычное оружие убийства - ледоруб?

- Какая-то ничтожная вероятность того, что после покушения он останется жив, все же допускалась. И тогда единственным путем для бегства оставалась высокая каменная стена. Для того, чтобы перебраться через нее, и нужен был ледоруб»^[207].

Как бы там ни было, но удар ледоруба не убил жертву сразу. Вбежавшие охранники скрутили убийцу и стали его избивать, но находящийся в сознании Лев Троцкий остановил их словами: «Оставьте, не убивайте его. Пусть он все расскажет». Находящегося в полном сознании пострадавшего тут же отвезли в больницу и положили на операционный стол. Операцию проводили 5 хирургов. Несмотря на всех их усилия, в половину восьмого вечера он потерял сознание и ровно через сутки, 21 августа в 19:25 вечера, скончался.

Что касается Меркадера, то после убийства Троцкого он был немедленно арестован и помещен в тюрьму «Лекумберри». В момент ареста при нем было обнаружено письмо на французском языке, датированное 20 августа 1940 года. В нем Меркадер, назвавший себя бельгийским подданным Жаком

Морнаром, сообщал сведения о своих родителях-бельгийцах, о своей учебе в Бельгии и Франции, о возникшем у него интересе к политической деятельности троцкистов, о знакомстве с некоторыми представителями этого движения. В письме Морнар подробно изложил мотивы, толкнувшие его на убийство, - разочарование в троцкизме как политическом движении и намерение Троцкого послать его в Советский Союз для совершения там диверсионных и террористических актов, в том числе и против Сталина. Однако письмо было настолько глупо составлено, что ни у кого не возникло сомнения в том, что оно подложное.

Финал утиной охоты

Иосиф Сталин высоко оценил заслуги всех участников убийства Льва Троцкого и поддержал Лаврентия Берия, обратившегося к нему со следующим предложением:

«Сов. секретно
6 июня 1941 г.
ЦК ВКП(б) СНК СССР
Тов. Сталину И. В.

Группой работников НКВД в 1940 году было выполнено специальное задание.

НКВД СССР просит наградить орденами Союза ССР шесть товарищей, участвовавших в выполнении этого задания.

Прошу вашего разрешения.

Народный комиссар внутренних дел (Л. Берия)»

Резолюция Сталина была краткой: «За (без публикации)».

В результате закрытым указом Президиума Верховного Совета СССР за подписью Михаила Ивановича Калинина и А. Горкина были награждены:

орденом Ленина – Меркадер Каридад Рамоновна и Эйтингон Наум Исаакович;

орденом Красного Знамени – Василевский Лев Петрович (резидент советской внешней разведки в Париже) и Судоплатов Павел Анатольевич;

орденом Красной Звезды – Григулевич Иосиф Ромуальдович и Пастельняк Павел Пантелеймонович

(старший офицер нью-йоркской резидентуры советской внешней разведки).

Не было в списке награжденных участников операции «Утка» лишь Рамона Меркадера, который в это время находился в мексиканской тюрьме и ждал приговора суда.

Накануне Великой Отечественной войны, 16 июня 1941 года, курировавший работу против антисоветской эмиграции заместитель начальника отдела 1-го управления (внешняя разведка) НКГБ СССР Иван Иванович Агаянц вынес постановление о завершении операции в отношении руководства троцкистского Интернационала. Это было символично. Иосиф Сталин и Лаврентий Берия ставили перед разведкой задачу к началу войны закончить операцию «Утка»^[208].

Спасти любой ценой

Москва не забыла непосредственного исполнителя смертного приговора «Старику». В годы Великой Отечественной войны, когда Павел Анатольевич Судоплатов руководил деятельностью Четвертого управления НКВД-НКГБ (диверсии в тылу противника), его коллега – начальник Первого управления (внешняя разведка) Павел Михайлович Фитин координировал деятельность своих подчиненных по вызволению из мексиканской тюрьмы Рамона Меркадера. В оперативной переписке этот человек фигурировал под именем «Гном». Существовало несколько сценариев организации побега заключенного из «Госпиталя» (так в переписке резидентуры с Центром именовалась тюрьма).

Первый из них предусматривал использование двух советских агентов, внедренных в охрану тюрьмы. Псевдоним одного из них был «Доктор», а другого – «Пациент». Еще несколько агентов Москвы находились поблизости от тюрьмы и в Мехико. После побега осужденного они должны были переправить его за пределы мексиканской столицы. Предполагалось, что Рамона Меркадера освободят по пути из тюрьмы в здание суда. Группа «боевиков» устроит засаду, отобьет пленника и увезет его из столицы Мексики. План не был реализован.

Другие сценарии носили менее агрессивный характер и предполагали подкуп различных должностных лиц. Например, агент «Коршун» должен был дать взятку начальнику тюрьмы. Второй вариант предусматривал помощь со стороны сотрудника мексиканского министерства юстиции^[209]. По разным

причинам ни один из этих планов так и не был реализован.

На свободу Рамон Меркадер вышел 6 мая 1960 года. Вместе с женой – мексиканкой Ракель Мендос – был переправлен на Кубу, а оттуда на теплоходе – в Чехословакию, затем в Советский Союз. В Москве он получил советское гражданство и документы на имя Р. И. Лопеса. А 31 мая 1961 года Президиум Верховного Совета СССР издал закрытый Указ:

«За выполнение специального задания и проявленный при этом героизм и мужество присвоить тов. Лопесу Рамону Ивановичу звание Героя Советского Союза с вручением ему ордена Ленина и медали “Золотая Звезда”»^[210].

По злой иронии судьбы, его руководители Павел Анатольевич Судоплатов и Наум Исаакович Эйтингон в это время находились в заключении.

Глава 8. Руководя германским направлением внешней разведки

«С 10 мая 1939 года - заместитель начальника 5-го отдела (внешняя разведка) ГУГБ НКВД СССР.

С 25 февраля 1941 года - заместитель начальника Первого (разведывательного) управления НКГБ СССР».

После успешного завершения операции «Утка» Павла Анатольевича Судоплатова ждало не менее важное и ответственное задание - руководство германским направлением в работе советской внешней разведки. А оно накануне Великой Отечественной войны стало одним из самых важных. Достаточно сказать, что две трети всех сообщений политической разведки для руководства страны в 1940-1941 годах о военных приготовлениях Германии против СССР были составлены на основе сведений берлинской резидентуры^[211].

На главном направлении

Если рассматривать распределение обязанностей между Судоплатовым и его непосредственным начальником Павлом Михайловичем Фитиным, то первый занимался ежедневными текущими делами (переписка с другими организациями, контроль распределения работы среди сотрудников немецкого отделения и т. п.), а второй курировал другие географические направления деятельности внешней разведки и докладывал руководству страны о ситуации в Германии. Такой вывод можно сделать не только на основе воспоминаний сотрудников 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР – в определенной степени они носят субъективный характер, но и на основе анализа ряда документов из архива отечественной внешней разведки. Например, 26 сентября 1940 года Павел Анатольевич Судоплатов подписал письмо, адресованное начальнику Разведуправления Генштаба Красной Армии генерал-лейтенанту Филиппу Ивановичу Голикову посвященное описанию военных приготовлений Германии на территории Словакии. В нем он сообщил об усиленном дорожном строительстве в восточных районах Словакии, а также о новых аэродромах^[212]. Другой документ с его визой – справка 5 отдела ГУГБ НКВД «О перемещении немецких войск к советской границе» от 5 января 1941 года^[213], адресованная «соседям» – военной разведке. Ему приходилось не только сообщать военным полученные по линии внешней разведки сведения, но и давать «указания источнику дополнительно проверять и дополнять отдельные сведения»^[214]. В другом документе – в «Сообщении Разведуправления Генштаба Красной Армии заместителю начальника 1 Управления

НКГБ СССР Судоплатову о достоверности разведывательных данных» - военные просили уточнить количество дивизий и данные о строительстве укреплений и аэродромов в конкретных районах Польши^[215]. Это обычная практика в работе разведки, когда получатель (потребитель, заказчик) информации требует что-то дать подробнее, уточнить или перепроверить.

А еще Павел Анатольевич Судоплатов визировал документы, которые нарком внутренних дел Лаврентий Берия готовил для руководителей страны. Среди них можно назвать «Сводку о политических планах в области внешней политики Германии, составленную нашим агентом, имеющим связи в отделе печати германского МИДа»^[216]. Ее прочли два человека: Иосиф Сталин и председатель СНК СССР Вячеслав Михайлович Молотов.

О «специализации» Павла Анатольевича Судоплатова на Германии свидетельствует и такой факт. За подписью начальника 1-го Отдела Главного транспортного управления НКВД СССР старшего майора госбезопасности Синегубова 25 октября 1940 года было подготовлено и разослано руководству НКВД СССР спецсообщение - «Информационно-разведывательная сводка по Германии». В нем сообщалось о строительстве укреплений на границе с Западной Украиной, а также о концентрации «понтонных частей»^[217]. Документ предназначался для четырех человек: наркому внутренних дел Лаврентию Берии, его первому заместителю Богдану Кобулову, начальнику ГУГБ НКВД СССР Всеволоду Меркулову и Павлу Судоплатову. А вот непосредственного начальника последнего - Павла Фитина - в списке рассылки нет.

Другой документ - «Справка НКГБ СССР» от 25 марта 1941 года. В ней в очередной раз сообщается о

концентрации немецких войск на территории Восточной Пруссии. Интересна реакция начальников различного ранга на этот документ и их распоряжения. Первым со справкой ознакомился нарком госбезопасности Всеволод Меркулов и оставил свою резолюцию: «Дать задание срочно тщательно проверить. Использовать в сообщении в ЦК и СНК...». Затем документ попал к начальнику Первого управления НКГБ Павлу Фитину. Прочтя его, он переадресовал документ своему заместителю Павлу Судоплатову, который и раздал необходимые указания сотрудникам центрального аппарата внешней разведки. В резолюции он написал: «т. Журавлеву (начальник 1-го (немецкого) отдела Павел Матвеевич Журавлев. – *Прим. авт.*). Я дал сегодня в 6 часов утра задание в Киев и Минск. Проследите. В сводку. 26.3.41 г.»^[218]. Поясним, что речь идет о проверке изложенных в справке фактов с помощью других источников.

А вот телеграмма НКГБ УССР «О передвижении немецких войск» от 2 апреля 1941 года, адресованная начальнику Первого управления НКГБ СССР Павлу Фитину, попала к Павлу Судоплатову. Последний переслал ее начальнику 1-го отдела Павлу Матвеевичу Журавлеву вот с такой резолюцией: «т. Журавлеву. Дайте указания наркомам – приказать, чтобы такого рода сообщения присылать только шифром. Судоплатов. 4/IV-41». Также на документе есть отметка: «Послано т. Тимошенко № 890/м от 4/IV г.»^[219]. Напомним, что в 1940–1941 годах Семен Константинович Тимошенко^[220] занимал пост наркома Обороны СССР.

Прошло полтора месяца, и реакция Павла Анатольевича Судоплатова на сообщения с такой тематикой изменилась. В «Записке НКГБ СССР относительно порядка сбора информации о

концентрации германских войск в приграничной с СССР полосе», адресованной «наркомам госбезопасности Белорусской, Литовской, Карело-Финской и Молдавской ССР, начальникам УНГБ по Ленинградской и Одесской областей», он указал на необходимость подробной информации о каждом факте переброски войск противника. В частности, Москву интересовали маршруты движения частей, их нумерация (полк, дивизия) и в состав каких корпусов и армий входили обнаруженные войска [\[221\]](#).

В роли дипломата

В качестве высокопоставленного сотрудника советской внешней разведки Судоплатов поддерживал связь с несколькими ценными агентами. Среди них особое место занимал полномочный и чрезвычайный посол Болгарии в СССР Иван Федорович Стаменов (оперативный псевдоним – «Наследник»).

Высокопоставленный дипломат начал сотрудничать с представителями советской внешней разведки в середине тридцатых годов прошлого века, когда занимал пост первого секретаря посольства Болгарии в Италии. Он регулярно встречался с Павлом Матвеевичем Журавлевым (оперативный псевдоним – «Макар») и через последнего регулярно информировал Москву о политике Софии накануне Второй мировой войны. В связи с отъездом в СССР «Макара» связь с ценным агентом прервалась на два года. Ее удалось восстановить только в 1940 году, когда дипломат был назначен послом в СССР.

В тот же год агент был передан на связь главному герою нашей книги. С этого времени у Лубянки появился доступ к документальной информации о реальных намерениях и о переписке правящих кругов Болгарии с немецким руководством. Когда в ноябре 1940 года в Берлине проходили переговоры между Адольфом Гитлером и руководителем советского внешнеполитического ведомства Вячеславом Молотовым, то Москва располагала тогда всей информацией о планах главы Третьего Рейха в отношении Болгарии и о намерениях Софии. Осведомленность Москвы базировалась на документах и шифропереписке, а также на сообщениях «Наследника», поскольку он получал инструкции от

главы правительства и от царской семьи, в которую он был вхож.

При этом нужно учитывать, что отношения София – Москва – Берлин осенью 1940 года были очень сложными и противоречивыми.

Официальная позиция Советского Союза заключалась в том, что СССР, с одной стороны, стремился подписать пакт о взаимопомощи с Болгарией, с другой же – этот пакт не предполагал выхода Болгарии из сферы особых отношений с Германией и Италией. Речь практически шла о том, что Москва ни в коем случае не собирается конфликтовать с Болгарией и противодействовать ее вступлению в какие-либо договорные союзнические отношения с Германией.

На первый взгляд может показаться, что это половинчатая и беспринципная позиция. Однако для СССР это было чрезвычайно важным, ибо речь шла о выработке компромиссных договоренностей с немцами и их союзниками, чтобы оттянуть начало войны между Советским Союзом и Германией. В том, что она будет, Иосиф Сталин не сомневался. Вопрос был лишь в дате ее начала и в том, кто первым нападет.

Попытки договориться с Болгарией успехом не увенчались. По мнению Павла Анатольевича Судоплатова, основная причина такова:

«...болгарские правящие круги были напуганы нашим предложением в отношении пакта о взаимопомощи. Левая оппозиция и рабочее движение в это время в Болгарии были довольно мощными. Поэтому правящие круги боялись, что улучшение отношений с СССР будет способствовать укреплению позиции Болгарской компартии. Это толкало не только

царя Бориса, но и его окружение на союз с англичанами и немцами»[\[222\]](#).

Установление важного контакта с послом Болгарии в Москве осенью 1940 года стало, однако, прологом еще одного драматического эпизода в действиях разведки и дипломатии на балканском направлении в преддверии неумолимо надвигавшейся германо-советской войны, в котором непосредственное участие принял герой нашей книги.

Спустя много лет Павел Анатольевич так вспоминал события конца октября – начала ноября 1940 года.

«Накануне поездки Молотова в Берлин меня неожиданно вызвал Берия, в кабинете которого я застал П. Федотова, начальника контрразведки, и приказал нам срочно явиться к заместителю наркома иностранных дел Вышинскому. Суть поручения состояла в том, чтобы, контактируя с Вышинским, вступить в неформальные доверительные отношения с послом Югославии в СССР Миланом Гавриловичем. Последний по своей инициативе вышел на Вышинского и проинформировал его об обострении обстановки на Балканах и борьбе внутри югославского руководства. Гаврилович рассказал о недовольстве, которое зреет в югославском правительстве в связи с тем, что германские войска войдут в Болгарию, оккупируют Фракию (историческую область на востоке Балканского полуострова, между Эгейским, Черным и Мраморным морями; в состав Болгарии входит ее северная часть. – Прим. авт.), что резко обострит болгаро-югославские отношения»[\[223\]](#).

С заместителем руководителя советского внешнеполитического ведомства Андреем Януарьевичем Вышинским начальник Второго (контрразведывательного) управления НКГБ СССР Павел Васильевич Федотов и заместитель начальника Первого управления НКГБ СССР Павел Анатольевич Судоплатов встретились поздно ночью в его кабинете. Высокопоставленный чиновник кратко пересказал им свою беседу с югославским дипломатом и сообщил, что с санкции самого Лаврентии Берии на них возлагается предварительное обсуждение вопросов, вносимых Миланом Гавриловичем на рассмотрение наркома иностранных дел и правительства. На вопрос гостей о дате проведения такой встречи хозяин кабинета ответил резко и лаконично: «Вчера», – и пояснил чуть мягче, что югослав просил принять его в ближайшие дни, когда он будет иметь новые сведения о дальнейшем развитии событий на Балканах.

Почему этим поручили заняться руководителю внешней разведки и контрразведки, а не профессиональным дипломатам? По утверждению Павла Анатольевича Судоплатова:

«...по нашим данным, он (югославский дипломат. – Прим. авт.) имел особые отношения с англичанами. Мы рассматривали его как “двойника”, негласного английского посредника в международных консультациях по проблеме Балкан, зная, что Гаврилович очень часто ездил за консультациями к английскому послу в Москве С. Криппсу. Прослушивая английское посольство, мы имели довольно точные данные о теме его общения с англичанами. Прослушивание нами апартаментов югославского посольства подтверждало, что Гаврилович, во-первых, заинтересован в

налаживании доверительных связей с нами, во-вторых, он поднимал вопрос о необходимости изменений в югославском руководстве, поскольку внутренние противоречия обостряются и по этой причине югославские военные круги не могут не быть заинтересованными в установлении особых отношений с “советскими военными инстанциями”»^[224].

Москва планировала использовать югославского посла для незаметной для немцев координации действий Советского Союза и Англии на Балканах. Однако, несмотря на прекрасное информационное обеспечение нашего правительства и дипломатии, Советскому Союзу не удалось в силу неблагоприятного для нас соотношения сил переломить развитие событий на Балканах в свою пользу, не удалось связать Адольфа Гитлера длительной военной кампанией в Югославии и Греции. В этом нет вины Павла Анатольевича Судоплатова. Он полностью справился с поставленной перед ним задачей, как и его коллега по НКГБ – Павел Васильевич Федотов.

С Миланом Гавриловичем они встречались в качестве советников аппарата Наркомата иностранных дел. Первая встреча, где произошло их официальное представление друг другу, состоялась в кабинете Андрея Вышинского и носила протокольный характер. На втором рандеву, в ресторане «Арагви», югославский дипломат внезапно выступил с неожиданным предложением о доверительном сотрудничестве с советскими представителями. При этом чекисты изначально знали, что иностранный дипломат уже сотрудничает с Лондоном.

Во встречах с Миланом Гавриловичем Павел Анатольевич Судоплатов всегда участвовал вместе с

Павлом Васильевичем Федотовым. Сам герой нашей книги объяснял участие контрразведчика необходимостью протоколирования записи бесед (они оба записывали содержание разговоров, а потом сравнивали их). По мнению автора данной книги, основная причина – боязнь попытки вербовки югославским дипломатом своего советского «коллеги». Да и в стенографирование беседы «сотрудниками» НКВД не было особой нужды. Специальная техника позволяла фиксировать все слова, произнесенные участниками беседы. Недаром же для встреч был выбран ресторан «Арагви», где все столики были оборудованы микрофонами.

В процессе беседы выяснилось, что югославский посол не только работает на англичан, но и ведет самостоятельную игру, не поставив об этом в известность свое руководство в Белграде. Причем своего агента раскрыли сами британцы. Через неделю после встречи Милана Гавриловича с Андреем Вышинским к последнему явился британский посол Стаффорд Криппс и почти слово в слово пересказал содержание предложений своего югославского коллеги. В Москве сначала решили, что Лондон полностью контролирует своего агента. А спустя несколько дней, в результате оперативно-розыскных мероприятий (слухового контроля и перехвата шифротелеграмм) выяснилось, что за ним нет стопроцентного контроля. Каждая из сторон играла свою игру, активно используя других игроков для достижения своих целей.

Свои сложности возникли и у самой Москвы. О переговорах с югославским послом Вячеславу Молотову и Иосифу Сталину докладывал не только Андрей Вышинский, но и Лаврентий Берия. Это заставляло нервничать каждого из докладчиков. Первый боялся что-то упустить и не сообщить своему непосредственному начальнику в НКВД Вячеславу

Молотову (Андрей Вышинский одновременно занимал пост заместителя председателя СНК СССР), а второй – ограничить круг обсуждаемых вопросов. В конечном итоге Павел Анатольевич Судоплатов был вынужден предложить иностранному дипломату «перейти на оперативной режим каждодневной связи с Вышинским». А руководству наркомата иностранных дел было приказано принимать югославских дипломатов и членов официальной делегации вне всякой очереди.

В переговорах также участвовали сотрудники советской военной разведки. Рассказ об их роли в событиях на Балканах накануне Великой Отечественной войны находится за рамками нашей книги, поэтому мы не будем рассказывать об этом. Отметим лишь, что повышенное внимание к югославам со стороны советских спецслужб не могло остаться незамеченным. Англичане узнали о тайных переговорах и организовали «утечку» в американские газеты. Разразился громкий международный скандал. Павел Судоплатов и Павел Федотов получили сначала крупный нагоняй от своего начальника – наркома госбезопасности Всеволода Меркулова, затем от Лаврентия Берии, а потом еще и от Андрея Вышинского^[225]. Хотя для проштрафившихся чекистов все закончилось лишь вызовом «на ковер» к начальникам и словесными угрозами, перемешанными с матом.

Если говорить о результатах серии встреч Павла Судоплатова с Миланом Гавриловичем, то один из них – отсрочка нападения Германии на СССР на один месяц благодаря военному перевороту в Югославии. Возможно, что в ноябре – декабре 1941 года, когда под Москвой ударили сильные морозы, немцы поняли, что они опоздали на месяц.

Глава 9. Из разведчиков в партизаны и диверсанты

«5 июля 1941 года - начальник Особой группы при наркомате внутренних дел СССР.

3 октября - начальник 2-го Отдела НКВД СССР.

18 января 1942 год - начальник 4-го Управления НКВД СССР»

Среди мифов, связанных с партизанским движением на оккупированной противником территории СССР, деятельность руководимой Павлом Анатольевичем Судоплатовым Особой группы - Второго отдела - Четвертого управления НКВД-НКГБ СССР и подчиненных ему структур занимает особое место.

При советской власти об организующей и руководящей общей роли Лубянки, и главного героя нашей книги в частности, говорить и писать было не принято, хотя 90 % партизанских отрядов было сформировано с участием чекистов. Например, к моменту создания 18 января 1942 года Четвертого управления НКВД СССР на его учете состояло 1798 партизанских отрядов (70796 бойцов и командиров) и 1153 разведывательно-диверсионных групп (7143 разведчиков и подрывников). Много это или мало? По официальным данным, к концу 1941 года сумели закрепиться на оккупированной территории и развернуть войну с врагом около 3500 партизанских отрядов и групп, насчитывающих 90 тысяч человек [\[226\]](#). При этом нужно учитывать, что часть подразделений «народных мстителей» создали попавшие в окружение

бойцы и офицеры Красной Армии (в первую очередь пограничники). Появление таких военизированных формирований – заслуга их командиров, а не руководителей местных органов партийной и советской власти. Не следует забывать, что до середины 1942 года НКВД СССР осуществлял финансирование развертывания партизанской войны, пока эта функция не была передана созданному Центральному штабу партизанского движения.

В конце девяностых годов прошлого века многие журналисты и «историки» впали в другую крайность – главного героя нашей книги и группу его ближайших подчиненных «объявили» главными стратегами и организаторами партизанского движения на территории Советского Союза и в странах Восточной Европы. При этом они забывают, что несколько десятков сотрудников Второго отдела – Четвертого управления НКВД-НКГБ СССР, находясь в Москве, не могли заниматься решением всех задач, возникавших в ходе организации и руководства партизанским движением в тылу врага.

По современным официальным данным:

«...всего по линии зафронтной работы органами госбезопасности было подготовлено и заброшено во вражеский тыл 2222 оперативных группы, из них 244 – Четвертым управлением, а остальные – 4-ми Отделами территориальных органов. 20 опергрупп действовали по заданию военной контрразведки»^[227].

А ведь каждую из этих групп нужно было подготовить, обеспечить ее переброску через линию фронта, а потом обеспечить ее эффективную деятельность. Это не только получение от нее рапортов о количестве пущенных под откос вражеских эшелонов

и уничтоженной военной техники противника, но и снабжение ее всем необходимым. А большинство спецгрупп выполняли не только диверсионные, но и разведывательные задачи. С диверсиями относительно просто - Центр указал участок железной дороги или шоссе, где нужно парализовать движение, и партизаны с Лубянки начали действовать, выполняя задание Москвы. С разведывательными задачами сложнее. Нужна постоянная радиосвязь с Центром. С помощью нее руководство спецгрупп получало задания и сообщало добытую информацию. А данные быстро устаревали, поэтому их нужно было оперативно передать потребителю - обычно представителю командования Красной Армии или в Центральный штаб партизанского движения.

Другая причина того, что сотрудники центрального аппарата Четвертого управления НКВД-НКГБ СССР не могли координировать деятельность всех опергрупп, - географическая. Учебные базы располагались не только в Москве, но и в отдельных областях России, а также на еще не занятых врагом (летом-осенью 1941 года) или уже освобожденных Красной Армией территориях Украины и Белоруссии. Да и подобрать кадры в регионах было проще. Можно было мобилизовать бойцов Красной Армии, территориальных органов госбезопасности, выпускников школ, бывших партизан и т. п.

Армия «партизан с Лубянки»

В годы Великой Отечественной войны в подчинении у Павла Анатольевича Судоплатова находилось несколько десятков тысяч профессиональных диверсантов, прошедших суровую школу в тылу противника.

Точную численность армии «партизан с Лубянки» мы никогда не узнаем. И дело не только в секретности этих сведений, но и в отсутствии общепризнанной большинством историков и специалистов методики подсчета. Например, «в годы Великой Отечественной войны в тыл врага органами госбезопасности было подготовлено и заброшено 2222 опергруппы, в число которых вошло около 15 тысяч оперативных работников, и 23 из них стали Героями Советского Союза»^[228]. Можно ли с уверенностью сказать, что в это число включен легендарный советский разведчик Николай Иванович Кузнецов, который из-за плохой анкеты так и не смог стать кадровым сотрудником НКВД СССР?

А как быть с бойцами ОМСБОНа? В годы войны в этом подразделении служило свыше десяти тысяч человек. Вот только за линией фронта сражались не все из них. Почему так произошло – об этом будет рассказано в одной из следующих глав. Да и сам ОМСБОН подчинялся не только Павлу Анатольевичу Судоплатову. Поэтому будем учитывать только бойцов и командиров спецотрядов, действовавших по заданию Второго отдела – Четвертого управления НКВД-НКГБ. Хотя и в этом случае не все так просто.

В официальном отчете о деятельности этого подразделения в период с 1941 по 1945 год есть два важных абзаца. Первый звучит так:

«За четыре года отрядом подготовлено по специальной программе для выполнения заданий в тылу противника и на фронте 212 спецотрядов и групп общей численностью 7316 человек»[\[229\]](#).

Слово «обучено» еще не означает, что все они действовали воевали в тылу врага по линии Четвертого управления НКВД-НКГБ СССР.

Для этого достаточно процитировать другой абзац из отчета:

«С февраля 1942 года и до конца Отечественной войны отрядом подготовлено и отправлено для диверсионно-разведывательной работы в тыл немецко-фашистских захватчиков 108 спецотрядов и групп общей численностью 2537 человек и единичных исполнителей более 50 человек – всего более 2580 человек»[\[230\]](#).

К сожалению, в данном документе ничего не сказано о судьбе остальных 104 спецотрядов. Часть из них, но не все, не были выведены за линию фронта, а использовались в ходе битвы за Москву в качестве минно-заградительных подразделений. Говоря другими словами, минировали подступы к столице и сам центр города. Еще несколько подразделений планировалось вывести за линию фронта, но в последний момент армейское командование решило их использовать в качестве стрелковых частей для захвата отдельных населенных пунктов. Несколько спецотрядов были переданы в оперативное подчинение армейскому командованию и военной контрразведке.

А как быть с теми, кто присоединился к спецотрядам уже непосредственно в тылу врага? Их учитывать или нет? С одной стороны, их нет в списке

военнослужащих ОМСБОНа или сотрудников НКВД-НКГБ. А с другой, они сражались на равных с прибывшими из-за линии фронта. Чем одни хуже других?

Поэтому каждый называет свою цифру. Например, бывший начальник УФСБ по Новгородской области генерал-майор Вячеслав Алексеевич Осин в своем докладе «Роль и место контрразведки в военной структуре органов госбезопасности», сделанном им в апреле 2000 года на прошедшей в Великом Новгороде научно-практической конференции «Контрразведка вчера и сегодня», сообщил:

«В начале войны для разведывательно-диверсионной работы была создана Особая группа при наркомате внутренних дел, личный состав которой насчитывал 25 тысяч человек...»^[231].

Интересно, а где такое количество народа можно было разместить в Москве? И чем должны были заниматься эти люди? Оборонять столицу, участвуя в уличных боях? Руководить партизанским движением? Так штат всего центрального аппарата НКВД был значительно меньше.

Если докладчик под термином «Особая группа» подразумевал всю структуру аппарата Второго отдела - Четвертого управления (с учетом республиканских и областных подразделений), то цифра явно завышена. Если считать численность всего штатного состава аппарата Второго отдела - Четвертого управления НКВД-НКГБ СССР и подчиненных ему республиканских и областных управлений и отделов, то едва ли наберется больше тысячи человек. Например, штат Четвертого отдела Ленинградского управления НКВД-НКГБ не

превышал 40 человек, как и штат соседнего с ним Четвертого управления Карельской ССР.

Допустим, цифра 25 тысяч человек включает себя и численность спецгрупп, действовавших в тылу противника по заданию подчиненных Павла Анатольевича Судоплатова. Хотя в этом случае цифра явно занижена. Количество бойцов в подразделении в среднем составляло от трех до тридцати человек. Среднее арифметическое - пятнадцать «партизан с Лубянки». Умножим эту цифру на 2222 и получим свыше 30 тысяч человек. Это без учета истребительных батальонов, которые тоже входили в структуру Второго отдела - Четвертого управления и были даже очень боеспособными подразделениями.

Об истребительных батальонах мало писали в нашей стране. И существует определенный стереотип. Для неспециалистов эти воинские формирования ассоциировались с дивизиями народного ополчения. Если последних, вместе с курсантами военных училищ, использовали в качестве «пушечного мяса» для прикрытия «дыр» в обороне Москвы, то первых - для отлова немецких парашютистов. Необученные, плохо вооруженные и негодные к строевой службе инвалиды безуспешно пытались поймать прекрасно подготовленных вражеских агентов, путаясь под ногами у доблестных сотрудников военной контрразведки, чекистов и милиционеров.

В жизни все было по-другому. Большинство бойцов истребительных батальонов прошло специальную военную подготовку, да и со здоровьем у них все в порядке. В действующую армию они не попали из-за того, что получили отсрочку (например, работая на важном производстве). Их планировалось использовать в качестве бойцов партизанских отрядов (после того, как районы их проживания займет противник). А, например, в Москве им предстояло, наравне с бойцами

2-й мотострелковой дивизии НКВД, участвовать в обороне каждого дома. Сложно представить, чтобы такое ответственное задание поручили людям, не способным держать оружие. Участников будущих уличных боев в столице специально обучили борьбе с танками, чем не владело большинство бойцов Красной Армии. Типичный пример – когда красноармейцы на передовой со связками противотанковых гранат бросались под бронетехнику противника. Хотя для уничтожения машины вполне хватило бы одной гранаты. Да и сам бы герой остался жив.

А на Кавказе истребительные батальоны значительно лучше, чем войска НКВД, не только боролись с бандитизмом, ловили вооруженных дезертиров и агентов немецкой разведки, но в качестве проводников и разведчиков участвовали в битве за Кавказский хребет. Объяснение этому простое. Они родились и выросли в горах, знали все тропы и имели горную подготовку. К тому же они были местными жителями и сразу могли обнаружить чужака.

Часть истребительных батальонов осенью 1941 года превратились в полноценные партизанские отряды. И отдельные формирования продолжали сражаться в тылу противника на протяжении всей войны. При этом часть из них все эти годы подчинялась республиканским и областным подразделениям Четвертого управления НКВД-НКГБ СССР.

Зачем автор подробно описывал процесс выяснения количества подчиненных главного героя нашей книги? На это мало кто обращает внимания, но, не имея специального военного образования, опыта партийной, административной или хозяйственной работы, Павел Анатольевич Судоплатов эффективно командовал этой массой людей! Говоря современным языком, продемонстрировал свои уникальные качества топ-менеджера. При этом во всех анкетах он указывал свое

воинское звание - «рядовой». Может, кто-нибудь из читателей напомним о его предыдущем опыте, например, о должности заместителя начальника внешней разведки и офицерском звании - «майор госбезопасности». Да, это было, вот только количество подчиненных у него было на пару порядков меньше (в 1940 году в центральном аппарате работало 695 человек, а 242 разведчика было командировано за границу^[232]), да и система была отлажена предшественниками. А система присвоения званий в ОГПУ-НКВД отличалась от существовавшей в Красной Армии.

О чем не писали в книгах

В Советском Союзе в мемуарах многочисленных «партизан»^[233] с Лубянки, хотя автор назвал бы этих людей профессиональными разведчиками, контрразведчиками или диверсантами, их командир – Павел Анатольевич Судоплатов – упоминается крайне редко. Аналогичным образом поступали авторы многочисленных художественно-документальных очерков, повестей и романов о чекистах, воевавших за линией фронта. Даже когда мы натываемся на фигуру главного героя нашей книги, то авторы маскируют его под безымянного генерала или руководителя управления НКВД, а то и просто большого начальника, который по собственной инициативе отправляет желающих повоевать в партизанских отрядах за линией фронта. И дело не только в специфичном отношении к нему со стороны руководства страны (вспомним о его судимости), но и в официальной истории Великой Отечественной войны. Согласно ей, инициатором развертывания партизанского движения в тылу врага был сам народ. При этом дозволялось лишь говорить о руководящей и направляющей роли партии в этом процессе.

Да и сами «партизаны», если верить авторам большинства публикаций тех лет, за линию фронта решили отправиться по собственной инициативе. Написали рапорта на имя своего руководства, начальство рассмотрело заявления и приняло решение поддержать инициативу, сформировать из нее отряд (если много желающих) или спецгруппу (если мало), выдать рацию, обучить прыжкам с парашютом и отправить на выполнение боевого задания в тыл врага.

Вот как, например, в своей книге «На тревожных перекрестках. Записки чекиста» описал эту процедуру Герой Советского Союза Станислав Алексеевич Ваупшасов. В марте 1942 года во главе спецотряда «Местные» (численность 35 человек) Четвертого Управления НКВД СССР он был выведен на территорию оккупированной немцами Минской области Белоруссии, где с 1943 по 1944 год возглавлял партизанскую сеть под Минском, был членом подпольного обкома ВКП(б). Считался одним из крупнейших специалистов по террористическим и диверсионным операциям. В Москву вернулся в июле 1944 года.

В сентябре 1941 года он вернулся в столицу СССР из командировки в Финляндию и Швецию, где трудился в легальной резидентуре советской внешней разведки. А вот что произошло дальше.

«Прямо с вокзала я поехал в Народный комиссариат внутренних дел, чтобы отчитаться о проделанной работе и получить новое задание. Отчет не занял много времени, руководство наркомата было хорошо осведомлено о результатах моего пребывания за рубежом. Поблагодарив за службу, начальник управления генерал Григорьев (в сентябре 1941 года Павел Анатольевич Судоплатов руководил Вторым отделом, а не Управлением. - Прим. авт.) перешел к сегодняшним делам.

- Где хочешь воевать? - спросил он. - На Украине или в Белоруссии?

Речь шла о работе в тылу врага. Я выбрал Белоруссию. С нею у меня связана половина жизни. В гражданскую войну я два года сражался там на Западном фронте, пять провел в западнобелорусских партизанских отрядах, после учебы, на исходе 1929 года, был

направлен в Минск и служил в нем и других городах Белоруссии до середины 30-х годов.

Генерал Григорьев должен был знать все это из моего личного дела.

- Помню, помню, - сказал он, - ты же у нас почти коренной белорус. Отлично. Пойдешь туда не один и не вдвоем, а во главе разведывательно-диверсионного оперативного отряда численностью человек восемьдесят. Отдохни денек с дороги и поезжай в Подмоскowie, где мы по заданию ЦК партии готовим кадры для заброски в тыл противника. Изучи людей, сформируй отряд и приготовься к десантированию.

- Слушаюсь, товарищ генерал. Скажите, а как там вообще обстоит с партизанским движением?

- По имеющимся у меня сведениям...»[\[234\]](#)

А дальше главный герой нашей книги (обратим внимание на дату - сентябрь 1941 года) подробно рассказывает о ситуации, сложившейся на территории республики к осени 1942 года. Провидческий дар Павла Анатольевича Судоплатова объясняется просто - автору цитируемых мемуаров нужно было продемонстрировать размах и мощь партизанского движения в тылу противника, а осенью 1941 года оно было эффективным только в многочисленных отчетах партийных, военных и чекистских органов. Партизан в тылу врага выведено и оставлено было много, но из-за слабой подготовки, а также отсутствия радиосвязи эти подразделения оказались малоэффективными. Не многие из них смогли пережить первую военную зиму. Да и сам автор цитируемых мемуаров попал за линию фронта только в марте 1942 года. Чем же он занимался полгода, когда находился на незанятой противником территории?

Ответ прост - был заместителем командира 4-го батальона 2-го полка ОМСБОНа. Почему Павел Анатольевич Судоплатов не смог сразу отправить профессионального организатора партизанского движения и разведчика-диверсанта за линию фронта - об этом мы подробно расскажем ниже. Отметим лишь, что отряд в количестве 80 человек был сформирован, но вместо отправки за линию фронта он участвовал в обороне Москвы. Продолжим цитировать мемуары будущего командира спецотряда «Местные».

«...С первых дней оккупации воюет во главе партизанского отряда ваш товарищ по 20-м - 30-м годам и по Испании Василий Захарович Корж...

Все рассказанное генералом было крайне интересно, но особенно меня взволновало сообщение о старом боевом друге Василии Корже. Плечом к плечу с ним, с Кириллом Орловским и Александром Рабцевичем я прошел по всем военным дорогам своей жизни. В первой половине тридцатых годов мы участвовали в подготовке партизанских отрядов на территории Белоруссии. Тогда высшее военное руководство не исключало возможности вторжения империалистических захватчиков на советскую землю и в мудром предвидении такого оборота дел заранее готовило во многих пограничных республиках и областях базу для развития партизанской борьбы. В Белорусской ССР было сформировано шесть отрядов: Минский, Борисовский, Слуцкий, Бобруйский, Мозырский и Полоцкий. Численность их устанавливалась в 300-500 человек, у каждого имелся свой штаб в составе начальника отряда, его заместителя, заместителя по политчасти,

начальника штаба, начальника разведки и помощника начальника отряда по снабжению.

Бойцы и командиры отрядов были членами и кандидатами партии, комсомольцами, участниками гражданской войны. Весь личный состав был обучен методам партизанских действий в специальных закрытых школах. В них готовились подрывники-минеры, пулеметчики и снайперы, парашютисты и радисты.

Кроме основных формирований для борьбы в тылу врага, в городах и на крупных железнодорожных узлах были созданы и обучены подпольные диверсионные группы.

В белорусских лесах для каждого партизанского отряда были сделаны закладки оружия и боеприпасов. Глубоко в землю зарыли надежно упакованные толовые шашки, взрыватели и бикфордов шнур для них, патроны, гранаты, 50 тысяч винтовок и 150 ручных пулеметов. Разумеется, эти склады рассчитывались не на первоначальную численность партизанских подразделений, а на их бурный рост в случае войны и вражеской оккупации.

Орловский, Корж, Рабцевич и я были назначены командирами четырех белорусских отрядов и вместе с их личным составом деятельно готовились к возможным военным авантюрам наших потенциальных противников»^[235].

Лаконичная ремарка. Двумя оставшимися отрядами командовали Артур Карлович Спрогис^[236] и Софрон Макаревич. О втором известно лишь, что в начале двадцатых годов прошлого века он участвовал в

партизанском движении на территории Западной Белоруссии. Сложно сказать, как сложилась его дальнейшая судьба. Мог погибнуть в период репрессий 1937 года или в первые месяцы Великой Отечественной войны, когда, как и Василий Корж, попытался организовать партизанский отряд из местных жителей.

«В 1932 году под Москвой командование провело секретные тактические учения – Бронницкие маневры с высадкой в тылу “неприятеля” парашютного десанта. Отрядом десантников довелось командовать мне.

В маневрах участвовали дивизия особого назначения войск НКВД, Высшая пограничная школа, академии и училища Московского военного округа. На учениях присутствовали прославленные полководцы гражданской войны К. Е. Ворошилов и С. М. Буденный.

Работа по заблаговременной подготовке партизанской борьбы отличалась высокой организованностью, содержательностью и глубокой предусмотрительностью. Мои товарищи и я не жалели сил, времени, самих себя для образцового выполнения всех оборонных мероприятий, связанных с этой подготовкой.

Тем большее недоумение вызвала у нас отмена сделанного ранее. В конце 30-х годов, буквально накануне второй мировой войны, партизанские отряды были расформированы, закладки оружия и боеприпасов изъяты. Ошибочность этого решения стала особенно явственной в 1941 году, с началом немецко-фашистской агрессии; но и в момент его появления на свет нам, участникам описанных

мероприятий, уже было понятно, что оно принято в ущерб обороноспособности страны.

В те грозные предвоенные годы возобладала доктрина о войне на чужой территории, о войне малой кровью. Сама по себе, абстрагированная от конкретно-исторической обстановки, она, разумеется, не вызвала никаких возражений, имела ярко выраженный наступательный, победоносный характер. Однако проверку реальной действительностью эта доктрина не выдержала и провалилась уже в первые дни Великой Отечественной войны.

Не берусь утверждать, что заранее созданные, хорошо обученные и оснащенные партизанские подразделения смогли бы коренным образом изменить ход войны в нашу пользу. Это, конечно, утопия. Ленинизм учит, что партизанские силы являются вспомогательными и лишь способствуют успеху основных вооруженных сил страны.

Нет слов, шесть белорусских отрядов не смогли бы своими действиями в тылу врага остановить продвижение мощной немецкой армейской группировки, наступающей на Москву. Но замедлить его сумели бы! Уже в первые недели гитлеровского вторжения партизаны и подпольщики парализовали бы коммуникации противника, внесли бы дезорганизацию в работу его тылов, создали бы второй фронт неприятелю. Партизанское движение Белоруссии смогло бы быстрее пройти стадию организации, оснащения, накопления опыта и уже в первый год войны приобрести тот могучий размах, который оно имело в 1943-1944 годах.

Само собой понятно, что всего этого я не сказал тогда начальнику управления, времени у него было в обрез, он работал круглосуточно и спал урывками в комнате, примыкающей к служебному кабинету.

- Включи в отряд радистов, лекаря, переводчика. Обязательно найди уроженцев Минска и Минской области, с ними тебе легче будет завязывать связи с местным населением, партизанами, подпольщиками и подпольными партийными органами. Звать мы тебя будем... - генерал задумался над новой моей, седьмой по счету, конспиративной фамилией. - Давай так: майор Ваупшасов станет майором Виноградовым, - предложил он. - Скромно и звучно. Идет?

- А нельзя ли покороче, товарищ генерал? Чтоб шифровальщикам каждый раз не проставлять лишних знаков в радиограммах. Все же четыре слога, десять букв.

- Короче так короче! - согласился начальник управления. - Режем пополам и получаем безалкогольный вариант той же фамилии. Градов. Коротко, но веско: майор Градов! Ну, как?

- Согласен, товарищ генерал, в самый раз.

- Тогда ступай, майор Градов, а я закажу тебе документы на это имя. Меня в донесениях будешь называть «товарищ Григорий», просто и по-домашнему.

Он ласково улыбнулся красными от бессонницы глазами. Тяжелая, смертельная усталость лежала на его интеллигентном лице, и я сквозь свою собственную усталость и нервную напряженность после европейских странствий впервые ощутил, какой

неизмеримый груз лег на плечи моих соотечественников с началом войны.

Я тоже рвался в дело. Всю взрослую сознательную жизнь, с 1917 года, я непрерывно находился в состоянии войны против старого мира. Редкие передышки сменялись новыми боевыми заданиями, и вот настало время самого решительного, самого отчаянного сражения. Профессиональные разведчики и кадровые военные поймут мое тогдашнее состояние нетерпеливого, знобящего ожидания опасности, риска, удачи.

- Желаю успехов, Станислав Алексеевич!

Генерал пожал мне руку, говоря еще какие-то бодрые и обнадеживающие слова, а в глазах у него была тревожная тоска и озабоченность...»[\[237\]](#).

Если завтра война

На самом деле в первые месяцы Великой Отечественной войны все было по-другому. Об этом не принято говорить, но уже в мае 1941 года советские органы госбезопасности были готовы к работе в условиях военного времени. Заранее были подготовлены планы организации работы в «особый период». Их наличие позволило в течение нескольких часов утром 22 июня 1941 года перевести работу Лубянки из «мирного» в «боевой» режим и не допустить неразберихи, когда чекисты на местах не знали, что делать. Другое дело, что все разработанные мероприятия не были рассчитаны на вероломное нападение Германии и серию поражений Красной Армии в пограничных сражениях.

Руководство НКГБ СССР разослало заранее подготовленные указания на места: привести в мобилизационную готовность весь оперативно-чекистский аппарат (планы в опечатанных конвертах хранились в сейфах начальников всех подразделений); арестовать всех «разрабатываемых контрреволюционных и шпионских элементов»; организовать охрану важнейших промышленных предприятий, железнодорожных узлов, мостов, банков и т. п. Все эти указания содержались в Директиве НКГБ СССР № 127/5809, датированной 9 часами 10 минутами утра 22 июня 1941 года. Маловероятно, что директива была подготовлена за пять часов, прошедших с начала нападения Германии на СССР.

Чекисты на местах вскрыли запечатанные конверты и начали действовать. Например, в Москве и Московской области сотрудники НКВД и НКГБ должны были арестовать: 161 германского, 34 японского и 6

итальянских шпионов. Этих людей подозревали в сотрудничестве с иностранными разведками, но не имели достаточных оснований для их ареста в мирное время. Также 150 автоинспекторов должны были «обеспечить войсковую мобилизацию автотранспорта», говоря другими словами, часть машин государственных организаций была передана в распоряжение Красной Армии.

Через два дня, 24 июня 1941 года, руководители прифронтовых республиканских и областных управлений НКГБ СССР получили новую директиву о задачах органов госбезопасности прифронтовых областей. Она дополняла содержание предыдущей директивы № 127/5809 и содержала набор новых указаний. Нам интересен пункт восьмой пункт этого документа. Прочитываем его.

«Не ослаблять работу с агентурой, тщательно проверять полученные материалы, выявлять двурушников и предателей в составе агентурно-осведомительной сети.

Агентуру проинструктировать: в случае отхода наших войск оставаться на местах, проникать вглубь расположения войск противника, вести подрывную диверсионную работу. При возможности обуславливать формы и способы связи с ними»^[238].

Фактически это означало признание необходимости начать партизанскую борьбу в тылу наступающего противника. Возможно, что такое решение нарком госбезопасности Всеволод Николаевич Меркулов, подписавший эту директиву, принял по собственной инициативе. Таким образом, 24 июня 1941 года сотрудники НКГБ получили указание начинать

создавать партизанские отряды на оккупированной врагом территории Советского Союза.

А чем занимался заместитель начальника Первого управления НКГБ СССР Павел Анатольевич Судоплатов в эти дни? По мнению многих журналистов – начал активно организовывать партизанское движение в тылу врага. Ведь он руководил созданной еще до начала войны Особой группой, которая подчинялась наркому внутренних дел Лаврентию Берии.

Действительно, главный герой нашей книги в своих воспоминаниях пишет, что 17 июня 1941 года Лаврентий Берия приказал ему начать создание Особой группы из числа сотрудников разведки.

«Она должна осуществлять разведывательно-диверсионные акции в случае войны. В данный момент нашим первым заданием было создание ударной группы из числа опытных диверсантов, способной использовать любые провокационные инциденты на границе как предлог для начала войны»^[239].

Вместе с тем «речь шла не только о предотвращении широкомасштабных провокаций, но и о развертывании разведывательно-диверсионной работы в ближайших тылах немецких соединений, если они перейдут границу»^[240].

Это две цитаты не противоречат друг другу. В первом случае речь о предотвращении возможной провокации со стороны Третьего Рейха. А во втором случае – о действии разведывательно-диверсионных групп в тылу наступающего противника. При этом предполагалось использовать опыт Гражданской войны в Испании, советско-финской войны 1940 года, а также «наработки» главного противника – Третьего Рейха.

Небольшая ремарка. Автор не считает, что Иосиф Сталин первым планировал напасть на Адольфа Гитлера.

В качестве примера такой провокации можно вспомнить историю начала Второй мировой войны. Группа немецких диверсантов, одетая в униформу военнослужащих польской армии, захватила германскую радиостанцию, расположенную вблизи немецко-польской границы.

В такой ситуации от Павла Анатольевича Судоплатова требовалось сформировать команду диверсантов, способную нейтрализовать деятельность «коллег» противника. Затем эти подразделения должны были создавать хаос в тылу наступающих войск Вермахта. Ни о какой организации партизанского движения речи не велось. Таким образом, до начала Великой Отечественной войны Судоплатов не занимался разработкой планов по организации партизанского движения. Да и не мог он этим заниматься, т. к. сама мысль о возможности многодневной оккупации территории Советского Союза воспринималась как антисоветская и противоречила мнению Иосифа Сталина.

Да и сам Павел Анатольевич Судоплатов спустя много лет утверждал, что в момент формирования Особой группы у руководства органов госбезопасности отсутствовала целостная концепция ведения борьбы в тылу противника. Вопросы подчиненности будущих диверсионных групп, их цели и задачи только прорабатывались, причем «чисто теоретически»^[241]. Также была непонятна ведомственная принадлежность будущих диверсантов. Формально главный герой нашей книги находился в подчинении у начальника Первого управления НКГБ Павла Михайловича Фитина и наркома госбезопасности Всеволода Николаевича Меркулова. С

другой стороны, возглавляемая им Особая группа напрямую подчинялась другому наркому – Лаврентию Берии, который руководил НКВД СССР и одновременно курировал деятельность несколько ведомств, в т. ч. и НКГБ СССР. А отношения между двумя наркочленами сложно назвать дружественными или партнерскими. Так что Павел Анатольевич Судоплатов оказался в сложном положении.

Единственное, что удалось сделать главному герою нашей книги, – получить одобрение наркомов НКВД и НКГБ на предложение создать при Особой группе специального боевого резерва численностью 1200 человек из состава пограничных и внутренних войск и четырех батальонов диверсионного назначения с дислокацией на Украине, Белоруссии, Прибалтике и Московской области^[242]. Судьба диверсантов неизвестна. Возможно, большинство из них погибли в первые дни и месяцы войны во время пограничных сражений. Хотя кто-то мог уцелеть и в качестве бойца или командира спецотряда Второго отдела – Четвертого управления НКВД сражаться за линией фронта.

Мы бы не стали утверждать, что Павел Анатольевич Судоплатов придумал что-то принципиально новое. Такая схема доказала свою эффективность еще в период Гражданской войны в Испании. Там в составе республиканской армии был XIV специальный корпус, состоящий из четыре «дивизий» (каждая численностью 500–600 человек), дислоцированных на Каталонском, Центральном и Южном фронтах. Бойцы этих подразделений занимались исключительно диверсиями в тылу врага. Также нужно учитывать, что главный герой нашей книги координировал деятельность Особой группы с Пятым (диверсионным) отделом Разведывательного управления Генштаба РККА. А это подразделение возглавлял ветеран Гражданской войны

в Испании полковник Хаджи-Умар Джиорович Мамсуров. Возможно, что именно он и предложил такую структуру «спецназа» органов госбезопасности.

Идею создания специального подразделения, действующего за линией фронта, еще 22 июня 1941 года во время встречи с Иосифом Сталиным высказал генеральный секретарь ИККИ (Исполнительный комитет коммунистического интернационала - Коминтерна) Георгий Димитров. На следующий день на совещании с группой болгарских революционеров-эмигрантов он сообщил, что предложил советскому правительству сформировать специальную бригаду из политэмигрантов (испанцев, немцев, поляков, итальянцев, французов и других) численностью около тысячи человек. «Часть товарищей, я думаю, надо включить в состав интернациональной бригады для непосредственного участия в военных операциях на фронте, другую - использовать в глубоком тылу немецко-фашистских войск в качестве бойцов так называемого «тихого» фронта»^[243]. Последовавшие за этим события доказали правильность его предложения. Созданное подразделение действительно использовалось не только в тылу противника, но и на передовой. Вот только в его составе сражались не только политэмигранты, но и люди, родившиеся и прожившие всю жизнь на территории Советского Союза. Хотя, если бы не стремительное отступление Красной армии летом-осенью 1941 года, то ОМСБОН был бы создан в виде интернациональной бригады.

Осознание того, что на территории Советского Союза придется организовывать партизанское движение, к руководству страны пришло только через неделю после начала Великой Отечественной войны. Соответственно, центральный аппарат органов госбезопасности не предпринимал соответствующих

действий, за исключением цитируемой выше директивы наркома НКГБ, где речь шла об оставлении агентуры на оккупированной территории. Маловероятно, что Павел Анатольевич Судоплатов решился проявить инициативу и начать заниматься вопросами организации партизанского движения без приказа сверху. У него, как у заместителя руководителя советской внешней разведки, были более важные задачи. Нужно было срочно перестраивать работу центрального аппарата и зарубежных резидентур с учетом кардинально изменившейся ситуации в мире.

Рождение партизанского движения

В опубликованной 29 июня 1941 года в секретной Директиве СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Партийным и советским организациям прифронтовых областей» предписывалось:

«В занятых врагом районах создавать партизанские отряды и диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской борьбы всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога складов и т. п.».

Были указаны и ответственные за создание партизанских отрядов – секретари райкомов и обкомов. А в качестве командиров подразделений «народных мстителей» предписывалось назначать «лучших людей».

Мы не будем критиковать эту директиву как не отвечающую теории партизанской борьбы. Отметим лишь, что в день ее написания ситуация в западных областях СССР была катастрофической. Накануне пал Минск, рухнул Западный фронт. На Юго-Западном фронте поражением завершилось танковое встречное сражение в районе Дубно – Луцк – Броды, советские войска стремительно отступали вглубь страны. Период приграничных боев закончился. Возникла острая необходимость мобилизации всех ресурсов. Отдельные исследователи обращают внимание на то, что документ местами имеет сходство с указаниями Владимира Ильича Ленина периода Гражданской войны. Это свидетельствует не только о спешности при подготовке

документа (пришлось в качестве образца использовать «наработки» двадцатилетней давности), но и об отсутствии свежих «наработок». Это косвенно свидетельствует: Павел Судоплатов в первые дни войны занимался всем, кроме разработки основ для организации партизанской борьбы. И не его в этом вина. Просто не было приказа от руководства органов госбезопасности. А оно ждало распоряжений из Кремля. А они последовали только спустя неделю после начала Великой Отечественной войны.

Задачи Особой группы были в очередной раз серьезно скорректированы после издания Директивы НКГБ СССР о развертывании агентурно-оперативной работы органов госбезопасности от 1 июля 1941 года. В ней, в отличие от Директивы СНК СССР и ЦК ВКП(б), были четко расписаны задачи сотрудников НКГБ по организации партизанских отрядов на оккупированной врагом территории.

Этот документ интересен еще и тем, что его активно использовал Павел Анатольевич Судоплатов летом-осенью 1941 года, когда участвовал в организации партизанского движения.

В Директиве указывалось:

«...чекистский аппарат, как гласный (кадровые сотрудники НКГБ. – Прим. авт.), так и секретный, должен быть подготовлен для активной борьбы с врагом в любых условиях, в том числе и подпольных.

В этих целях приказываю немедленно приступить к осуществлению следующих мероприятий...»

... и далее в десяти разделах были подробно расписаны задачи чекистов.

В первом разделе говорилось о том, что «весь негласный штатный аппарат НКГБ, сохранившийся от расшифровки, подготовить для оставления на территории, в случае занятия ее врагом, для нелегальной работы против захватчиков». Указывалось на необходимость разделения его на отдельные резидентуры и заблаговременное определение способов связи. Основная задача подпольных структур – «организация диверсионно-террористической и разведывательной работы против врага». Правильный пункт, вот только большинство этих людей, по разным причинам, были нейтрализованы спецслужбами противника осенью 1941 года.

Во втором разделе говорилось о принципах отбора в такие резидентуры. В частности, кроме «преданности делу Ленина – Сталина» от человека требовалось умение владеть оружием и способность решать поставленные перед ним задачи. Как показал опыт войны, этих требований было недостаточно.

В третьем разделе указывалось на необходимость снабдить этих людей не только «соответствующими фиктивными документами», но и средствами борьбы и связи. Если с оружием и боеприпасами все было более или менее ясно, они имелись в наличии или отсутствовали, то со средствами связи положение было катастрофическое. Не было в июле 1941 года компактных радиостанций, пригодных к использованию за линией фронта в условиях подполья или партизанского отряда.

В четвертом разделе говорилось об использовании на подпольной работе кадровых сотрудников госбезопасности. Разработчики документа говорили о «допустимости перевода на нелегальное положение», но «при условии обеспечения тщательной зашифровки этого мероприятия в каждом отдельном случае». Указывалось, что они обычно переводятся на

нелегальное положение в местностях, где они мало известны населению.

А вот этот пункт был грубо нарушен при организации подполья в Москве. Сотрудница Особой группы Зоя Ивановна Рыбкина-Воскресенская в своей книге «Теперь я могу сказать правду» призналась, что в случае захвата столицы Советского Союза Вермахтом ей бы пришлось остаться в городе на нелегальном положении и исполнять роль сторожихи на железнодорожном переезде. Если учесть, что ее знали многие подпольщики – она инструктировала их, – то шансов выжить у нее было мало. Да и ценной добычей она бы стала для контрразведки противника. Также нужно учитывать, что в Берлине ее знали как кадрового сотрудника советской внешней разведки.

Кто был инициатором использования на подпольной работе этой женщины – сейчас мы этого уже не узнаем.

Пятый раздел Директивы предписывал подготовку конспиративных квартир и явочных пунктов.

В шестом разделе документа указывалось, что «в качестве одного из методов зашифровки агентуры... практиковать фиктивные аресты и заключения в тюрьму якобы за антигосударственные преступления отдельных влиятельных агентов, осведомителей». Пункт сам по себе хороший, но времени на его реализацию было катастрофически мало.

В седьмом разделе говорилось о сотрудничестве между НКВД и НКГБ. «В качестве основной задачи, перед работниками НКГБ, переводимыми на нелегальное положение, необходимо ставить задачу по организации совместно с органами НКВД партизанских отрядов, боевых групп для активной борьбы с врагом».

Восьмой раздел содержал указание о необходимости оказания «всемерной помощи Красной Армии в ее борьбе с наступающими врагами».

Девятый и десятый разделы частично повторяли указания предыдущих Директив [\[244\]](#).

О необходимости партизанской борьбы Иосиф Сталин объявил гражданам СССР в своем выступлении по радио 3 июля 1941 года. Смелый и вынужденный поступок. Фактически это означало, что Вождь признавал: положение на фронте критическое, и часть страны будет оккупирована противником.

Особая группа

Официально Особая группа при наркомате внутренних дел СССР была создана согласно Приказу НКВД СССР № 00882 от 5 июля 1941 года и подчинялась непосредственно народному комиссару внутренних дел Лаврентию Берии.

Эту структуру возглавил старший майор госбезопасности Павел Анатольевич Судоплатов, а его заместителем тем же приказом назначили заместителя начальника Первого управления НКВД СССР Наума Исааковича Эйтингона^[245] и заместителя начальника 2-го (дальневосточного) отдела Первого управления НКВД СССР старшего майора госбезопасности Николая Дмитриевича Мельникова^[246].

Основные задачи Особой группы:

- разработка и проведение разведывательно-диверсионных операций против гитлеровской Германии и ее сателлитов;
- организация подпольной и партизанской войны;
- создание нелегальных агентурных сетей на оккупированной территории;
- руководство специальными радиоиграми с немецкой разведкой с целью дезинформации противника^[247].

Последняя задача так и не была выполнена в полном объеме.

Малоизвестный факт. Когда 20 июля 1941 года НКВД и НКГБ были объединены в единый наркомат – НКВД, Лаврентий Берия 30 июля 1941 года подготовил документ под названием «Структура народного комиссариата внутренних дел Союза ССР». В нем была подробно расписана структура нового ведомства. Место нашлось всем подразделениям, кроме Особой

группы^[248]. Не было намека на существование этого подразделения и в Приказе НКВД СССР № 00983 от 31 июля 1941 года, где была объявлена структура центрального аппарата НКВД СССР. Там было лишь указано на существование (на правах административно-оперативного управления) Штаба истребительных батальонов НКВД^[249]. А Особая группа, в качестве самостоятельного отдела, заняла свое «официальное» место в структуре центрального аппарата НКВД только 3 октября 1941 года^[250]. Одно из объяснений этого – сотрудникам Второго отдела пришлось заниматься более важными вещами, чем организация партизанского движения на оккупированных территориях и борьба с парашютистами противника. Над Москвой нависла реальная угроза ее захвата немцами, и нужно было организовывать ее защиту. Понятно, что статус Второго отдела НКВД СССР больше подходил для решения таких задач, чем статус Особой группы при Наркоме.

Борьба с парашютными десантами

Выше мы писали о том, что Павел Анатольевич Судоплатов начал заниматься организацией партизанского движения с 5 июля 1941 года, когда был назначен руководителем Особой группы. А до этого ему пришлось решать другую важную задачу – организацию борьбы с парашютными десантами противника.

В постановлении СНК СССР от 24 июня 1941 года «О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе» указывалось, что на «органы НКВД возложена организация борьбы против парашютных диверсантов на территории Ленинградской области, Мурманской области, Калининской области, Карело-Финской республики, Украины, Белоруссии, Эстонской, Латвийской, Литовской и Молдавской ССР, Крымской Автономной республики, Ростовской области, Краснодарского края, западной части Грузинской ССР».

Также было указано, что при «городских, районных, уездных отделах НКВД», дислоцированных на указанных выше территориях, необходимо «создать истребительные батальоны численностью 100-200 человек из числа проверенного партийного, комсомольского и советского актива, способного владеть оружием».

Когда проект постановления прочел Иосиф Сталин, то он вписал от руки такой пункт:

«Руководство истребительными батальонами возложить на заместителя председателя СНК СССР наркомвнудела т. Берия»^[251].

Фактически Иосиф Сталин назначил персонально ответственного за организацию и руководство деятельностью истребительных батальонов. Понятно,

что сам нарком внутренних дел не мог лично заниматься этим вопросом, требовалось поручить это доверенному лицу, в чьих организаторских и административных способностях он не сомневался. Нужно было учитывать еще и тот факт, что на местах от центрального аппарата ждали конкретный указаний. Ведь требовалось не только сформировать истребительные батальоны, но и разработать тактику их эффективного использования.

В подписанном Лаврентием Берией 26 июня 1941 года приказе № 00894 было указано, что Штаб по организации истребительных батальонов должен возглавить начальник Оперативно-разведывательного управления Главного управления пограничных войск СССР генерал-майор Гавриил Александрович Петров. Этот пост он занимал до 1944 года. А его заместителем был назначен Павел Анатольевич Судоплатов [\[252\]](#).

Одна из возможных причин, объясняющих, почему именно главному герою нашей книги и его команде поручили руководить этим направлением в работе органов госбезопасности, связана со спецификой деятельности Особой группы в предвоенный период. Напомним, что сотрудники этого подразделения занимались вопросами организации диверсионной деятельности в тылу врага. Следовательно, они способны разработать перечень антидиверсионных мероприятий. В этом есть своя логика.

Хотя могло быть и более прозаическое объяснение. На тот момент Павел Анатольевич Судоплатов обладал необходимым административным опытом, пользовался доверием Лаврентия Берии и в то же время не мог быть привлечен к работе по другим основным направлениям деятельности НКВД. Например, по линии контрразведки.

Рождение Четвертых отделов

Приказом НКВД СССР от 25-го (по другим данным, от 26-го) августа 1941 года оперативные группы местных органов госбезопасности, призванные противостоять парашютным десантам и диверсантам противника, были преобразованы в Четвертые отделы Управлений НКВД прифронтовых республик, краев и областей, оперативно подчиненные Особой группе при НКВД СССР.

В тот же день, 26 августа 1941 года, приказом по Наркомату был определен порядок взаимодействия с ней оперативных, технических и войсковых подразделений и соединений органов госбезопасности и внутренних дел. К этому следует добавить, что Второй отдел НКВД СССР был единственными из подразделений центрального аппарата, который не эвакуировали из Москвы в Куйбышев в октябре 1941 года.

В конце августа 1941 года были окончательно определены конкретные боевые задачи, поставленные перед Особой группой Верховным командованием и руководством НКВД СССР.

В области разведывательной деятельности было приказано сосредоточиться на сборе и передаче командованию Красной Армии по линии НКВД разведданных о противнике:

- о дислокации, численном составе и вооружении его войсковых соединений и частей;
- о местах расположения штабов, аэродромов, складов и баз с оружием, боеприпасами и ГСМ;
- о строительстве оборонительных сооружений;
- о режиме политических и хозяйственных мероприятий немецкого командования и оккупационной

администрации.

В области диверсионной деятельности следовало добиться:

- нарушения работы железнодорожного и автомобильного транспорта, срыва регулярных перевозок в тылу врага;

- вывода из строя военных и промышленных объектов, штабов, складов и баз вооружения, боеприпасов, ГСМ, продовольствия и прочего имущества;

- разрушения линий связи на железных, шоссейных и грунтовых дорогах, узлов связи и электростанций в городах и других объектах.

В области контрразведывательной работы (совместно с особыми отделами Красной Армии) следовало:

- установить места дислокации разведывательно-диверсионных и карательных органов немецких спецслужб, школ подготовки агентуры, их структуру, численный состав, системы обучения агентов, пути их проникновения в части и соединения Красной Армии, партизанские отряды и советский тыл;

- выявлять вражеских агентов, подготовленных к заброске или заброшенных в советский тыл, а также оставляемых в тылу советских войск после отступления немецкой армии;

- установить способы связи агентуры противника с его разведцентрами;

- проводить систематические мероприятия по разложению частей, сформированных из добровольно перешедших на сторону врага военнослужащих Красной Армии, военнопленных и насильственно мобилизованных жителей оккупированных территорий;

- ограждать партизанские отряды от проникновения вражеской агентуры, проводить ликвидацию наиболее опасных пособников врага и по возможности

представителей оккупационной администрации, ответственных за карательные действия фашистских властей и военного командования по отношению к партизанам и местному населению [\[253\]](#).

От Особой группы ко Второму отделу

В связи с расширением объемов работы Особая группа 3 октября 1941 года согласно Приказу НКВД СССР № 001435 «Об организации 2-го отдела НКВД СССР» была реорганизована в самостоятельный отдел НКВД СССР. При этом в оперативном подчинении у созданного подразделения остались Четвертые отделы областных УНКВД.

При этом был сохранен особый статус новой структуры – она подчинялась непосредственно наркому внутренних дел Лаврентию Берию. Также на своем посту остался Павел Анатольевич Судоплатов и один из его заместителей – Николай Дмитриевич Мельников^[254]. А вот другой его заместитель, Наум Исаакович Эйтингон, уехал в зарубежную командировку в Турцию. Вместе со своими коллегами Георгием Ивановичем Мордвиновым и Иваном Винаровым он должен был организовать в Анкаре убийство германского посла Франца фон Папена. Успешно выполнить задание им не удалось^[255]. Подробнее об этой операции будет рассказано ниже. Место отбывшего в спецкомандировку занял бывший заместитель наркома внутренних дел Грузии майор госбезопасности Варлаам Александрович Какучая^[256].

Второй отдел НКВД СССР состоял из 16 отделений, из них 14 – оперативные региональные отделения, в задачу которых входила организация разведывательно-диверсионной работы за кордонами в районах, непосредственно примыкающих к театру военных действий, а также в районах возможного нападения противника (Япония, Турция и т. п.).

Для оптимизации координации деятельности территориальных Четвертых управлений и отделов 10 ноября 1941 года в составе Второго отдела НКВД СССР было создано прифронтовое отделение [\[257\]](#).

Основные задачи Второго отдела НКВД СССР и подчиненных ему Четвертых управлений и отделов республиканских и областных подразделений НКВД:

- формирование в крупных населенных пунктах, захваченных противником, нелегальных резидентур и обеспечение надежной связи с ними;

- восстановление контактов с ценной проверенной агентурой органов госбезопасности, оставшейся на временно оккупированной советской территории;

- внедрение проверенных агентов в создаваемые противником на захваченной территории антисоветские организации, разведывательные, контрразведывательные, административные органы;

- подбор и переброска квалифицированных агентов органов госбезопасности на оккупированную врагом территорию в целях их дальнейшего проникновения на территорию Германии и других европейских стран;

- направление в оккупированные противником районы маршрутной агентуры с разведывательными и специальными задачами;

- подготовка и переброска в тыл врага разведывательно-диверсионных групп и обеспечение надежной связи с ними;

- организация в районах, находящихся под угрозой вторжения противника, резидентур из числа преданных и проверенных на оперативной работе лиц;

- обеспечение разведывательно-диверсионных групп, одиночных агентов, специальных курьеров и маршрутных агентов оружием, средствами связи и соответствующими документами [\[258\]](#).

Отдельно следует отметить тот факт, что сотрудники Второго отдела готовили методические пособия для разведчиков и диверсантов. Например, инструкцию «по изготовлению зажигательных средств» в качестве учебного пособия при обучении подрывному делу членов 125 «боевых диверсионных групп», котором предстояло сражаться с врагом в Сталинградской области и самом городе [\[259\]](#).

Организация подполья в населенных пунктах

Второй отдел НКВД СССР осенью 1941 года срочно начал создавать резидентуры в крупных населенных пунктах, которые были оккупированы врагом. При этом приоритет был за южным направлением. Это объяснялось тем, что немцы планировали использовать южные порты, в частности Одессу и Николаев, как транзитные пункты для вывоза сырья в Турцию, после того как операции немцев на Ближнем Востоке будут успешно развиваться.

В спешном порядке была укомплектована резидентура Владимира Александровича Молодцова в Одессе и Виктора Александровича Лягина (оперативные псевдонимы «Корнев» и «Форт») в Николаеве. Затем начала действовать резидентура Ивана Кудри (оперативный псевдоним «Максим») в Киеве. К сожалению все трое чекистов погибли и посмертно удостоены звания Героев Советского Союза. По утверждению Павла Анатольевича Судоплатова, первые две резидентуры «были нацелены на выполнение разведывательно-диверсионных операций в тылу противника: должны были отслеживать, как используются порты, выводить из строя судоверфи, чтобы захваченное противником зерно не шло через эти города для нужд немецкой армии».

В Житомире попытка создать резидентуру в первые месяцы войны закончилась неудачей. Будущий резидент Иван Николаевич Каминский попал в засаду, когда приземлился на парашюте на оккупированной территории, и застрелился.

Осенью и зимой 1941 года под Калининым действовала резидентура под руководством Василия

Иванова и Павла Михеева, которые незадолго перед войной окончили ШОН^[260].

Рождение Четвертых управлений НКВД-НКГБ

Приказом НКВД СССР от 18 января 1942 года в связи с расширением деятельности по организации партизанских отрядов и диверсионных групп в тылу противника Второй отдел НКВД СССР был преобразован в Четвертое управление НКВД СССР^[261]. Его начальником стал Павел Анатольевич Судоплатов, заместителями – Николай Дмитриевич Мельников, Варлаам Александрович Какучая, а с 20 августа 1942 года – вернувшийся из зарубежной командировки Наум Исаакович Эйтингон.

В составе наркоматов внутренних дел Украины и Белоруссии создавались собственные Четвертые управления. Следует обратить внимание на то, что образованные ранее Четвертые отделы УНКВД краев и областей были переподчинены Четвертому управлению НКВД СССР и соответствующим управлениям наркоматов внутренних дел УССР и БССР^[262].

Малоизвестный исторический курьез. «Четвертое Главное (особое Управление) НКГБ СССР» планировалось создать еще... в мае – июне 1941 года. Основная задача этой структуры – «улучшение обслуживания важнейших Наркоматов (авиационной промышленности, боеприпасов, вооружений и электростанций. – *Прим. авт.*), имеющих оборонное значение, и усиление борьбы со шпионской, диверсионной, вредительской и террористической деятельностью иностранных разведок на объектах предприятий этих Наркоматов»^[263]. Соответствующее Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «об изменении структуры народного комиссариата государственной

безопасности» (кроме создания Четвертого управления, планировалось переименовать три Управления НКГБ СССР (разведывательное, контрразведывательное и секретно-политическое) в Главные Управления НКГБ СССР) так и осталось проектом и не было утверждено Иосифом Сталиным [\[264\]](#).

На созданные в 1942 году Четвертые управления возлагались задачи формирования в крупных населенных пунктах на оккупированных территориях нелегальных резидентур, внедрения агентов в оккупационные военные и административные органы, подготовки и переброски в тыл немецких войск разведывательно-диверсионных групп, организации резидентур в районах, находящихся под угрозой захвата, обеспечения групп и агентов оружием, средствами связи и документами. Четвертые отделы занимались также допросами пленных и перебежчиков. Полученная информация о разведывательных органах немецких спецслужб и антисоветской деятельности на оккупированной территории передавалась в контрразведывательные и секретно-политические отделы.

И, завершая рассказ об административных реформах, следует привести структуру центрального аппарата Четвертого управления НКВД СССР. Она имела такой вид:

Руководство;
Секретариат;
Финансовая группа;
Информационно-учетное отделение.

1-й отдел (зарубежный):
- 1-е отделение (Европейское);
- 2-е отделение (Африка, Дальний Восток);

- 3-е отделение (Ближний Восток, Турция, Иран, Афганистан, арабские страны, Средняя Азия, Закавказье);

- 4-е отделение (работа по военнопленным и интернированным).

2-й отдел (территории СССР, оккупированные и угрожаемые противником):

- 1-е отделение (г. Москва и Московская обл.);

- 2-е отделение (УССР, Молдавская ССР, Крымская АССР);

- 3-е отделение (БССР);

- 4-е отделение (области РСФСР, Карело-Финская ССР);

- 5-е отделение (Литва);

- 6-е отделение (Латвия);

- 7-е отделение (Эстония);

- 8-е отделение (вербовка спецагентуры из числа з/к лагерей);

- 9-е отделение (учетное).

3-й отдел:

- 1-е отделение (техническая подготовка);

- 2-е отделение (оперативное);

- 3-е отделение (материально-техническое снабжение);

- 1-й и 2-й отряды взрывников.

4-й отдел:

- 1-е отделение («Д»);

- 2-е отделение («ТН»);

- 3-е отделение (подготовки);

- 4-е отделение (материально-техническое).

Отдельная рота саперов.

Штаб истребительных батальонов и партизанских отрядов:

- 1-е отделение (истребительные батальоны);
- 2-е отделение (партизанские отряды).

Общая численность центрального аппарата Четвертого Управления по штату - 113 человек [\[265\]](#). Довольно компактная и немногочисленная структура.

Новые задачи

В августе 1943 года Павел Анатольевич Судоплатов, выполняя указание руководства НКГБ СССР, поставил перед Четвертыми управлениями республиканских НКГБ и Четвертыми отделами областных УНКГБ, помимо организации и ведения агентурно-разведывательной работы, задачу проведения диверсий на оккупированной противником подведомственной территории. Фактически это означало серию диверсий и «ликвидаций» высокопоставленных руководителей гражданской администрации и офицеров Вермахта.

В качестве примера того, как была организована работа по выполнению этого указания Москвы, рассмотрим деятельность Четвертого управления НКГБ УССР.

Во-первых, областным управлениям НКГБ было предписано создать специальные группы в 2-3 человека, которые должны заняться организацией «Д» (этой литерой в документах того времени обозначали диверсии) на важнейших железнодорожных коммуникациях, промышленных и военных объектах противника на оккупированной территории области.

Во-вторых, необходимо было готовить агентов – одиночек и группы, которые должны были заниматься исключительно диверсиями на оккупированной территории, не «отвлекаясь» на проведение разведки или участие в боевых действиях партизанских формирований.

Подробную информацию о каждом диверсante (план, задание, легенда и справка по агентуре) необходимо было представлять в Четвертое управление НКГБ УССР. А каждые десять дней начальники УНКГБ должны были информировать специальной запиской о

результатах мероприятий по линии «Д» начальника НКГБ УССР Сергея Романовича Савченко.

Одновременно с этим начать поиск людей, которые располагали связями среди «железнодорожников, рабочих и инженерно-технических работников промышленных предприятий, для организации там, при помощи своих связей, диверсионных актов всеми доступными на месте средствами».

В-третьих, восстановить связь с диверсионными группами, оставленными ранее на оккупированных территориях, и активизировать их работу.

Об указании активизировать диверсионную деятельность знали только начальники областных управлений НКГБ и их подчиненные – начальники 4-х отделов. Дело в том, что Савченко приказал «работу по “Д” строго законспирировать»^[266].

Когда отгремел победный салют

Первую попытку упразднить Четвертое управление НКГБ СССР предпринял 7 мая 1945 года нарком госбезопасности Всеволод Николаевич Меркулов. В спецсообщении, адресованном в «ЦК ВКП(б) товарищу Сталину И. В.», он указал:

«Решением ЦК ВКП(б) от 14 апреля 1943 года при организации Народного Комиссариата Государственной Безопасности СССР в системе НКГБ СССР было создано 4-е Управление для специальной работы в тылу противника на временно оккупированной территории.

В связи с освобождением территории СССР от оккупантов НКГБ СССР считает целесообразным 4-е Управление упразднить, а его личный состав обратить на укомплектование органов НКГБ.

Представляя при этом проект постановления ЦК ВКП(б), прошу вашего решения».

А вот текст указанного проекта:

«Постановление ЦК ВКП(б) от 7 мая 1945 года.

В частичное изменение Постановления ЦК ВКП(б) от 14 апреля 1943 года упразднить 4-е Управление НКГБ СССР по специальной работе в тылу противника как исчерпавшее свои функции»[\[267\]](#).

Постановление так и не было принято. Четвертое управление НКГБ СССР просуществовало еще год.

Глава 10. Бои на фронтах «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»

«С февраля 1947 года - начальник службы “ДР” МГБ СССР.

С января 1951 год - начальник Бюро № 1 (диверсионная деятельность за границей) МГБ СССР»

После окончания Великой Отечественной войны Павлу Анатольевичу Судоплатову пришлось заняться «привычными» делами: участвовать в борьбе против западноукраинских националистов и курировать подготовку диверсионных операций на территории Западной Европы и стран Ближнего Востока.

Отдельные «правозащитники» утверждают, что главный герой нашей книги был замешан в «ликвидации» врагов советской власти, имевших несчастье проживать на территории Советского Союза. Вот только документально они смогли доказать всего лишь четыре случая внесудебной расправы, где в той или иной степени (начиная от участия в операции и заканчивая оформлением свидетельства о смерти) были задействованы сотрудники Отдела «ДР» МГБ СССР. А вот сам лично Павел Анатольевич Судоплатов в этих операциях не участвовал.

В начале 1992 года официальный Киев попытался обвинить Павла Анатольевича Судоплатова еще в одном уголовном преступлении - убийстве гражданина Украины Романа Шухевича (оперативные псевдонимы «Тарас Чупрынка» и «Тур») в марте 1950 года^[268]. Однако, через какое-то время об этой инициативе официальные власти предпочли забыть. За одним из

лидеров ОУН тянулся многолетний шлейф кровавых преступлений, да и в годы Великой Отечественной войны он активно сотрудничал с оккупантами и руководил карательными экспедициями против советских партизан. В 1943 году Роман Шухевич возглавил Украинскую повстанческую армию (УПА) – боевое подразделение ОУН, которое терроризировало местное население. Да и погиб «Тур» во время проведения операции по ликвидации одной из банд западноукраинских националистов.

Во главе разведывательно-диверсионной службы

Главный герой нашей книги в своем письме Президиуму XXIII съезда КПСС так рассказал о деятельности своих подчиненных за пределами Советского Союза:

«В 1946 г. на меня и Эйтингона была возложена миссия организовать и возглавить Спец. Службу МГБ СССР. В нашу задачу входила организация специальной агентурно-разведывательной работы за рубежом и внутри страны против врагов партии и советского государства. В частности, согласно специальному постановлению Политбюро ЦК ВКП(б), мы готовили боевые операции во Франции, Турции, Иране. Однако в последний момент мы получили приказ отложить их»[\[269\]](#).

Под «Специальной Службой МГБ СССР» подразумевался созданный 4 мая 1946 года Отдел «ДР» (служба проведения диверсий и актов индивидуального террора) МГБ СССР. Основная задача нового подразделения – проведение разведывательно-диверсионных операций в отношении систем коммуникаций и баз НАТО в Западной Европе, а также мероприятий аналогичного характера на Ближнем Востоке.

В одном из писем, направленных в Политбюро ЦК КПСС, Павел Анатольевич Судоплатов сообщил еще два эпизода деятельности Отдела «ДР» МГБ СССР.

«Спец. служба готовила операцию против Сеида Нури, одного из инициаторов Багдадского пакта, бывшего иракского премьера, проводившего реакционную проанглийскую политику. Действовать против него мы решили из Турции, для чего создали под соответствующим прикрытием наш опорный пункт во главе с полковником Волковым Н. В., опытным закордонным разведчиком, успешно действовавшим в тылах фашистских войск во время войны. В тогдашней, не нейтральной Австрии тов. Е. И. Мирковский – герой Советского Союза подготовился к проведению диверсионной операции на американской военной базе. Все было готово, однако по указанию инстанции обе операции были отложены»^[270].

Об Н. В. Волкове автору ничего не известно, поэтому добавить что-либо к написанному Павлом Анатольевичем Судоплатовым не смогу. А вот со вторым человеком – диаметрально противоположная ситуация.

В истории «тайной войны» Евгений Иванович Мирковский фигурирует как командир спецотряда Четвертого управления НКВД-НКГБ СССР «Ходоки». Среди спецгрупп чекистов, действовавших в годы Великой Отечественной войны в тылу врага, она – одна из самых таинственных и результативных. Никто из ее членов не оставил после окончания войны мемуаров, да и советские журналисты обходили ее вниманием. За голову командира «Ходоков» немцы назначили награду в пятьдесят тысяч немецких марок! При этом численность отряда не превышала 300 человек. А вот жизнь его коллег с Лубянки, командовавших многотысячными партизанскими соединениями, фашисты оценили значительно дешевле – несколько

гектар земли, пара коров и домик в деревне. Именно столько составляли самые высокие гонорары агентов, которых немцы пытались, порой успешно, внедрять в эти партизанские соединения. А вот в отряд «Ходоки» не было внедрено ни одного агента противника, и ни один из его бойцов не попал в плен. За линией фронта отряд находился с марта 1942 года по август 1944 года и провел серию дерзких спецопераций, которые продолжают изучаться в учебных центрах подготовки разведывательно-диверсионных подразделений различных стран мира. Весной 1945 года Евгений Иванович Мирковский возглавил спецгруппу Четвертого управления НКГБ СССР из 15 человек, которая на территории Западной Украины и Западной Белоруссии занималась «ликвидацией» банд западноукраинских националистов. Подробности тех ратных дел продолжают оставаться секретными и в наши дни. Затем – командировка в Австрию. В марте 1954 года Евгений Иванович Мирковский возглавил 13-й (разведывательно-диверсионный) отдел Первого главного управления (внешняя разведка) КГБ СССР. Основные задачи этого отдела: подготовка диверсий на важнейших военно-стратегических объектах, базах и коммуникациях стран НАТО в особый период; ликвидация наиболее зловредных врагов Советского Союза; выявление и доставка в СССР важнейших образцов вооружений и военной техники капиталистических стран и т. п. Хотя на этом посту он проработал недолго. В 1955 году вышел в отставку в звании полковника, по официальной версии – по состоянию здоровья^[271].

Подробности деятельности Отдела «ДР» продолжают оставаться секретными и в наши дни. Лишь после смерти работавших по этой линии чекистов можно немного приоткрыть завесу тайны.

Летом 2004 года умер ветеран внешней разведки подполковник в отставке Иосиф Михайлович Гарбуз. При жизни он был известен лишь узкому кругу коллег по работе.

После окончания Московского военно-инженерного училища с 1941 по 1943 год он участвовал в разведывательно-диверсионных операциях, проводимых сотрудниками Второго отдела - Четвертого управления НКВД СССР под Москвой и Сталинградом. Тяжело раненный во время боев под городом на Волге, он в возрасте 19 лет был удостоен одной из высших боевых наград, предназначавшихся для разведчиков, - ордена Красного Знамени. Затем - работа в центральном аппарате и активное участие в операциях «Монастырь» и «Березино».

Его творческий талант оперативного работника под руководством Павла Судоплатова и Михаила Маклярского раскрылся в блестяще проведенной ими разработке по делу «Басмачи», завершившейся проникновением в руководство созданного гитлеровскими спецслужбами Туркестанского легиона и фактически полной ликвидацией его боевых подразделений в 1944 году.

В 1945 году оперативная группа Петра Гудимовича и Иосифа Гарбуза в освобожденной Варшаве восстановила агентурный аппарат советской разведки и создала важнейший канал, по которому после войны на Запад был выведен известный нелегал и ярчайшая звезда советской разведки Иосиф Григулевич.

С 1948 по 1951 год Иосиф Гарбуз в качестве нелегала и спецагента Отдела «ДР» МГБ СССР находился в Румынии и Палестине. Одним из его достижений на этом участке оперативной деятельности было приобретение им ценного источника информации о состоянии разработок бактериологического оружия в Израиле.

В 1952 году, награжденный орденами Красного Знамени, Знаком почета, медалями «За оборону Москвы», «За оборону Сталинграда», «За освобождение Варшавы» и «Партизану Отечественной Войны», по состоянию здоровья он был уволен в запас [\[272\]](#).

По другим данным, с 1950 по 1955 год он учился на Оптико-механическом факультете Московского института инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии. Также в литературе можно встретить утверждение о том, что еще в 1946 году Иосиф Гарбуз вместе с профессиональным разведчиком-нелегалом А. Таубманом и коллегой по Четвертому управлению НКВД-НКГБ СССР Юрием Антоновичем Колесниковым легализовался в Палестине, где им удалось создать советские агентурные сети, действовавшие в этом регионе против Англии. Также планировалось проводить боевые и диверсионные действия против англичан.

Засылка советских агентов в Палестину исходила из общей концепции Советского Союза в первые послевоенные годы – усилить свои позиции на Ближнем Востоке и вместе с тем подорвать британское влияние в арабских странах. Внешнеполитическое ведомство Советского Союза рекомендовало руководству страны проводить политику благоприятного отношения к созданию еврейского государства в Палестине. Предполагалось, что его руководство займет просоветскую ориентацию.

Чем же занялись советские агенты в Палестине? Юрий Антонович Колесников организовал доставку стрелкового оружия из Румынии для еврейских военных формирований. А. Таубман попытался возобновить связь с советским агентом, внедренным еще в 1937 году Яковом Серебрянским в одну из еврейских сионистских организаций в Палестине. Иосиф Гарбуз оставался в

Румынии, отбирая там кандидатов для будущего переселения в Израиль.

Следует иметь в виду, что, помогая евреям, на самом деле руководство Советского Союза ставило своей задачей создание собственной агентурной сети внутри сионистской политической и военной структуры^[273].

Следует чуть подробнее рассказать о Юрии Антоновиче Колесникове. В годы Великой Отечественной войны он 32 месяца провел за линией фронта, дважды представлялся к званию Героя Советского Союза, но Золотую Звезду Героя Российской Федерации «за мужество и героизм, проявленные при выполнении спецзаданий в тылу врага в годы Великой Отечественной войны», вручил ему в Кремле 26 февраля 1996 года президент России Борис Ельцин.

Он родился в 1922 году в небольшом городке Болграде Одесской области (тогда – Бессарабия, входившая в состав Румынии). После освобождения Красной Армией Бессарабии в 1940 году Юрий Антонович Колесников был привлечен к сотрудничеству с органами советской госбезопасности.

На войну он попал в первый же день, вернее в первое же утро, 22 июня 1941 года, в составе оперативной группы НКВД при 25-м пограничном отряде, дислоцировавшейся на границе с Румынией. Свободное владение румынским, болгарским и отчасти немецким языками давало возможность пересекать границу, собирать сведения о дислокации и передвижении немецких и сотрудничавших с ними румынских войск.

В середине июля 1941 года Красной Армии пришлось отступить от границы почти до самой Одессы. Новой опергруппе, сформированной на оккупированной территории, пришлось взрывать ряд крупных

промышленных объектов, которым грозил захват противником: в Херсоне – «Крекинг завод», в Николаеве – «Завод Марти»^[274]. В ноябре 1941 года Колесникова зачислили в Особую группу НКВД СССР, и он оказался в кругу людей, которых готовили для работы во вражеском тылу^[275].

О других чекистах, работавших за пределами Советского Союза по линии Отдела «ДР» МГБ СССР, время рассказать еще не наступило.

Постановлением Политбюро № 77/309 от 9 сентября 1950 года на базе расформированного Отдела «ДР» было организовано Бюро № 1 по диверсионной работе за границей. Начальником этого подразделения назначили Павла Анатольевича Судоплатова. На том же заседании Политбюро была утверждена специальная инструкция МГБ СССР (протокол П77/309), согласно которой в отношении «вражеских элементов» допускалось применение мер по «пресечению» их деятельности «особыми способами по специальному разрешению». На основании данного постановления Политбюро ЦК ВКП(б) приказом МГБ СССР № 00532 от 28 сентября 1950 года было сформировано Бюро № 1. Оно действовало на правах управления и подчинялось непосредственно министру^[276].

Ликвидируя врагов советской власти

О деятельности подчиненных Павла Анатольевича Судоплатова на территории СССР известно значительно больше. Оговоримся сразу, сотрудники госбезопасности крайне редко привлекались к мероприятиям по «ликвидации» противников режима. В большинстве случаев проще было жертву осудить по одной из статей УК одной из союзных республик. Достаточно вспомнить крылатую фразу, приписываемую одному из руководителей Лубянки: «Был бы человек, а статья всегда найдется».

Вновь обратимся к цитируемому выше документу.

«Внутри же страны, в период второй половины 1946 г. и в 1947 году, было проведено 4 операции:

1) По указанию членов Политбюро ЦК ВКП(б) и 1-го секретаря ЦК КП(б) Украины Хрущева, по плану, разработанному МГБ УССР и одобренному Хрущевым, в гор. Мукачева был уничтожен Ромжа - глава греко-католической церкви, активно сопротивлявшийся присоединению греко-католиков к православию;

2) По указанию Сталина, в Ульяновске был уничтожен польск. гр-н Самет, который, работая в СССР инженером, добыл сов. секретные сведения о советских подводных лодках, собираясь выехать из Сов. Союза и продать эти сведения американцам;

3) В Саратове был уничтожен известный враг партии Шумский, именем которого - шумскизм - называлось одно из течений среди

украинских националистов. Абакумов, отдавая приказ об этой операции, ссылаясь на указания Сталина и Кагановича;

4) В Москве, по указанию Сталина и Молотова, был уничтожен американский гр-н Оггинс, который, отбывая наказание в лагере во время войны, связался с посольством США в СССР, и американцы неоднократно посылали ноты с просьбой о его освобождении и выдаче разрешения на выезд в США.

В соответствии с Положением о работе Спец. Службы, утвержденной правительством, приказы о проведении перечисленных операций отдавал бывший тогда Министр гос. безоп. Абакумов.

Мне и Эйтингону хорошо известно, что Абакумов по всем этим операциям докладывал в ЦК ВКП(б)»[\[277\]](#).

Автор обращает внимание читателей, что во всех четырех случаях приказ об их ликвидации исходил от руководителей СССР. Поэтому Павел Анатольевич Судоплатов лишь выполнял приказ. Да и четко отслеживались причины, из-за которых этих людей невозможно было уничтожить в обычном судебном порядке.

Кто были эти жертвы и почему их потребовалось убивать столь необычным способом?

Архиепископ Юрий Теодор Ромжа, ставший в 1944 году епископом Мукачевской епархии, был убит по указанию члена Политбюро ЦК ВКП(б) и первого секретаря ЦК КП(б) Украины Никиты Сергеевича Хрущева. Вместе с министром госбезопасности УССР Сергеем Савченко будущий разоблачитель «культы личности» направил письмо Иосифу Сталину и министру госбезопасности СССР Виктору Абакумову, где они

обвиняли епископа в связях с ОУН и Ватиканом. Понятно, что арестовывать церковного деятеля такого уровня было нежелательно. Поэтому 27 октября 1947 года сорокашестилетний епископ был, по рассказу Павла Анатольевича Судоплатова, ликвидирован следующим образом: сначала украинскими чекистами была организована автокатастрофа, но организована плохо, так что епископ остался жив. Тогда партийный руководитель республики вновь обратился к Хозяину – по-видимому, за санкцией, после чего в Ужгород выехали чекисты Сергей Савченко и Григорий Майрановский, которые организовали завершающий этап операции. Медсестра мукачевской больницы – агент МГБ – 1 ноября сделала Ромже смертельный укол, используя полученную от присланного из Москвы специалиста ампулу яда кураре^[278].

Аналогичным способом был убит Александр Яковлевич Шумский. Родился он в 1890 году в Волынской губернии, в бедной крестьянской семье. Был сначала эсером и членом Центральной рады, затем лидером «Украинской коммунистической партии» – союзников большевиков, а затем вместе с ними вступил в КП(б)У. Работал наркомом просвещения, наркомом внутренних дел УССР, был представителем советской Украины в Польше, заведовал агитпропом ЦК КП(б)У. После конфликта с 1-м секретарем украинской компартии Лазарем Кагановичем был в 1927 году переведен в Москву, председателем союза работников просвещения. В 1933 году сослан на 10 лет в Соловки, а в 1935 году переведен в ссылку в Сибирь. Будучи в ссылке в Красноярске и в Саратове, он продолжал писать письма Иосифу Сталину, протестуя против новой «русской великодержавной» национальной политики и угрожая самоубийством в случае отказа в возвращении на Украину. Впрочем, кроме писем руководителю СССР,

есть данные о том, что он был связан с украинской эмиграцией.

По воспоминаниям Павла Анатольевича Судоплатова, решение о ликвидации Александра Шумского, по предложению Лазаря Кагановича и Никиты Хрущева, было объявлено ему и Виктору Абакумову в ЦК партии секретарем ЦК Алексеем Кузнецовым. В Саратов специально выехали Лазарь Каганович, первый заместитель министра госбезопасности генерал-лейтенант Сергей Огольцов и Григорий Майрановский. Жертва, уже выехавшая из Саратова в Киев, была 18 сентября 1946 года отравлена в больнице города Саратова. Официально Шумский скончался от сердечной недостаточности^[279].

Расскажем теперь о третьей жертве. Исаак Оггинс, американский коммунист, был давним агентом Коминтерна и НКВД. В тридцатые годы прошлого века он выполнял секретные задания в Китае, на Дальнем Востоке и в США. Его жена Нора также была агентом НКВД и отвечала за обслуживание конспиративных квартир во Франции и США. В 1938 году он въехал в СССР по фальшивому чехословацкому паспорту, а 20 февраля 1939 года был арестован по подозрению в двойной игре. Его обвинили в шпионаже и предательстве и постановлением Особого Совещания при НКВД СССР приговорили к 8 годам ИТЛ.

Нора Оггинс в 1939 году вернулась в США. Первое время она считала, что ее муж находится в СССР по оперативным соображениям, но потом поняла, что он арестован. Тогда она вступила в контакт с американскими спецслужбами, надеясь таким путем вызволить мужа из СССР. В 1942 году, по просьбе американских властей, ей разрешили встретиться с супругом – встреча состоялась в печально знаменитой Бутырской тюрьме. Теперь, когда стало точно известно,

что Исаак Оггинс арестован, это только усилило желание американцев освободить его и использовать в своих целях. Поэтому руководство МГБ и государства приняли решение о ликвидации этого человека. В связи с этим министр МГБ Виктор Абакумов направил Иосифу Сталину и Вячеславу Молотову следующую докладную записку:

«...В апреле 1942 года американское посольство в СССР нотой в адрес Министерства Иностранных Дел СССР сообщило о том, что, по имеющимся у посольства сведениям, американский гражданин Оггинс Исай находится в заключении в лагере в Норильске. Посольство по поручению Государственного департамента просило сообщить причину его ареста, срок, на какой осужден Оггинс, и состояние его здоровья.

В связи с настояниями американского посольства по указанию товарища Молотова 8-го декабря 1942 года и 9-го января 1943 года состоялось два свидания представителей посольства с осужденным Оггинс. Во время этих свиданий Оггинс сообщил, что он арестован как троцкист, нелегально въехавший в Советский Союз по чужому паспорту для связи с троцкистским подпольем в СССР. Несмотря на такое заявление, американское посольство в Москве неоднократно возбуждало вопрос перед МИД СССР о пересмотре дела и досрочном освобождении Оггинс (так в тексте документа. - Авт.), пересылало письма и телеграммы Оггинс его жене, проживающей в США, а также сообщало МИД СССР, что признает Оггинс американским гражданином и готово репатриировать его на родину.

9 мая 1943 года американскому посольству было сообщено, что “соответствующие советские органы не считают возможным пересматривать дело Оггинс”.

20 февраля 1939 года Оггинс был действительно арестован по обвинению в шпионаже и предательстве. В процессе следствия эти подозрения не нашли своего подтверждения, и Оггинс виновным себя не признал. Однако Особое Совещание при НКВД СССР приговорило Оггинс к 8 годам ИТЛ, считая срок заключения с 20 февраля 1939 года... Появление Оггинс в США может быть использовано враждебными Советскому Союзу лицами для пропаганды против СССР.

Исходя из этого, МГБ СССР считает необходимым Оггинс Исая ликвидировать, сообщив американцам, что Оггинс после свидания с представителями американского посольства в июне 1943 года был возвращен к месту отбытия срока наказания в Норильск и там в 1946 году умер в больнице в результате обострения туберкулеза позвоночника.

В архивах Норильского лагеря нами будет отражен процесс заболевания Оггинс, оказанной ему медицинской и другой помощи. Смерть Оггинс будет оформлена историей болезни, актом вскрытия трупа и актом погребения.

Ввиду того, что жена Оггинс находится в Нью-Йорке, неоднократно обращалась в наше консульство за справками о муже, знает, что он арестован, – считаем полезным вызвать ее в консульство и сообщить о смерти мужа.

Прошу ваших указаний.

Абакумов»[\[280\]](#).

По данной докладной записке Иосифом Сталиным и Вячеславом Молотовым было принято решение о ликвидации Исаака Оггинса. Его доставили в спецлабораторию, которой руководил Григорий Майрановский, и сделали под видом профилактического осмотра смертельный укол.

Участие подчиненных главного героя нашей книги в данной операции, проведенной по прямому приказу высших руководителей страны, сводилось к тому, что они организовали похороны тела жертвы в Пензе и оформление даты захоронения 1946 годом.

Холодная весна и лето 1953 года

В январе 1953 года положение Павла Анатольевича Судоплатова в органах госбезопасности было стабильным. Об этом, в частности, свидетельствует характеристика, подписанная секретарем парткома № 1 МГБ СССР Аставиным. Из нее мы можем узнать, что главный герой нашей книги:

«Грамотный и энергичный чекист-руководитель, способный организатор, требователен к себе и подчиненным. При проведении ответственных оперативных мероприятий принимает острые и продуманные решения и лично участвует в их осуществлении, проявляя при этом смелость, настойчивость и оперативность.

Уделяет большое внимание подбору, расстановке и воспитанию кадров. Следит за ростом молодых работников, как в политическом, так и в оперативном отношении, передает свой опыт и знания молодым чекистам, пользуется авторитетом среди коллектива. Морально устойчив, в быту скромн.

Принимает активное участие в партийной жизни, избран членом партбюро, выступает с докладами по политическим и служебным вопросам. Прислушивается к критическим замечаниям коммунистов и принимает меры к устранению недостатков.

Систематически повышает свою деловую квалификацию и идейно-теоретическую подготовку, в текущем году заканчивает

вечернее отделение Военно-Юридической Академии Советской Армии»[\[281\]](#).

Ситуация кардинально изменилась в марте 1953 года, когда умер Иосиф Сталин. Его смерть главный герой нашей книги переживал очень тяжело. Во второй раз в жизни он рыдал. Впервые он плакал, когда умерла его мама.

В течение суток с момента смерти Иосифа Сталина МГБ и МВД были объединены под единым руководством Лаврентия Бери. Павел Анатольевич Судоплатов так вспоминал о тех днях:

«Весной 1953 года мое положение на службе было неопределенным. Заместитель Бери Богдан Кобулов хотел назначить меня начальником инспекции МВД, то есть курировать исполнение приказов и инструкций центрального аппарата всеми территориальными органами госбезопасности. Меня это не слишком устраивало, так как я должен был нести груз ответственности за всю машину министерства и заниматься разбором кадровых дел и конфликтных ситуаций на местах. Круглов, первый заместитель Бери, вместо этого предложил, чтобы Эйтингон и я, сохраняя свои должности в Бюро по разведке и диверсионной работе, были назначены заместителями начальника только что созданного управления идеологической контрразведки. (...) Я согласился, но так и не приступил к новой работе. Не прошло и недели, как Берия предложил мне заменить начальника Главного контрразведывательного управления Федотова. Однако на следующий день, когда мы с Федотовым пришли в кабинет Бери, Кобулов

совершенно неожиданно предложил мне должность министра внутренних дел Украины, затем сказал, что, пожалуй, надо послать меня уполномоченным МВД по Германии, чтобы дать возможность пожить в более комфортных условиях. Зная Богдана Кобулова как большого мастера интриг, я ответил, что не могу принять эти предложения по причинам личного характера. (...) Берия согласился с тем, что я не могу уехать из Москвы. В течение недели я получил назначение на должность начальника нового 9-го отдела МВД с подчинением непосредственно министру»^[282].

Так на базе Бюро № 1 был создан самостоятельный отдел, который должен был иметь в своем подчинении бригаду войск особого назначения для проведения диверсионных операций за рубежом. Начальник нового отдела Павел Анатольевич Судоплатов фактически стал заместителем начальника Главного разведывательного управления госбезопасности и получил возможность мобилизовать все силы и средства разведки на случай чрезвычайных ситуаций. Его заместителем был назначен Наум Исаакович Эйтингон.

Новое назначение обрадовало главного героя нашей книги. Ведь открывались новые перспективы большой и плодотворной работы на благо страны. После смерти Иосифа Сталина начался пересмотр главных задач в деятельности, которая непосредственно касалась 9-го отдела.

Павел Анатольевич Судоплатов писал:

«Берия приступил к осуществлению еще одной инициативы, на сей раз она касалась моего участка работы. На совещании начальников разведслужб Министерства

обороны и МВД он резко критиковал Рясного, последнего начальника зарубежной разведки МГБ, выдвигенца Хрущева, за примитивные и малоэффективные методы: сталинские директивы об уничтожении престарелых деятелей эмиграции (Керенского) и второстепенных фигур, по его словам, не имели никакого практического смысла.

Берия сказал, что сейчас главной задачей является создание мощной базы для проведения разведывательных операций. В Германии для этого нужно использовать то, что осталось от прежней агентурной сети “Красной капеллы” в Гамбурге. В странах, граничащих с Соединенными Штатами Америки, надлежало усилить позиции нелегалов. Необходимо также, продолжал он, подготовить решение правительства, обязывающее МИД, Министерство внешней торговли, ТАСС и другие советские заграничные учреждения расширить поддержку операций советской разведки за рубежом. Он также отметил целесообразность существования двух параллельных разведслужб – в Министерстве внутренних дел и в Министерстве обороны. Первой предстояло собирать развединформацию обычного типа, а второй – проводить специальные операции в случае опасности развязывания войны. Его аргументы, в сущности, были повторением сталинских установок, с той только разницей, что отныне приостанавливались до особого распоряжения готовившиеся операции по диверсиям и ликвидации за рубежом неугодных правительству лиц»[\[283\]](#).

Между тем в Кремле обстановка становилась все более напряженной и острой. В высшем руководстве страны шла ожесточенная схватка за власть.

Начальник 9-го отдела Павел Анатольевич Судоплатов был увлечен новой работой и ни о чем не догадывался. Правда, кое-что он замечал. Однажды, докладывая Лаврентию Берии об отправке в Берлин Зои Ивановны Рыбкиной-Воскресенской со специальным заданием и делаясь с ним своими планами восстановления в Германии наших агентурных связей военного времени, Павел Анатольевич Судоплатов обратил внимание, что Лаврентий Павлович слушает его невнимательно, явно озабоченный чем-то иным. Во время доклада Лаврентий Берия рассеяно глядел в потолок, играл авторучкой, рылся в бумагах и даже трубно сморкался в носовой платок, чего ранее за ним не наблюдалось. Странное поведение министра МВД удивило чекиста, но большого значения этому он не придавал.

26 июня 1953 года в кремлевской борьбе за власть была поставлена точка. В этот день на заседании Президиума ЦК Лаврентий Берия был арестован. Победу одержал секретарь ЦК КПСС Никита Сергеевич Хрущев и примкнувшие к нему Николай Александрович Булганин, Георгий Максимилианович Маленков и Вячеслав Михайлович Молотов.

Павел Анатольевич вспоминал:

«Когда я пришел на Лубянку на следующий день, то сразу понял: произошло что-то чрезвычайное. Портрет Берии, висевший у меня в приемной на седьмом этаже, отсутствовал. Дежурный офицер доложил, что портрет унес один из работников комендатуры, ничего не объяснив. В министерстве обстановка оставалась спокойной. Вопреки широко

распространенным слухам, не было издано никаких приказов о переброске войск МВД в Москву. Примерно через час меня вызвали в малый конференц-зал, где уже собрались все руководители самостоятельных отделов и управлений и все заместители министра, кроме Богдана Кобулова. Круглов и Серов сидели на председательских местах. Круглов сообщил, что за провокационные антигосударственные действия, предпринятые в последние дни, по распоряжению правительства Берия арестован и содержится под стражей, что министром внутренних дел назначен он. Круглов обратился к нам с просьбой продолжать спокойно работать и выполнять его приказы. Нас также обязали доложить лично ему обо всех известных нам провокационных шагах Берии. Серов прервал Круглова, объявив, что остается на посту первого заместителя министра. Он сообщил также об аресте Богдана Кобулова, его брата Амаяка и начальника военной контрразведки Гоглидзе за преступную связь с Берией. Кроме них, сказал Серов, арестованы министр внутренних дел Украины Мешик, начальник охраны Берии Саркисов и начальник его секретариата Людвигов. Мы все были поражены. Круглов поспешил закрыть заседание, сказав, что доложит товарищу Маленкову: Министерство внутренних дел и его войска остаются верны правительству и партии»[\[284\]](#).

Информация серьезно встревожила Павла Анатольевича Судоплатова. Он быстро пошел в свой кабинет и тут же вызвал своего заместителя и друга. Зашедший через пару минут Наум Исаакович Эйтингон

выглядел взволнованным и растерянным и с ужасом в голосе доложил начальнику:

- Там в коридоре бродит начальник управления идеологической контрразведки. На меня налет, словно слепой. Извинился и пробормотал, что Берия - враг народа, - и добавил после небольшой паузы: - С ума сошел наверно. Надо бы врача вызвать. А то так до беды недалеко. Что он еще в таком состоянии может сотворить.

- Нет, не надо, - устало и подавлено ответил начальник. - Берия действительно арестован, - и процитировал сообщение, услышанное им в конференц-зале несколько минут назад.

- Что делать будем? - еще не до конца осознав услышанное, машинально произнес чекист. - Что нас теперь ждет?

- «Чистка» аппарата, - откровенно признался друг. Оба вспомнили, как это происходило раньше, когда на Лубянке сменялся хозяин. - Как обычно.

Однако это их не испугало. «Мы были настолько наивны, что полагали, будто Круглов, решая судьбу руководящих кадров, примет во внимание интересы защиты государства», - позднее признается Павел Анатольевич Судоплатов.

Тем временем события принимали лавинообразный характер. Вскоре об аресте Лаврентия Берии объявили официально, он был исключен из партии и назван врагом народа. На состоявшемся партийном активе руководящего состава Министерства внутренних дел, выступили председатель Совета министров (в СССР это был один из важнейших постов) Георгий Максимилианович Маленков и секретарь ЦК КПСС Николай Николаевич Шаталин с объяснением причин ареста Лаврентия Берии. Для профессионалов, собравшихся в конференц-зале, их объяснения прозвучали наивно. Однако аудитория молча слушала

откровения Николая Николаевича Шаталина, который рассказывал о том, как руководство Центрального Комитета партии и товарищ Георгий Максимилианович Маленков вместе с заместителем министра обороны Георгием Константиновичем Жуковым, заместителем командующего Московского военного округа Павлом Федоровичем Батицким и командующий войсками Московского района ПВО Кириллом Семеновичем Москаленко, совершили геройский поступок, арестовав Лаврентия Берию.

- Совсем непросто было спланировать и провести арест такого злодея. Ведь он запросто мог затеять перестрелку или даже взорвать гранату. Но мы справились с этой сложной и опасной задачей. Теперь злодей не представляет опасности для советского общества, - громко вещал Николай Николаевич Шаталин, имевший богатый опыт публичных выступлений на различных партийных мероприятиях.

После его последних слов Павел Судоплатов, Наум Эйтингон и Леонид Райхман, сидевшие рядом, обменялись многозначительными взглядами. Им тут же стало понятно, что никакого бериевского заговора не существует, а есть антибериевский заговор в руководстве страны. Блестящее выступление оратора перед руководством Лубянки не помогло продвижению вверх по партийной линии. В 1955 году ему пришлось уехать из Москвы - назначили 1-м секретарем Приморского крайкома КПСС. На следующий год он вернулся обратно, но уже в качестве заместителя министра государственного контроля СССР.

Сразу после выступления Николая Николаевича Шаталина слово взял заместитель министра по кадрам МВД Обручников. Взойдя на трибуну, он тут же, без всякого предисловия, обрушился на главного героя нашей книги и сидящих рядом с ним соседей, назвав их

лицами, не заслуживающими доверия. Он заметил их реакцию на выступление предыдущего оратора.

- Вот они, сидят рядышком, во втором ряду, справа, полюбуйтесь на них, товарищи! - призвал собравшихся Обручников.

В зале поднялся легкий шум. Некоторые даже привстали с мест, чтобы повнимательнее рассмотреть тех, кто «не заслуживает доверия». Реакция объяснима. Нужно было узнать «лица врага», чтобы избегать с ними неформального общения в коридорах и столовой. До слуха Павла Анатольевича Судоплатова донеслось: «Это которые, вот те, да?» - «Да, нет, не те. Вон они, рядом с лысым сидят».

Между тем кадровик продолжал:

- Вообще, я вынужден констатировать, товарищи, что начальник 9-го отдела Судоплатов сомнителен во всех отношениях. У руководства МВД к нему имеется немало претензий и как к руководителю, и как к члену партии большевиков!

Все попытки Павла Анатольевича с места ответить на эти обвинения немедленно пресекались председательствующим на собрании Серовым.

- Прекратите шуметь, Судоплатов! Я не давал вам слова. Когда получите слово, тогда и станете выступать, а сейчас прекратите шуметь! - сердито кричал председатель и гневно тряс бронзовым колокольчиком.

Обвинения на партийном активе выбили Павла Анатольевича Судоплатова из душевного равновесия, но он все еще надеялся, что жизнь в министерстве вскоре снова войдет в обычную колею. Он слишком хорошо помнил, что следовало за таким публичным обвинением. Слишком мало времени прошло после смерти Иосифа Сталина, да и порядки на Лубянке остались прежними. И действительно, тучи над ним начали сгущаться.

В июле 1953 года был расформирован 9-й отдел (осенью его заменит 12-й отдел МВД СССР, созданный для проведения диверсионной и террористической деятельности). Павел Анатольевич Судоплатов продолжал аккуратно появляться на работе, но никаких существенных дел ему не поручали. Зато он чаще стал встречать косые взгляды сотрудников министерства и слышать за спиной шепоток о «бериевском охвостье».

5 августа 1953 года Павел Судоплатов был вызван в Кремль, где отвечал на вопросы руководителей страны. В бывшем кабинете Иосифа Сталина по-барски расположились секретарь ЦК КПСС Никита Сергеевич Хрущев, министр иностранных дел Вячеслав Михайлович Молотов, Георгий Максимилианович Маленков, министр обороны Николай Александрович Булганин, заместитель председателя Совета министров Анастас Иванович Микоян и председатель Верховного Совета СССР Климент Ефремович Ворошилов. На их лицах не было привычного смирения, как во времена, когда еще был жив Хозяин. Наоборот, они демонстрировали свое презрение к вызванному на беседу чекисту.

«Допрашивали» его по поводу заданий, которые он получал от Лаврентия Бери. Вопросы задавали Хрущев, Маленков и Булганин; Молотов хранил угрюмое молчание, Ворошилов и Микоян тоже молчали, подозрительно поглядывая на вызванного. Атмосфера в кабинете была напряженной.

Когда Судоплатов начал докладывать о послевоенных акциях против Оггинса, Самета, Ромжи и Шумского, то в каждом случае он указывал, кто давал приказ о ликвидации, и что все эти действия предпринимались с одобрения не только покойного Иосифа Сталина, но также присутствующих сейчас в кабинете Вячеслава Михайловича Молотова, Никиты

Сергеевича Хрущева и Николая Александровича Булганина. Внезапно Хрущев грубо его перебил.

- Товарищ Судоплатов что-то явно путает, - заявил он с металлом в голосе и добавил, что во всех подобных случаях инициатива исходила от Иосифа Сталина и «наших зарубежных товарищей».

Наступившее неловкое молчание длилось целую минуту. Прервал его Николай Александрович Булганин.

- Все эти операции предпринимались против заклятых врагов социализма - а значит, неважно, от кого исходил приказ.

- Что он сказал, а? - громко произнес глуховатый маршал Климент Ефремович Ворошилов.

- Что надо, то и сказал, - зло буркнул ему в ответ раздраженный Георгий Максимилианович Маленков.

Никита Сергеевич Хрущев поспешил закончить беседу, обратившись к Павлу Анатольевичу Судоплатову:

- Партия ничего против вас не имеет. Мы вам верим. Продолжайте работать. Скоро мы попросим вас подготовить план ликвидации бандеровского руководства, стоящего во главе украинского фашистского движения в Западной Европе, которое имеет наглость оскорблять руководителей Советского Союза.

На этом аудиенция завершилась.

Много позже Павел Анатольевич отметит, что упоминание в разговоре имен руководителей страны как заказчиков политических убийств стало его роковой ошибкой.

21 августа 1953 года Павел Судоплатов был арестован в собственном кабинете в здании на Лубянке.

Глава 11. Владимирский централ

«В сентябре 1958 года - решением ВК ВС СССР приговорен к тюремному заключению сроком на 15 лет, с последующим поражением в политических правах на 3 года»

Заместитель председателя Военной коллегии Верховного Суда СССР генерал-майор Костромин монотонным голосом начал зачитывать текст приговора:

- ...в закрытом судебном заседании в городе Москве, 12 сентября 1958 года рассмотрено дело по обвинению, - на мгновение говорящий, как хороший диктор, сделал обозначенную в тексте паузу, а затем продолжил чуть быстрее, словно зная, что и подсудимому, и членам суда Романову и Симнову, и тем более секретарю Афанасьеву данная информация малоинтересна: - Судоплатова Павла Анатольевича, 1907 года рождения, уроженца города Мелитополя, УССР, с высшим юридическим образованием, не судимого, бывшего работника МВД-НКВД СССР, генерал-лейтенанта, в преступлениях, предусмотренных статьями 17-58-16 УК РСФСР.

Снова пауза - теперь чтобы отделить вводную часть от основной и сообщить подсудимому о его преступлениях. А то ведь он даже на суде упорно отказывался признать себя виновным!

- Предварительным судебным следствием установлено, - продолжил строгим тоном обвинитель, - что Судоплатов, находясь длительное время на

руководящей работе в центральном аппарате органов государственной безопасности, активно способствовал изменнику Родины Берии и его ближайшим сторонникам в проводимой ими враждебной деятельности, - звучавшие в зале слова ничем не отличались от тех, что говорили ораторы двадцать лет назад, когда страну захлестнула волна репрессий.

- В 1941 году, - продолжал читать приговор Костромин, - в первые дни после вероломного нападения гитлеровской Германии на Советский Союз, Берия, подготавливая государственный переворот, втайне от советского правительства предпринял попытку установить связь с Гитлером. - А подсудимый при этих словах подумал: «В этом зале звучали и более абсурдные обвинения. Берия не пошел бы на это без санкции Сталина».

- С этой изменнической целью Берия через болгарского посла в СССР Стаменова пытался вести переговоры с Гитлером, предлагая уступить фашисткой Германии Белоруссию, Украину, Прибалтику, Карельский перешеек, Белоруссию и Буковину, - Костромин монотонно перечислил регионы СССР, оккупированные противником в первые месяцы войны. - Тайные переговоры о территориальных уступках и о порабощении людей вел лично подсудимый Судоплатов. Выполнение изменнических поручений Берии Судоплатов длительное время скрывал и лишь в августе 1953 года после его вызова рассказал об этом. - Молча выслушав этот пункт обвинения, главный герой нашей книги вспомнил встречу с болгарским дипломатом в ресторане «Арагви» в первые месяцы Великой Отечественной войны и их разговор о будущем СССР.

- До начала Великой Отечественной войны Судоплатов создал и возглавлял так называемую Особую (специальную) группу из числа работников особо доверенных Берии лиц. - Это заявление удивило

главного героя нашей книги. «Наверное, доверие наркома внутренних дел проявлялось в том, что мне разрешили освободить их из тюрьмы». А следующая фраза заставила подсудимого усомниться в своей памяти: – Заместителем к Судоплатову был сначала назначен Церетели (бывший начальник милиции Грузии, в 1938 году Шалва Церетели был переведен в центральный аппарат НКВД СССР. – *Прим. авт.*), а затем Эйтингон (оба осуждены). – Если с Наумом Исааковичем Эйтингоном они были друзьями и проработали в «тандеме» в течение многих лет, то с Шалвой Церетели он почти не взаимодействовал по служебным вопросам. Да и друзьями они не были.

– В задачу особой группы входило выполнение совершенно секретных заданий Берии, в частности, похищение неудобных ему граждан и уничтожение их без суда и следствия... – продолжал монотонно читать текст приговора Костромин. Может быть, те, кто готовил обвинительное заключение, перепутали Особую группу при наркоме внутренних дел, созданную в июне 1941 года и действительно руководившую похищением людей на оккупированной врагом территории СССР, с Особой группой Якова Серебрянского.

– Установлено, что Берия и его сообщники, совершая тяжкие преступления против человечности, – начал зачитывать новый пункт приговора Костромин, – испытывали смертоносные, мучительные яды на живых людях. Подобные преступные опыты имели место в отношении большого количества людей, приговоренных к высшей мере наказания, и в отношении лиц, неудобных Берии и его сообщникам [\[285\]](#).

Поясним, что речь идет о работе созданной в середине тридцатых годов прошлого века токсикологической лаборатории, которая функционировала в системе центрального аппарата

НКВД СССР. С 1940 года ее возглавлял бригадвоенврач, а позднее – полковник госбезопасности профессор Григорий Майрановский (до 1937 года он возглавлял группу по ядам в составе Института биохимии АН СССР, также работавшую под покровительством органов госбезопасности). В НКВД СССР для тех же целей существовала еще и бактериологическая лаборатория, возглавлявшаяся полковником медицинской службы профессором Сергеем Муромцевым^[286].

– Специальная лаборатория, созданная для производства опытов для проверки действия ядов на живом человеке, работала под наблюдением Судоплатова и его заместителя Эйтингона с 1942 по 1946 год, которые от работников лаборатории требовали яды, только проверенные на людях^[287]. – Эта фраза появилась в приговоре не случайно. В 1951 году был арестован Григорий Моисеевич Майрановский. Его осудили на 10 лет «за незаконное хранение отравляющих веществ и злоупотребление служебным положением». В закрытом приговоре есть и такие слова: «В специальной лаборатории, созданной для производства опытов для проверки действия яда на живом человеке, (Майрановский) работал под наблюдением Судоплатова и его заместителя Эйтингона с 1942 по 1946 год (с июня 1942 года по 1946 год спецлаборатория входила в состав Четвертого Управления НКВД-НКГБ СССР. – *Прим. авт.*), которые от работников лаборатории требовали ядов, только проверенных на людях»^[288]. Есть и рассказ Наума Эйтингона, который однажды присутствовал «при производстве опытов в лаборатории Майрановского» и наблюдал за «впрыскиванием четверем подопытным жертвам яда курарина». «Яд, – бесстрастно констатировал он, – действовал почти моментально...»^[289]. Нужно учитывать методы

следствия, применяемые в те годы. Возможно, что показания на этих людей из осужденного «выбили».

- Предъявленные Судоплатову обвинения, - бесстрастно продолжил чтение приговора Костромин, - в ходе судебного следствия подтверждены свидетельскими показаниями и письменными документами, имеющимся в деле... - Мы не будем пояснять, как появилась часть этих доказательств. - Обсудив вопрос о мере наказания, Военная коллегия, руководствуясь статьями 320 и 326 УПК РСФСР и статьи 51 УК РСФСР, - снова пауза, - приговорила: Судоплатова Павла Анатольевича, на основании статей 17-58-16 УК РСФСР, с применением статьи 51 УК РСФСР, подвергнуть тюремному заключению сроком на пятнадцать лет, с последующим поражением политических прав на три года и с конфискацией в доход государства одной шашки и одного охотничьего ружья. - Впервые с момента ареста главный герой нашей книги ощутил внутреннее спокойствие. Главное - не к высшей мере наказания. И хотя на свободу он выйдет шестидесятилетним стариком, но главное - живым. Могло быть и хуже.

- Судоплатов Павел Анатольевич лишается правительственных наград, - так же равнодушно продолжал чтение приговора Костромин, - медалей: «За оборону Москвы», «В память 800-летия Москвы», «За оборону Кавказа», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов», «50 лет Советской Армии и Флота». - А осужденный подумал: «Даже отобрав у меня их, власть не сможет лишить меня права на совершенные мною дела, без которых она бы не могла существовать».

- Срок наказания Судоплатову Павлу Анатольевичу, - заканчивая чтение приговора, продолжал Костромин, - исчислять с 21 августа 1953

года... Приговор окончательный и в кассационном порядке обжалованию не подлежит...[\[290\]](#)

Павел Анатольевич вспоминал:

«Силы оставили меня. Я не мог выйти из состояния шока, почувствовал, что вот-вот упаду в обморок, и вынужден был присесть. Вскоре я уже был во внутренней тюрьме Лубянки. У меня началась страшная головная боль, и надзиратель даже дал мне таблетку»[\[291\]](#).

В тюрьме

Весь срок Павел Анатольевич Судоплатов просидел «от звонка до звонка» и вышел из заключения физически искалеченным человеком.

По иронии судьбы, непродолжительное время соседние нары (вернее, кровать – так утверждал в своих мемуарах один из заключенных) в камере № 1-97, ставшей на долгие годы жилищем для Павла Анатольевича Судоплатова, занимали бывший заместитель министра внутренних дел генерал-лейтенант время Степан Соломонович Мамулов (Мамульян)^[292], курировавший с 1946 года по 1953 год деятельность лагерей. Представляете, до чего же это бодрит – сидеть в одной камере с бывшим начальником мест заключения! Другой сосед – капитан госбезопасности (звание присвоено в 1935 году) Матвей Азарьевич Штейнберг. Бывший руководитель нелегальных резидентур советской внешней разведки во Франции, Маньчжурии и Швейцарии, в октябре 1938 года отказался возвращаться в СССР, справедливо опасаясь ареста. В 1943 году установил контакт с советской разведкой. В 1956 году был выслан из Швейцарии и вернулся в СССР. Арестован и в марте 1957 года приговорен к 10 годам тюремного заключения^[293]. Хотя заслуги этого человека меркнут на фоне другого заключенного – Наума Исааковича Эйтингона^[294]. В июле 1953 года заместитель начальника 9-го (разведывательного-диверсионного) отдела МВД СССР был арестован по «делу Берии» и осужден на 12 лет лишения свободы. Во Владимирской тюрьме он находился с 1957 года до своего освобождения в 1964 году^[295].

Среди тех, кто отбывал наказание в этой тюрьме и регулярно общался с главным героем нашей книги – встречались на прогулках, да и в одной камере какое-то время провели вместе, – был Борис Георгиевич Меньшагин. Очень интересная личность. С 1937 по 1941 год он был членом смоленской коллегии адвокатов и в качестве защитника участвовал в судебных процессах над «вредителями». Когда город оккупировали немцы, стал бургомистром Смоленска. В 1943 году, когда Вермахт начал стремительно отступать, ушел вместе с ними на Запад и стал бургомистром Бобруйска. А в мае 1945 году он добровольно явился в советскую военную комендатуру, ошибочно решив, что его жена и дочь арестованы. Был отправлен в Москву и до 1951 года находился в одиночной камере на Лубянке. Суд приговорил его к 25 годам лишения свободы «за измену Родине и предательскую деятельность». На свободу вышел только в 1970 году^[296].

Он вспоминает вот такой эпизод:

«Но насчет Судоплатова интересно вот что. Он, значит, был начальником контрразведывательного управления министерства государственной безопасности СССР. Последняя его такая крупная деятельность – это усмирение восстания на Украине, Западной Украине, так называемого “бандеровского” восстания. Он был в Львове, и вот эти украинки им арестовывались, которые там сидели. И вот, помню, как-то мы идем с прогулки, а они идут по коридору. Кажется, на работу они направлялись. Они там шили для прачечной... для банно-прачечного – там они белье гладили, чинили... И Судоплатов снял шапку и так низко поклонился. Мы посмотрели.

Он их арестовал. Ну, он знал, вспоминал, знал, что они там находятся»[\[297\]](#).

А вот еще одна зарисовка о главном герое нашей книги. Пусть читатель простит нарочито разговорный стиль этого человека. Свои воспоминания Борис Георгиевич Меньшагин, как и Никита Сергеевич Хрущев, диктовал, а не писал. Хотя, в отличие от бывшего лидера СССР, занимался он этим в инвалидном доме, расположенном в поселке Княжья губа в Мурманской области, а не на подмосковной даче.

«...Судоплатов к своим родным очень... всегда так с любовью рассказывал. Он гулял обычно тогда: Штейнберг с Людвиговым, Мамулов один, а Судоплатов со мной. Он рассказывал, [что] Военно-юридическую академию окончил заочно, получил диплом. Но если какие-нибудь юридические вопросы, он всегда меня спрашивал. Ничего не понимал! Ну, ему, видимо, дали диплом, потому что боялись его. Он же получил диплом, будучи там. Ну, боялись и дали диплом.

...Очень он любил рассказывать, как он на параде победы, после парада победы присутствовал на приеме в Кремле. И он сидел, значит, - адмирал Исаков, патриарх Алексей и он. И вот подошел Сталин и чокнулся с Исаковым, но близко находился от Судоплатова уже. Хотя он с ним и не чокался...

Но он о семье своей заботился. Вот всегда рассказывал, какая у него бабушка, какая религиозная... М-да, и много вопросов задавал мне, вот что это значит из церковных слов, а я объяснял ему...»[\[298\]](#).

Борьба за освобождение

Во Владимирской тюрьме главный герой нашей книги перенес три инфаркта, ослеп на один глаз, получил инвалидность 2-й группы. И все эти годы шла борьба за его освобождение.

Через полгода после начала нахождения в тюрьме Павел Анатольевич Судоплатов начал писать в Верховный суд СССР и прокуратуру прошения о пересмотре своего дела. На все свои многочисленные письма он получил всего один ответ, подписанный Смирновым, заместителем председателя Верховного суда, который гласил, что оснований для пересмотра дел нет. На очередные сорок прошений, отправленные по тем же адресам, ответа он не получил. Сокамерники, особенно его друг Наум Исаакович Эйтингон, смеялись над его наивностью. «Законы и борьба за власть, – философски замечал бывший заместитель главного героя нашей книги, – несовместимы».

Боролись за освобождение Павла Анатольевича Судоплатова его друзья-чекисты – Зоя Ивановна Рыбкина, Вильям Генрихович Фишер, Михаил Федорович Орлов и многие, многие другие, и, конечно же, жена – Эмма Карловна.

Однако на все их ходатайства в высокие инстанции ответ был отрицательный.

Когда в октябре 1964 года Никиту Сергеевича Хрущева отстранили от власти, появилась надежда на пересмотр дела и у Павла Анатольевича Судоплатова. К 20-летию Победы группа чекистов подписала письмо в его защиту. В письме приводились факты, свидетельствующие о невинности Павла Анатольевича и, наоборот, показывающие, что дело от начала до конца сфальсифицировано. Бумага легла на

стол Леониду Ильичу Брежневу, новому кремлевскому лидеру. «Не суйтесь не в свои дела», – такую резолюцию начертал руководитель СССР на бумаге чекистов.

В свою очередь Эмма Карловна обратилась в Президиум Верховного Совета Союза ССР. Вот текст ее обращения:

«Заявление.

В августе месяце 1953-го был арестован мой муж Павел Анатольевич Судоплатов.

Почти 12 лет Судоплатов находится в тюрьме. Ему сейчас 58 лет. Он тяжело болен стенокардией, совершенно ослеп на один глаз, и болезнь распространилась на другой глаз, он болен пародонтозом и у него появились опухоли, требующие квалифицированного хирургического вмешательства.

Тяжелое состояние здоровья моего мужа побуждает меня обратиться к Вам с просьбой о помиловании.

Я знаю Судоплатова более 30 лет как коммуниста и чекиста, беззаветно преданного Родине и Партии. На самых острых участках борьбы с контрреволюцией он много раз рисковал своей жизнью, выполняя специальные задания Партии и правительства чрезвычайного государственного значения за границей, находясь на нелегальном положении. Почти 10 лет я работала вместе с Судоплатовым до войны в одном отделении и по долгу службы лично знала о проведенных им делах, при выполнении которых он проявил высокий патриотизм, мужество и стойкость.

Во время Великой Отечественной войны Судоплатов руководил организацией и работой

разведывательно-диверсионных групп в тылу немецко-фашистских захватчиков.

В группах, созданных Судоплатовым, действовали прославленные Герои Советского Союза Дмитрий Медведев, Николай Кузнецов и многие другие, которых он лично готовил для работы в тылу врага. Всю войну, не покладая рук, Судоплатов работал для победы над фашизмом.

Работая исключительно в области нашей разведки за границей и в тылу врага, Судоплатов никогда не имел никакого отношения к репрессиям против советских людей в годы культа личности.

За прошедшие 12 лет выросли наши сыновья. Когда был арестован май муж, им было 10 и 13 лет. Несмотря на страшное горе, постигшее семью, они выросли коммунистами. Старший сын Андрей - отличник Советской Армии, принят в члены КПСС армейской партийной организацией. Младший сын Анатолий оканчивает Институт иностранных языков, заместитель секретаря Комитета ВЛКСМ этого института, принят в кандидаты КПСС.

Оба сына выходят в большую жизнь, а отец их уже стар и так тяжело болен, что ему не под силу выдержать годы заключения в тюрьме. Тяжкая эта трагедия для всей нашей семьи коммунистов. Поэтому я снова обращаюсь к Вам с настоятельной просьбой о помиловании моего мужа и отца моих детей» [\[299\]](#).

Ходатайство Эммы Карловны было рассмотрено и отклонено.

В феврале 1966 года группа ветеранов Великой Отечественной войны и внешней разведки направило в

Президиум XXIII съезда КПСС очередное ходатайство о реабилитации Павла Анатольевича Судоплатова и Наума Исааковича Эйтингона. Вот текст этого документа:

«Мы – коммунисты, подписавшие это письмо, обращаемся к Съезду нашей партии с просьбой об организации специальной партийной проверки судебных дел о реабилитации в отношении двух наших товарищей – бывших руководителей, честных и преданных партии и Советскому государству коммунистов товарищей Судоплатова Павла Анатольевича и Эйтингона Наума Исааковича, необоснованно осужденных Военной коллегией Верховного Суда, первый – на 15 лет, а второй на 12 лет строгого тюремного заключения.

По этому вопросу мы в мае и 2 июля 196 г. обращались с письмами ЦК КПСС на имя Н. М. Шверника и Л. И. Брежнева и также Председателя КГБ тов. В. Е. Семичастного с просьбой о пересмотре этих дел. Наши письма не были доложены руководству ЦК КПСС, а были переданы в отдел административных органов ЦК КПСС. По этим письмам мы получили ответ от работника административного отдела ЦК тов. Белова, что дела Судоплатова и Эйтингона, по заключению Прокуратуры СССР, пересмотру не подлежат, т. к. они после войны совершили тяжкие контрреволюционные государственные преступления, и что в ЦК партии известны их большие заслуги во время войны, за что они были правильно награждены. На наш вопрос в чем конкретно их вина, тов. Белов не мог объяснить, т. к. он и сам этого знает, ввиду

того, что дело это, как он сказал, “особо секретно”.

Естественно, что, не получив вразумительного ответа на наши письма, мы обратились за разъяснением к тов. Эйтингону, освобожденному из тюрьмы после отбытия 12-летнего заключения.

Так, нам стали известны факты, которые заставляют нас вновь поднять этот вопрос и обратиться с этим письмом к Президиуму XXIII Съезда КПСС.

Вот о каких фактах идет речь:

Во-первых, мы узнали, что коммунисты Судоплатов П. А. и Эйтингон Н. И. виновными себя в предъявленных им обвинениях не признавали и не признают.

Во-вторых, к нашему удивлению, мы узнали, что в приговорах по делам Судоплатова и Эйтингона сказано, что Особая группа НКВД СССР, ими возглавляемая, по планам, разработанным Судоплатовым, якобы занималась уничтожением советских людей, негодных бывшему Наркому НКВД Берии. В приговоре и на суде не было приведено ни одного факта – когда, где, кем совершены преступные действия, приписываемые Особой группе. Не названо ни одного имени пострадавших потому, что таких фактов нет.

В приговоре говорится, что эта Особая группа будто бы была создана “из особо доверенных Берии лиц”. Но кто эти лица – не указано ни одного имени. Нам не известен ни один сотрудник Особой группы, который был бы привлечен к судебной ответственности за так называемую преступную деятельность Особой

группы, которая инкриминирована Судоплатову и Эйтингону.

Зато нам известны сотрудники Особой группы, которые вошли в историю своей героической борьбой с врагами нашей Родины: Герои Советского Союза товарищи - Лягин, Молодцов, Кудря, Кузнецов, Медведев, Галушкин, Озмитель, Орловский, Абель и многие другие, как погибшие в борьбе с врагами, так и ныне живущие.

Нам хорошо известно, что Особая группа при Наркоме НКВД СССР (переименована во 2-й Отдел в конце 1941 г., а с 1942 г. - в 4-е Управление) с первых же дней войны и до ее расформирования после войны под руководством начальника Особой группы т. Судоплатова и его заместителя т. Эйтингона с честью выполняла поставленные перед ней партией задачи, как на временно оккупированной врагом территории, так и за рубежом. Это подтверждается документами, хранящимися в архивах МВД-КГБ, а также это могут подтвердить многочисленные непосредственные участники этих дел, и в том числе мы, подписавшие это письмо.

Поэтому обвинение Судоплатова и Эйтингона, сформулированное в приговоре, мы рассматриваем как извращение исторической правды, как безответственную клевету на многочисленный коллектив коммунистов, комсомольцев, чекистов Особой группы, как живых, так и погибших. Эти люди не на словах, а на деле доказали свою преданность делу коммунизма (а не лицам, хотя и занимавшим высокие посты), и делу защиты

государственной, безопасности нашей Родины, ради чего они не жалели своей крови и жизни.

Относительно того, что Особая группа была создана из “особо доверенных лиц Берии” – это чистейший вымысел.

Нам известно, что Особая группа формировалась не из каких-то “особо доверенных Берии лиц”, а из коммунистов-патриотов.

Нам также известно, что Особая группа была создана по указанию Политбюро ЦК и в ее создании принимали участие товарищи Георгий Димитров, Долорес Ибаррури, бывший зав. военным Отделом ЦК ВЛКСМ Шелепин. По указанию этих товарищей были переданы Судоплатову в Особую группу для использования:

а) Все боеспособные политэмигранты, состоявшие на учете в Коминтерне, и в том числе участники Интернациональных бригад в Испании;

б) Более 700 специально подобранных комсомольцев – добровольцев, выделенных ЦК ВЛКСМ;

в) физкультурный актив страны – свыше 1000 спортсменов и мастеров спорта, и в том числе – 400 преподавателей и студентов института физкультуры;

г) 100 альпинистов;

д) много старых большевиков – подпольщиков и полярников.

В июле 1941 г. Особой группой было создано военно-чекистское соединение Бригада Особого Назначения, которая была укомплектована исключительно из добровольцев и не только из граждан СССР, а и из числа иностранных

граждан, членов братских коммунистических партий. Эти люди наряду с кадровыми чекистами и являлись кадрами Особой группы.

Нам известно, что тт. Судоплатов П. А. и Эйтингон Н. И. были лишены прав на защиту своих законных интересов, как обвиняемые на закрытом процессе.

Суд основал свой приговор на данных, которые не рассматривались в судебном заседании.

Кроме того, нам известно, что тов. Судоплатов просил свою жену коммунистку Э. К. Судоплатову добиться в соответствии с ст. 81 УПК РСФСР предоставления ему возможности подать свои замечания по протоколу судебного заседания на его неправильность или его неполноту.

Он ходатайствовал об этом 12 сентября 1958 г. Суд обещал удовлетворить его законное ходатайство через трое суток после составления протокола и его подписания, но своего обещания не выполнил.

Нам также известно со слов Судоплатовой, что на неоднократно подаваемые жалобы тов. Судоплатов ответа не получал. Им было подано 21 заявление еще до суда в адрес Военной коллегии. В них содержались объяснения и защитительные доводы и аргументы, доказательства невиновности, разные ходатайства. Ни на одно из них не было получено ответа, чем нарушена ст. 334 УПК РСФСР.

Необъективность, допущенную в проведении предварительного следствия по делам Судоплатова и Эйтингона, подтверждают полковник Лев Петрович Василевский и

полковник Рыбкина-Воскресенская Зоя Ивановна, бывшие ответственные работники Особой группы, которые допрашивались в качестве свидетелей.

Нам известно, что П. А. Судоплатов находится в тюрьме 13 лет. Он - очень больной человек. В настоящее время у него тяжелые сердечные приступы, и дальнейшее его пребывание в тюрьме может привести к его гибели. Зная Судоплатова как честного коммуниста и учитывая его большие заслуги перед партией и государством, мы обращаемся с просьбой о его досрочном освобождении. Мы уверены, что в конце концов он будет реабилитирован не посмертно, а при жизни.

Письмо подписали:

1. Гудимович Петр Ильич - член КПСС, бывший сотрудник Особой группы, полковник в отставке. Телефон: Г-1-С9-39.

2. Мирковский Евгений Иванович - член КПСС, бывший командир разведки партизанского отряда, Герой Советского Союза, полковник в отставке. Телефон: Г-5-12-23.

3. Никольский Валентин Васильевич - член КПСС, бывший партизан отряда Прудникова, подполковник.

4. Давыдов Илья Юльевич - член КПСС, бывший врач партизанского отряда Шестакова, полковник медицинской службы. Телефон: Д-4-06-56.

5. Мордвинов Георгий Иванович - член КПСС с 1918 г., бывший командир партизанских отрядов Гражданской войны и организатор партизанских отрядов в Отечественную войну. Телефон: И-1-92-29.

6. Кулаков Георгий - член КПСС, бывший командир отряда Медведева, полковник, п/я 701.

7. Громов Леонид Васильевич - член КПСС, бывший начальник штаба партизанского отряда Коляды. Телефон: Б-3-22-63.

8. Шмаринов Анатолий Аристархович - член КПСС, бывший радист партизанского отряда Медведева. Телефон: К-4-80-18.

9. Алексахин Павел Гаврилович - член КПСС, партизан-разведчик, подполковник. Телефон: Е-5-67-91.

10. Волков Николай Варсонофьевич - член КПСС, бывший командир партизанского отряда, полковник в отставке. Телефон: Г-6-92-15.

11. Василевский Лев Петрович - член КПСС, бывший участник событий в Испании и сотрудник Особой группы, полковник в отставке, член союза писателей. Телефон: Б-1-15-03.

12. Королев Николай Федорович - член КПСС, партизан отряда Медведева, заслуженный мастер спорта.

13. Орлов Михаил Федорович - член КПСС, бывший 1 командир бригады особого назначения, полковник в отставке. Телефон: Д-3-30-27.

14. Бакин Федор Иванович - член КПСС, бывший партизан, полковник. Телефон: Б-4-34-93.

15. Лукьяненко Михаил Михайлович - член КПСС, бывший партизан, подполковник.

16. Иванов Сергей Вячеславович, - член КПСС, бывший командир полка бригады Особого назначения, полковник в отставке.

17. Лебедев Василий Евгеньевич - член КПСС, ответственный работник бывшего 4-го Управления, полковник в отставке. Телефон: К-7-80-19.

18. Фролов Владимир Григорьевич - член КПСС, бывший командир разведгруппы отряда Медведева, майор в отставке. Телефон: Д-2-13-07.

19. Студников Лев Александрович - член КПСС, бывший начальник политотдела бригады Особого назначения, полковник запаса. Телефон: К-7-95-62.

20. Дроздов, Виктор Александрович - член КПСС, бывший начальник отдела 4-го Управления, генерал в отставке, журналист. Телефон: Г-5-12-35.

21. Абель Рудольф Иванович - член КПСС, бывший сотрудник Особой группы, полковник.

22. Рыбкина Зоя Ивановна - член КПСС, бывший сотрудник Особой группы, полковник в отставке, член союза писателей. Телефон: Д-1-98-09.

23. Филоненко Михаил Иванович - член КПСС, бывший комиссар партизанского отряда Карасева, полковник в отставке. Телефон: Д-7-19-18.

24. Филоненко Анна Федоровна - член КПСС, бывший сотрудник Особой группы, майор запаса. Телефон: К-7-19-18.

25. Тимашков Александр Эрастович - член КПСС, бывший сотрудник Особой группы, полковник в отставке. Телефон: Б-1-71-29.

26. Бычков Павел Федорович - член КПСС, бывший сотрудник 4-го Управления, капитан в отставке. Москва, М. Московская ул., д. 7, кв. 2.

27. Шубин Анатолий Евдокимович – член КПСС, бывший партизан отряда Воропаева. Телефон: Б-8-94-20.

28. Ваупшасов Станислав Степанович – член КПСС, бывший участник испанских событий, бывший командир партизанского отряда, Герой Советского Союза, полковник в отставке. Телефон: АВО-32-28»[\[300\]](#).

После прошедшего 29 марта – 8 апреля 1966 года XXIII съезда КПСС в многолетней борьбе наметился перелом. В мае 1966 года Управление КГБ по Владимирской области по просьбе сотрудника Отдела административных органов ЦК КПСС направило «справку на заключенного Владимирской тюрьмы № 2 Судоплатова Павла Анатольевича и медицинское заключение о его здоровье».

Вот что в них сообщалось. Сначала текст справки:

«Судоплатов Павел Анатольевич, 1907 года рождения, уроженец г. Мелитополя УССР, с высшим юридическим образованием, осужден 12 сентября 1958 года Военной коллегией Верховного суда СССР по ст. 17-58-16 УК РСФСР с применением ст. 51 УК РСФСР к 15 годам тюремного заключения, отбывает наказание во Владимирской тюрьме № 2 с 19 сентября 1958 года.

По прибытию в тюрьму Судоплатов заявил о своем желании трудиться на любой работе. В последующем Судоплатов периодически участвовал в качестве переплетчика и использовался на других подсобных работах. К труду отношение добросовестное, за что по существующим в то время правилам ему было начислено 202 рабочих дня.

С администрацией тюрьмы и обслуживающим персоналом вел себя корректно, установленных правил режима содержания не нарушал.

За хорошее поведение и добросовестное отношение к труду Судоплатов имел четыре поощрения, приказами начальника тюрьмы ему было предоставлено право на внеочередное свидание с родственниками и трижды разрешалось получать внеочередную посылку.

Враждебных, политически вредных проявлений со стороны Судоплатова за период содержания в тюрьме не было.

К оценке своего преступного прошлого Судоплатов подходит с узко субъективных позиций: считая себя необоснованно осужденным, аргументируя это тем, что враждебных устремлений против Советского государства он не имел»[\[301\]](#).

А вот текст медицинской справки:

«Судоплатов Павел Анатольевич, 1907 г. рождения находится в п/я ОД-1/СТ-2 ОЧЗ УООП Владоблисполкома с 1958 года. При поступлении диагностирован атеросклероз венечных сосудов сердца и незначительная катаракта правого глаза, незрелая катаракта левого глаза. В 1959 году присоединился нейродермит, который очень часто давал рецидивы (окулист и дерматолог за больным вели постоянное наблюдение).

Постоянно получал лечение: валокардин, капли Зеленина, глазные капли и другое.

27. X.1959 г. сделана электрокардиограмма.

Заключение: нарушение процессов питания сердечной мышцы, гнездные поражения миокарда. Недостаточность коронарного кровообращения.

В июне 1962 года появились частые боли в области сердца. Приступы боли в области сердца постепенно усилились, начали появляться и ночью. Получал курс лечения: плагифилин, атропин, валидол, капли Зеленина.

В мае 1963 г. консультирован областным терапевтом, который дал заключение: атеросклероз венечных сосудов сердца. Атеросклеротический кардиосклероз, стенокардия напряжения. Было назначено: нитропентон, метилтестостерон, валидол при болях. В конце 1964 года появилась боль в зубах, деснах. Консультация стоматолога: пародонтоз II-III степени. В области верхних зубов 2 и 3 имеются костные карманы с гнойными отделениями. Получил несколько курсов алоэ и антибиотиков. Приступы стенокардии участились.

25.02.1966 года сделана электрокардиограмма.

Заклучение: диффузное изменение в миокарде с явлением гипоксии.

В настоящее время находиться в больнице, получает: метилтестостерон, камфору, йодистые препараты, при болях валидол, нитропентон, платифилин под кожу.

Заклучение: Судоплатов имеет атеросклеротический кардиосклероз, стенокардию и напряжение, пародонтоз, катаракты обоих глаз. Является инвалидом II группы, к физическому труду непригоден. Стенокардия, пародонтоз, нейродермит

рецидивирующий появились во время нахождения в тюрьме»^[302].

Комментарий к этому документу лишний. В нем отражено не только резкое ухудшение состояния здоровья Павла Анатольевича Судоплатова, но и минимальный объем оказанный ему медицинской помощи.

Процитируем еще один документ, сыгравший тогда значительную роль:

«В письмах на имя XXIII съезда КПСС гг. Гудимович П. И., Мирковский Е. И., Василевский Л. П. и другие (всего 32 человека) ходатайствуют о реабилитации бывшего начальника Четвертого управления МВД СССР Судоплатова и его заместителя Эйтингона. Авторы писем считают, что Судоплатов и Эйтингон были необоснованно осуждены, якобы за деятельность Особой группы НКВД СССР, созданной для борьбы с немецкими захватчиками и их пособниками в период Великой Отечественной войны с Германией. С просьбой о реабилитации обратился на имя XXIII съезда КПСС и Судоплатов.

Из материалов уголовных дел на Судоплатова и Эйтингона видно, что им не вменяется в вину деятельность названной выше Особой группы НКВД СССР.

В 1957-1958 гг. Судоплатов и Эйтингон осуждены Военной коллегией Верховного суда СССР за то, что они по указанию Берии и его соучастников Абакумова и Меркулова возглавляли другую специальную группу, на которую возлагалась разработка и

осуществление планов уничтожения и избиения советских граждан.

По этому вопросу Берия в августе 1953 г. показал: “(...) до начала войны мною Церетели намечался на работу в специальную группу, которую возглавлял Судоплатов, для осуществления специальных заданий, т. е. избиения, тайного изъятия лиц, подозрительных по своим связям и действиям. Так, например, имелось в виду применить такую меру, как уничтожение Литвинова, Капицы. В отношении режиссера Каплера намечалось крепко избить его. (...) В эту группу были привлечены мной особо доверенные лица”.

Эти показания Берии подтвердил и Церетели, пояснив, что особая группа “должна была похищать и избивать неугодных лиц из числа советских граждан”. Позднее вместо Церетели заместителем Судоплатова был назначен Эйтингон. В частности, им, Эйтингоном, в 1950 г. был избит литературный работник (писатель Соловьев). В судебном заседании Судоплатов признал, что он принимал личное участие в разработке плана избиения этого писателя.

На следствии и в самом письме Судоплатов не отрицает, что он участвовал в умерщвлении на территории СССР в 1946-1947 гг. четырех человек.(...) Но он не считает себя виновным, т. к. в отношении этих лиц имелись определенные оперативные данные о проведении ими антисоветской работы и умерщвление проведено по указанию, полученному им от бывшего руководства МГБ со ссылкой на инстанции.

В уголовном деле имеются также показания Майрановского, который возглавлял в НКВД-МГБ специальную лабораторию по разработке ядов. Из этих показаний видно, что Судоплатов и Эйтингон требовали от лаборатории ядов, проверенных на живых людях. Собранными следствием доказательствами установлено непосредственное участие Эйтингона в умерщвлении людей путем введения ядов. Число лиц, умерщвленных таким путем, установить не представилось возможным, поскольку фамилии их скрывались.

Кроме того, Судоплатову вменено в вину пособничество Берии в измене Родине в период Великой Отечественной войны. В 1941 г., в первые дни после нападения Германии на СССР Берия предпринял попытку через посла Болгарии в СССР Стаменова начать переговоры с Гитлером об уступке Германии части советской территории. Переговоры с послом Берия вел через Судоплатова, который при встрече со Стаменовым предложил передать Германии Украину, Белоруссию, Прибалтику, Бессарабию, Буковину и Карельский перешеек.

В настоящее время Эйтингон, осужденный на 12 лет лишения свободы, отбыл наказание и находится на свободе. Судоплатов арестован в 1953 г., осужден в 1958 г. на 15 лет лишения свободы, из которых 8 лет отбывает наказание в тюрьме (г. Владимир).

Отдел административных органов ЦК КПСС считает, что оснований для постановки вопроса о реабилитации Судоплатова и Эйтингона не имеется.

Однако, учитывая, что Судоплатов находится под стражей 13 лет, имеет

преклонный возраст (59 лет), является инвалидом второй группы, непригодным к физическому труду, полагали бы возможным поручить Прокуратуре СССР и Верховному суду СССР рассмотреть вопрос о досрочном освобождении Судоплатова в порядке помилования и войти с соответствующим представлением в Президиум Верховного Совета СССР.

Эти предложения поддерживают тт. Руденко и Горкин.

Зам. зав. Отделом

Административных органов ЦК КПСС С. Грачев.

Зав. сектором А. Малыгин»[\[303\]](#).

Однако освобождение главного героя нашей книги не состоялось. Вмешался случай. Процитируем документ:

«Секретно.

СПРАВКА

По ходатайству о помиловании Судоплатова П. А.

Генеральный Прокурор СССР тов. Руденко Р. А. и Председатель Верховного Суда СССР тов. Горкин А. Ф. вошли в Президиум Верховного Совета СССР с представлением о помиловании Судоплатова и освобождении его от дальнейшего отбывания наказания, учитывая, что он имеет возраст 59 лет, тяжело болен и находится в местах заключения уже 13 лет.

Наблюдательная комиссия и администрация тюрьмы своего мнения о возможности применения помилования к Судоплатову не

высказывают, учитывая исключительный характер данного дела.

Представление о применении помилования к Судоплатову было предварительно рассмотрено на Совещании у Заместителя Председателя Президиума Верховного Совета СССР, и на рассмотрение Президиума Верховного Совета СССР вынесено предложение об освобождении Судоплатова от дальнейшего наказания.

Впоследствии некоторые члены Президиума Верховного Совета СССР внесли предложение об отклонении ходатайства о помиловании Судоплатова.

Зам. заведующего Юридическим отделом
В. Волков»[\[304\]](#).

Случилось это 19 декабря 1966 года, а членом, внесшим предложение об отклонении ходатайства, был Николай Викторович Подгорный, Председатель Президиума Верховного Совета СССР.

Павел Анатольевич Судоплатов остался «досиживать» свой 15-летний срок, до конца которого оставалось еще полтора года.

Глава 12. Последний псевдоним

В день ввода войск Варшавского договора на территорию Чехословакии - 21 августа 1968 года - из ворот Владимирской тюрьмы на свободу вышел Павел Судоплатов. За решеткой он провел почти четырнадцать тяжелых, изнурительных лет. На воле его семье жилось тоже тяжело.

Известный график, художник и фотограф Борис Иосифович Жutowский так вспоминает о том времени.

«В один прекрасный момент, придя домой к моему школьному приятелю, я встретил очень красивую, с хрипотцой, остроязычную даму - Эмму Карловну. Хозяева дома потом сказали: «Это жена Павла Анатольевича Судоплатова, заместителя Лаврентия Бери, и он теперь сидит в тюрьме». «А как же это случилось?» - «Он порядочный был человек, интересный, милый, и когда произошла вся история с Берией, Судоплатов впал в летаргический сон. Когда он проснулся, то узнал, что его за это время оболгали. Его осудили и посадили»... Вот такая была легенда. Эмма Карловна - одесская еврейка, бывший полковник того же самого НКВД-КГБ - вела отважную жизнь! У нее были два сына: один приемный, другой свой. Она шила платья, зарабатывала деньги, посылала посылки во Владимирскую тюрьму...»[\[305\]](#).

Рождение «Андреева»

После освобождения Павлу Анатольевичу Судоплатову предстояло как-то устраиваться в гражданской жизни. Его профессиональные навыки в сфере разведывательно-диверсионной работы не интересовали руководство СССР. Пришлось заняться несвойственным делом – писать книги. Позднее он вспоминал:

Однажды «...пришли проведать меня и старые друзья – Зоя Рыбкина, Раиса Соболев ^[306], ставшая известной писательницей Ириной Гуро ^[307], Эйтингон. Пришли выразить свое уважение даже люди, с которыми я не был особенно близок: Ильин, Василевский, Семенов и Фитин. Они сразу предложили мне работу переводчика с немецкого, польского и украинского. Я подписал два договора с издательством “Детская литература” на перевод повестей с немецкого и украинского. Ильин, как оргсекретарь московского отделения Союза писателей, и Ирина Гуро помогли мне вступить в секцию переводчиков при Литфонде».

Чуть позже, благодаря известному историку и писателю Теодору Гладкову, он стал членом Союза писателей.

Вот так началась новая страница в биографии Павла Судоплатова – литературная. Бывший руководитель разведки делал переводы и писал книги под псевдонимом Анатолий Андреев в соавторстве с Раисой Соболев.

Одно из их совместных произведений – роман о первом секретаре КП(б) Украины Станиславе Викентьевиче Косиоре^[308] «Горизонты» – получило даже положительный отзыв в главной партийной газете СССР «Правда». Возможно, что писатель и герой встречались в конце 1936 года. О первой заграничной командировке Павла Судоплатова доложили Станиславу Косиору^[309].

Другое их совместное произведение – роман «Конь мой бежит» – было посвящено первому редактору газеты «Забайкальский рабочий» Виктору Курнатовскому. Стараниями авторов этот персонаж обрел черты киношного «рыцаря плаща и кинжала». Например, он мог стрелять из револьверов с обеих рук^[310].

Полученные за литературную деятельность гонорары служили подспорьем к пенсии и позволяли жить, по словам Павла Судоплатова, «вполне сносно»^[311].

Борьба за реабилитацию

Павел Анатольевич Судоплатов продолжал активно бороться за признание себя невиновным. В первые годы после освобождения из тюрьмы он регулярно писал письма на имя председателя КГБ Юрия Владимировича Андропова и в Комитет партийного контроля. Все его обращения остались без результата.

В середине семидесятых годов прошлого века начали выходить сборники «Динамовцы в боях за Родину», получившие положительную оценку в «Правде» и других центральных газетах. В одной из рецензий подчеркивалось, что «Особая группа НКВД сыграла огромную роль в организации партизанского движения в годы войны». Главный герой нашей книги воспользовался этим и в 1976 году возобновил свои ходатайства о реабилитации. Он писал, что если «Правда», как официальный орган ЦК КПСС, признало героические действия Особой группы, то она не может быть бериевской террористической организацией, как это представлено в его уголовном деле.

В 1976 году председатель КГБ СССР Юрий Владимирович Андропов и председатель Комитета партийного контроля Арвид Янович Пельше дали свое заключение, где отметили, что доказательств причастности главного героя нашей книги к «преступлениям» Лаврентия Берии нет. Это подтвердили своими справками заместитель главного военного прокурора Батурин и начальник следственного отдела КГБ Волков. Дело должны были рассмотреть на заседании Политбюро, однако этому активно воспротивился член ЦК КПСС Михаил Андреевич Суслов. Он был вторым, после Леонида Ильича Брежнева, человеком в СССР, и с ним не хотели

ссориться инициаторы реабилитации Павла Анатольевича Судоплатова^[312]. Несмотря на это, социальное положение правдоискателя изменилось – его прикрепили к поликлинике Четвертого («Кремлевского») управления Минздрава СССР и к военному госпиталю КГБ СССР^[313]. Для пожилого человека с множеством болезней, достаточно вспомнить процитированную выше медицинскую справку, это было очень актуально.

В восьмидесятые годы прошлого века главный герой нашей книги продолжал «бомбардировать ЦК своими заявлениями»^[314]. Вот фрагменты одного из этих обращений. Документ датирован 20 августа 1982 года:

«Члену Политбюро ЦК КПСС, секретарю ЦК КПСС тов. Ю. А. Андропову; члену Политбюро ЦК КПСС, секретарю ЦК КПСС тов. К. У. Черненко; члену Политбюро ЦК КПСС, председателю КПК тов. А. Я. Пельше; председателю КГБ СССР тов. В. В. Федорчуку.

К Вам обращается участник гражданской войны, ветеран-чекист с просьбой о помощи и реабилитации, поскольку КПК ЦК КПСС провел свое расследование и установил мою непричастность к преступлениям, совершенным бывшими руководителями НКВД-МВД и МБ СССР.

В 1934 году меня, имевшего десятилетний опыт оперативной работы, сделали закордонным нелегальным разведчиком ОГПУ, и я стал выполнять поручения ЦК КПСС боевого, конспиративного порядка. В 1935 году мне удалось проникнуть в руководящие круги фашистской ОУН, встречаться с ее главарями в Берлине, Вене, Париже, Бельгии, Голландии, Финляндии, Эстонии. Партия и правительство

отметили мою деятельность моим первым орденом Красного Знамени. И в том же 1937 году на меня было возложено новое поручение ЦК партии в отношении создателя и главаря ОУН Е. Коновальца. В нелегальных условиях, я встретился с Коновальцем за границей, один на один, уничтожил его в мае месяце, а в июле 1938 года благополучно возвратился на Родину.

В 1939 году партия возложила на меня и Эйтингона задачу проведения боевой операции в Мексике, и мы успешно справились с этим поручением. Тов. Калинин М. И., вручая мне, Эйтингону и испанке Каридад Меркадер ордена за это дело, повторил то, что ранее в ЦК КПСС было сказано мне и Эйтингону: “Партия некогда не забудет того, что вы сделали, и будет поддерживать и обеспечивать не только вас, но и ваши семьи”».

Далее автор письма рассказывает о других аналогичных операциях, проведенных сотрудниками Лубянки в тридцатые годы прошлого века. Затем он подробно освещает деятельность Особой группы, мотивируя это тем, что:

«...фальсификаторы сочинили и внесли в обв. заключение и в судеб. приговор по моему делу сплетню, будто “Особая группа, сформированная в начале Великой Отечественной войны, состояла из особо доверенных Берии людей”. Но ведь это ложь! Сознательный подлог! Они отлично знали, что комплектование Особой Группы, происходившее главным образом на Московском стадионе “Динамо”, производилось:

- Из Коминтерна, т. т. Димитров, Мануильский, Долорем Ибаррури, с согласия ЦК КПСС, передали в распоряжение Особой Группы НКВД СССР много сот политэмигрантов, способных владеть оружием. Особенно много было испанцев!

- Из комсомольцев, прибывших по разверстке ЦК ВЛКСМ (см. Постановление ЦК ВЛКСМ от 3.9.1941 г. "О мобилизации для Особой Группы НКВД СССР 800 комсомольцев") из 13 областей РСФСР.

- Из Центрального ордена Ленина института физкультуры во главе со своим проректором тов. Чикиным и спортсменов спортивных обществ Москвы, в том числе знаменитые братья Знаменские и др. Это были добровольцы и их было много сот человек.

- Из органов милиции и пожарной охраны НКВД СССР.

- Из Высшей школы НКВД СССР, из дивизии Дзержинского - рота саперов.

- Из центрального аппарата НКВД-НКГБ СССР и их периферийных органов. Мы получили много агентуры оперативных управлений и отделов НКГБ СССР.

Пользуясь бесконтрольностью, обвинение обошло молчанием это обстоятельство, т. к. оно разрушало основу, на которой базировалась другая фальшивка, также внесенная в обв. заключение и в судебный приговор, гласившая, будто "по планам, разработанным Судоплатовым, Особая группа уничтожала негодных Берии людей, подводя их под несчастные случаи". Ни в одном, повторяю, ни в одном случае ни я, ни подчиненные мне работники Особой Группы с моего ведома,

такого рода дел не проводили. Правда на моей стороне. И это подтверждается тем, что, вопреки требованиям закона, ни в обвинительном заключении, ни в судебном приговоре обвинение не осмелилось и не могло назвать имени хотя бы одного такого пострадавшего. А председательствующий в судебн. заседании Костромин, в ответ на мое требование назвать имя хотя бы одного такого потерпевшего, ответил, что Военная Коллегия такими фактами не располагает.

Еще во время войны, наряду с работой в 4-м управлении, я был назначен начальником бюро в Специальном Комитете Совнаркома СССР, который занимался созданием атомной бомбы. Моей обязанностью были разведка за рубежом и реализация внутри страны полученных разведкой материалов по атомной бомбе. Рабочим аппаратом этого Бюро был возглавляемый мною в НКГБ СССР самостоятельный Отдел "С". В таком качестве я участвовал в заседаниях и работе Специального Комитета, в заседаниях и работе Научно-технического Совета, руководимого тов. Ванниковым Б. Л., а также в деловых встречах (главн. образом в здании НКГБ СССР) с академиками Курчатовым, Алихановым, Кикоиным и зам. наркома внутр. дел Завенягиным.

Не буду останавливаться на подробностях этой моей работы, Они изложены доктором технических наук, профессором Сазыкиным Н. С. в письме, направленном президенту Академии Наук тов. Александрову и в КГБ СССР. Скажу лишь, что отдел "С" оказал существенную помощь нашим ученым, ознакомив их с

новейшими материалами по атомной бомбе, источники – известные физики-атомщики Р. Оппенгеймер, Э. Ферми, К. Фукс и др. Когда у нас, в СССР, произошла авария на одном из атомных проектов, в который вложены были уже сотни миллионов рублей, и наши ученые оказались в затруднении, как выправить положение, Отдел “С” послал в Данию, на встречу с всемирно известным физиком Нильсом Бором, молодого физика, сотрудника нашего отдела, и тот привез информацию, позволившую ликвидировать аварию, восстановить нужное производство и тем самым ускорить создание атомной бомбы.

В период “холодной войны”, в 1946 году, когда вокруг нас стали создаваться военные базы, противники и западные державы активно поддерживали воинствующих националистов и их банды на Украине, Белоруссии и Прибалтике, по указанию ЦК КПСС, в КГБ СССР была создана Спец. служба во главе со мной. Перед нами была поставлена задача: выполнять специальные задания партии и правительства, создавать на военных базах врага агентурно-диверсионный аппарат. Вне Спец. служба готовила операцию против Сеида Нури, одного из инициаторов Багдадского пакта, бывшего иракского премьера, проводившего реакционную проанглийскую политику. Действовать против него мы решили из Турции, для чего создали под соответствующим прикрытием наш опорный пункт во главе с полковником Волковым Н. В., опытным закордонным разведчиком, успешно действовавшим в тылах фашистских войск во время войны. В тогдашней, не нейтральной

Австрии тов. Е. И. Мирковский – Герой Советского Союза – подготовился к проведению диверсионной операции на американской военной базе. Все было готово, однако по указанию инстанции обе операции были отложены.

Оуновские бандиты, при поддержке США и Англии, погубили на Украине тысячи и тысячи советских людей, партийных, советских работников. Среди них: генерал армии тов. Ватутин, польский революционер и генерал т. Сверчевокий, писатель т. Галан, священник Костельник Гавриил, сыгравший серьезную роль в воссоединении униатов о православием. ОУН готовила, но не успела осуществить тер. акты в Москве, для чего приезжала в столицу и жила в “Метрополе” оуновка Дарья Гусьяк. ОУН предполагала взорвать памятник Ленину в Киеве и произвести взрывы в Полтаве на местах Полтавской битвы, ЦК КПСС потребовал применения решительных мер для пресечения деятельности украинских националистов. Мне было поручено выехать во Львов и “сосредоточиться” на розыске и уничтожении Шухевича Романа – главаря банд и националистического подполья...»[\[315\]](#).

Автор не будет комментировать изложенные в этом документе факты. О реальном участии Павла Анатольевича Судоплатова в том или ином событии подробно рассказано в предыдущих главах нашей книги. Да и осуждать чекиста за преувеличение собственной роли в истории советского атомного проекта или борьбе с западноукраинскими националистами после окончания Великой Отечественной войны не следует. Просто не было

другого способа привлечь к себе внимание и восстановить справедливость.

В 1984 году было подготовлено положительное решение о реабилитации Павла Анатольевича Судоплатова, но смерть очередного генерального секретаря ЦК КПСС Константина Устиновича Черненко не позволила планам быть реализованными. Новый руководитель страны – Михаил Сергеевич Горбачев и его тезка – председатель Комитета партийного контроля Михаил Сергеевич Соломенцев (затем ставший председателем Спецкомитета по реабилитации жертв политических репрессий) оставили ходатайства чекиста без ответа.

В 1988 году Павла Анатольевича Судоплатова пригласили в прокуратуру и вручили официальный ответ, где, в частности, сообщалось, что его дело пересматриваться не будет и он осужден как «пособник Берии и Абакумова».

И только в 1991 году начался процесс реабилитации. Военная прокуратура доказала, что Павел Анатольевич Судоплатов не фабриковал фальшивых дел против «врагов народа». Официальные обвинения, что он являлся пособником Лаврентия Берии в совершении государственной измены, планировании и осуществлении террористических актов против правительства и личных врагов Лаврентия Берии, были опровергнуты документально. Главный герой нашей книги был реабилитирован после августа 1991 года, когда КПСС, а спустя несколько месяцев и СССР прекратили свое существование^[316].

Наставник молодежи

В середине восьмидесятых годов прошлого века Павел Анатольевич Судоплатов все еще продолжал находиться в странной опале у руководства КГБ. С одной стороны, его не приглашали на официальные мероприятия, но при этом слушателям Высшей школы КГБ позволяли встречаться с ним в неофициальной обстановке.

Эти рандеву проходили в квартире ветерана разведки. Эмма Карловна болела и не встречалась с гостями. А ее супруг мог часами рассказывать о своем боевом прошлом. Беседы обычно проходили в его кабинете. Он считал, что его слушатели непременно будут работать в разведке, и делился с ними своими знаниями и опытом. При этом «лектор» не сообщал ничего нового – только уже опубликованное в «открытой» печати. Когда слушатели пытались выяснить подробности отдельных операций, например, покушения на германского дипломата Франца фон Папена, то он переводил разговор на другую тему.

Павел Судоплатов много рассказывал об организации партизанского движения в годы Великой Отечественной войны и о своих встречах с Лаврентием Берией и Иосифом Сталиным. Любопытно, что последнего он никак не характеризовал. А его впечатления от общения с первым расходились с образом «кровавого палача и любителя женщин Лаврентия Павловича», созданным газетами времен перестройки. Рассказчик говорил, что Лаврентия Берия делают монстром, который ни в чем не разбирался. Он же вспоминал о нем как о человеке страшном, но очень умном, талантливом, хорошем организаторе [\[317\]](#).

Нежелательный свидетель

О своей деятельности в органах государственной безопасности Павел Судоплатов впервые поведал не российским, а иностранным гражданам. В 1994 году в США и Германии вышла его книга с многообещающим названием «Нежелательный свидетель». Через два года она была опубликована в нашей стране.

В предисловии к русскоязычному изданию Павел Анатольевич Судоплатов, в частности, написал:

«Соблюдая военную присягу, я молчал, пока существовал Советский Союз. Когда деятельность советской разведки и ряд аспектов внешней политики СССР перестали быть секретными после известных событий августа 1991 года и все то, чему я верно служил, перестало существовать, я не мог и не имел права дальше молчать. К сожалению, у меня не было иного выхода, как издать воспоминания первоначально на Западе, так как отечественные издатели были их намерены опубликовать только после консультации в “компетентных инстанциях”. Я искренне благодарен Дж. и Л. Шехтерам, которые сделали литературную запись моих воспоминаний и помогли им увидеть свет»^[318].

Об этой книге много писали на Западе и в нашей стране. Ее охотно цитировали и на нее ссылались многочисленные «историки» и журналисты. Одиночные негативные комментарии специалистов и официальных представителей пресс-бюро Службы внешней разведки воспринимались многими как неуклюжие попытки

защитить «честь мундира». Хотя критика «Нежелательного свидетеля» была объективной. Создателями книги, умышленно или случайно, был допущен ряд исторических ошибок. Другой недостаток книги – Павел Анатольевич Судоплатов рассказал не обо всем, что знал. Например, о минировании Москвы осенью 1941 года. Нельзя не отметить и попытки преувеличить свою роль в отдельных операциях советских спецслужб. Достаточно вспомнить его «руководство» всеми операциями отечественных спецслужб в сфере охоты за иностранными атомными секретами. В реальности Отдел «С» НКВД-НКГБ СССР занимался только обработкой (переводом на русский язык, систематизацией и хранением) добытой внешней разведкой информации. Единственная попытка провести разведывательную операцию в Дании закончилась, мягко говоря, неудачей для Отдела «С». Хотя прямой вины Павла Анатольевича Судоплатова в этом нет. Не он подбирал кандидатов для поездки.

Однако, еще раз оговоримся, вероятнее всего, все эти «перекося» книги «Нежелательный свидетель» можно отнести к желанию американских соавторов вызвать сенсацию, увеличить тираж и, соответственно, гонорары.

Другие книги Павла Анатольевича Судоплатова («Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год»^[319]; «Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930-1950 годы»^[320] и «Победа в тайной войне. 1941-1945 годы»^[321]) были опубликованы уже после его смерти. Сейчас невозможно сказать, как бы отнесся ко всему написанному в них сам Павел Анатольевич Судоплатов. Ведь не читал он этих книг-воспоминаний!

Заключение

Эпилогом к жизнеописанию Павла Анатольевича Судоплатова могут служить слова известного отечественного писателя и историка Кирилла Теодоровича Гладкова, посвященные одному из подчиненных главного героя нашей книги – легендарному советскому разведчику Николаю Ивановичу Кузнецову. Им обоим регулярно приходилось совершать поступки, осуждаемые современным обществом. Например, подло убивать «из-за угла», а не в честном поединке на фронте. И неважно, был ли убийца в мундире немецкого офицера или под «личиною» украинского националиста.

«Они тоже на всем протяжении истории ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ-КГБ играли двойственную роль, иногда героическую, иногда преступную. А чаще всего – одновременно.

С одной стороны, им вменялось в обязанности выполнять функции традиционной тайной полиции, всячески оберегать диктатуру партийной верхушки, а с какого-то момента – единоличную власть всемогущего вождя Сталина, подавлять любое сопротивление, любое несогласие или даже подозрение на вольнодумство. И делать это самыми жестокими методами, вплоть до пыток арестованных, чудовищных лагерных сроков и расстрелов. Всякого усомнившегося в правоте своего дела чекиста ждал тот же подвал и пуля в затылок, выпущенная вчерашним сослуживцем. Регулярно расстреливались и не усомнившиеся ни в чем, лишь потому, что слишком много

знали. Таких в общей сложности за годы сталинщины набралось свыше двадцати тысяч человек, в том числе – множество первоклассных, безусловно преданных Отечеству разведчиков и контрразведчиков.

С другой стороны, нужно было обеспечить подлинную безопасность страны, оберегать ее государственные и военные тайны, проникать в замыслы враждебных держав, выявлять настоящих шпионов и диверсантов.

Люди, которые честно и добросовестно занимались этой работой, зачастую сидели в соседних кабинетах с мастаками лепить фальсифицированные дела, костоломами и палачами. И те, и те одинаково назывались чекистами, носили одинаковые фуражки с голубым верхом, сидели рядом на партийных собраниях и ведомственных совещаниях, иногда даже вместе получали ордена из рук одного и того же благодушного старичка с козлиной бородкой и такими же наклонностями»[\[322\]](#).

notes

Примечания

1

Минкин А. родина любила его меньше, чем он ее. // Новая га-зета, 1996 год, 30 сентября.

Судоплатов П. А. разведка и Кремль. – М., 1996.

Судоплатов П. А. Победа в тайной войне. 1941-1945
годы. - М., 2005., - С. 3.

Судоплатов П. А. разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год. – М., 2001.

Судоплатов П. А. Спецоперации. лубянка и Кремль 1930–1950 годы. – М., 2005.

Судоплатов П. А. Победа в тайной войне. 1941-1945
годы. - М., 2005.

Судоплатов А. П. Тайная жизнь генерала Судоплатова. Правда и вымысел о моем отце: в 2 кн. - М., 1998.

8

Твардовский А. огонь.

9

Хайям о. рубаи.

Судоплатов П. А. разведка и Кремль. – М., 1996. – С. 11.

Религиозное движение, возникшее в XVIII веке среди крестьян в нескольких губерниях российской империи. духоборы считали себя избранным народом, который призван созидать мир на земле. В основных положениях веры они расходились с официальным православием, поэтому их в России преследовали.

12

Учреждена Екатериной второй в 1784 году, в ее состав вошли Крымский полуостров и Тамань.

Начальные мужские одноклассные (двухгодичный срок обучения) и двухклассные (четырёхгодичный срок обучения) школы в дореволюционной России, существовавшие при церковных приходах. В одноклассных церковно-приходских школах преподавались закон божий, церковное пение, чтение церковной и гражданской печати, письмо, арифметика; в двухклассных, кроме того, давались сведения из истории. Материал для чтения был религиозно-монархического содержания.

Неполное среднее или среднее учебное заведение, в учебном плане которого основное место отведено предметам естественно-математического цикла. выпускники имели право поступать в технические, промышленные и торговые высшие учебные заведения, а также университеты.

РГАСПИ. Ф. 17., оп. 100, д. 247610, л. 5.

Судоплатов П. А. Разведка и Кремль. – М., 1996., – С. 11.

Стечкин В. Павел Судоплатов - терминатор Сталина. - М., 2005. - С. 24-26.

Стечкин В. Павел Судоплатов - терминатор Сталина. - М., 2005. - С. 36-37.

РГАСПИ. Ф. 17., оп. 100, д. 247610, л. 6.

Шарапов Э. Судоплатов против Канариса. - М., 2004. - С. 184.

Стечкин В. Павел Судоплатов - терминатор Сталина. - М., 2005. - С. 38.

Шарапов Э. Судоплатов против Канариса. - М., 2004. - С. 184.

РГАСПИ. Ф. 17., оп. 100, д. 247610, л. 6.

РГАСПИ. Ф. 17., оп. 100, д. 247610, л. 7-8.

РГАСПИ. Ф. 17., оп. 100, д. 247610, л. 8.

Стечкин В. Павел Судоплатов - терминатор Сталина. - М., 2005. - С. 40-47.

Папчинский А. А., Тумшис М. А. Щит, расколотый мечом. НКВД против ВЧК. – М., 2001. – С. 47, 48, 49.

Стечкин В. Павел Судоплатов - терминатор Сталина. - М., 2005. - С. 48.

Савченко В. А. Авантюристы гражданской войны: Историческое расследование. - Харьков - Москва, 2000. - С. 254-255.

Судоплатов П. А. Разведка и Кремль. – М., 1996. – С. 12.

31

РГАСПИ. Ф. 17., оп. 100, д. 247610, л. 8.

Плеханов А. ВЧК-ОГПУ. 1921-1928 годы. - М., 2003. - С. 198-199.

Дубовей И. The best of Рабфак. // БелГазета, 2006 год, 13 февраля, № 6 (525).

Плеханов А. ВЧК-ОГПУ. 1921-1928 годы. - М., 2003. - С. 199.

Плеханов А. ВЧК-ОГПУ. 1921-1928 годы. - М., 2003. - С. 206-208.

Судоплатов П. А. Разведка и Кремль. – М., 1996. – С. 12-13.

Стечкин В. Павел Судоплатов - терминатор Сталина. - М., 2005. - С. 69-70.

Шульгин Э. Диверсанты страны Советов против режима Пилсудского. // Независимое военное обозрение, 2004 год, 17 сентября.

Срибненко И. Люди из нержавеющей стали. // Рабочий класс, 2005 год, июль, № 27(274).

Горбунов Е. Активная разведка, переходящая в бандитизм. // Независимая военная газета, 2005 год, 9 сентября.

Горбунов Е. Активная разведка, переходящая в бандитизм. // Независимая военная газета, 2005 год, 9 сентября.

Плеханов А. ВЧК-ОГПУ. 1921-1928 годы. - М., 2003. - С. 209.

РГАСПИ. Ф. 17., оп. 100, д. 247610, л. 3.

История советских органов государственной безопасности. – М., 1977. – С. 200–201.

Энциклопедия секретных служб России. – М., 2003. – С. 221.

Цит. по: Михеев В. Н. Основные направления деятельности органов ГПУ-ОГПУ Центрального Черноземья в 1922-1934 годах. - М., 2003. - С. 82.

Михеев В. Н. Основные направления деятельности органов ГПУ-ОГПУ Центрального Черноземья в 1922-1934 годах. - М., 2003. - С. 82-83.

Энциклопедия секретных служб России. – М., 2003. – С. 226.

РГАСПИ. Ф. 17., оп. 100, д. 247610, л. 3.

Энциклопедия секретных служб России. – М., 2003. – С. 226.

История советских органов государственной безопасности. – М., 1977. – С. 204.

Цит. по: Михеев В. Н. Основные направления деятельности органов ГПУ-ОГПУ Центрального Черноземья в 1922-1934 годах. – М., 2003. – С. 83.

РГАСПИ. Ф. 17., оп. 100, д. 247610, л. 10.

История советских органов государственной безопасности. – М., 1977. – С. 233.

Папчинский А. А., Тумшис М. А. Щит, расколотый мечом. НКВД против ВЧК. – М., 2001. – С. 171–173.

Разведка и контрразведка в лицах.
Энциклопедический словарь российских спецслужб. –
М., 2002. – С. 211.

Энциклопедия секретных служб России. – М., 2003. – С. 221.

Судоплатов П. А. Разведка и Кремль. – М., 1996. – С. 14, 15.

РГАСПИ. Ф. 17., оп. 100, д. 247610, л. 11.

РГАСПИ. Ф. 17., оп. 100, д. 247610, л. 33.

61

РГАСПИ. Ф. 17., оп. 100, д. 247610, л. 47.

Разведка и контрразведка в лицах.
Энциклопедический словарь российских спецслужб. –
М., 2002. – С. 211.

Егорова О. Дамы НКВД. // Спецназ России, 2004 год, март, № 3 (90).

Никандров Н. Иосиф Григулевич. Разведчик,
«которому везло». – М., 2005. – С. 400-401.

Чернявский Г. Иосиф Григулевич: ученый и убийца.
// Вестник, 2001 год, 4 декабря, № 25 (284).

Никандров Н. Иосиф Григулевич. Разведчик,
«которому везло». – М., 2005. – С. 400-401.

Шарапов Э. П. Наум Эйтингон - карающий меч Сталина. - С-Пб., 2003.

Баринов А. О чем молчала писательница Ирина Гуро.
// Забайкальский рабочий., 2005 год, 28 апреля, № 16
(78).

Ветераны внешней разведки России (краткий биографический справочник). – М., 1995. – С. 28–31.

Приказ ОГПУ № 224 от 11 октября 1929 года «О переходе на непрерывную рабочую неделю». // Цит. по: ЛУБЯНКА: Органы ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917–1991. Справочник. – М., 2003. – С. 496–497.

Дубовой И. The best of Рабфак. // БелГазета, 2006 год, 13 февраля, № 6 (525).

Судоплатов П. А. Разведка и Кремль. – М., 1996. – С. 14.

Судоплатов П. А. Разведка и Кремль. – М., 1996. – С. 16.

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о кадрах ОГПУ от 25 мая 1931 года № 51. // цит. по: Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 - декабрь 1936. - М., 2003. - С. 275.

Приказ ОГПУ № 478 с обращением к работникам ГПУ Украины от 28 августа 1931 года. // Цит. по: ЛУБЯНКА: Органы ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917-1991. Справочник. - М., 2003. - С. 536.

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о кадрах ОГПУ от 5 августа 1931 года № 54. // Цит. по: Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 - декабрь 1936. - М., 2003. - С. 276.

Наумов Л. А. Борьба в руководстве НКВД. 1936–1938 годы (Опричный двор Иосифа Грозного). – М., 2004. – С. 31–32.

Энциклопедия секретных служб России. – М., 2003. – С. 218.

Судоплатов П. Разведка и Кремль. – М., 1996. – С. 16.

Чертопруд С. В. Научно-техническая разведка от Ленина до Горбачева. – М., 2002. – С. 36-50, 274-278.

Судоплатов А. П. Тайная жизнь генерала Судоплатова. Правда и вымысел о моем отце: В 2 кн. Кн. 1. - М., 1998. - С. 40

Колпакиди А., Прохоров Д. Внешняя разведка России
- СПб., М., 2001., - С. 19-20.

Бондаренко К. История, которую мы не знаем, или не хотим знать? // Зеркало недели, 2002 год, 29 марта – 5 апреля, № 12 (387).

Бондаренко К. История, которую мы не знаем, или не хотим знать? // Зеркало недели, 2002 год, 29 марта – 5 апреля, № 12 (387).

Динамовцы в боях за родину. Книга вторая. - М., 1979. - С. 282; Лебедь В. Отряд имени Богдана Хмельницкого. // Сб. Динамовцы в боях за Родину. - М., 1975. - С. 45-55.

Лебедь В. На острие. // Сб. Динамовцы в боях за родину. Книга вторая. - М., 1979. - С. 19-33.

Колпакиди А., Прохоров Д. Внешняя разведка России
- СПб., М., 2001. - С. 371-372.

История советских органов государственной безопасности. – М., 1977. – С. 278-279.

Веденеев Д. Специальные мероприятия ОУН. // В мире спецслужб, 2005 год, сентябрь, № 1 (09).

Шевченко С., Веденеев Д. Разведчик «Ярема» и подпольщик «Зот». // Зеркало недели, 2000 год, 19 августа – 1 сентября, № 33 (306).

Веденеев Д. Специальные мероприятия ОУН. // В мире спецслужб, 2005 год, сентябрь, № 1 (09).

Вейгман С. Авангард революции. // Столичные новости., 2004 год, 24 февраля - 1 марта, № 7 (298).

Судоплатов П. А. Разведка и Кремль. – М., 1996. – С. 17.

Павлов В. Управление «С». Во главе нелегальной разведки. – М., 2006., – С. 51.

Чертопруд С. В. Научно-техническая разведка от Ленина до Горбачева. – М., 2002. – С. 42.

Колпакиди А., Прохоров Д. Внешняя разведка России
- СПб., М., 2001. - С. 342-343.

Воскресенская З. И. Под псевдонимом Ирина:
Записки разведчицы. – М., 1997. – С. 62–63.

Отдельные российские авторы упорно называют его «Павло».

Украинская Громада в этой стране была создана в 1935 году и имела пять отделений.

Колпакиди А., Прохоров Д. КГБ: Приказано ликвидировать. – М., 2004. – С. 372-374.

Зуб Э. Сравнительный анализ и его результаты. // События, 2004 год, 7-13 октября, № 41.

Воскресенская З. И. Под псевдонимом Ирина:
Записки разведчицы. – М., 1997. – С. 63–64.

Колпакиди А., Прохоров Д. КГБ: Приказано ликвидировать. – М., 2004. – С. 374.

Колпакиди А., Прохоров Д. КГБ: Приказано ликвидировать. – М., 2004. – С. 374.

Судоплатов П. А. Разведка и Кремль. – М., 1996. – С. 22-23, 25.

Ермаков Т. Спецслужбы страны Суоми накануне и в период Второй мировой войны. // В мире спецслужб, 2005 год, сентябрь, № 1 (09).

107

Правильно – Лоймола, железнодорожная станция в Карелии.

Судоплатов П. А. Разведка и Кремль. – М., 1996. – С. 26-27.

Судоплатов П. А. Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930–1950 годы. – М., 2005. – С. 36.

Легенда, изложенная при задержании П. А. Судоплатовым при его аресте в Финляндии в 1936 году.
// Цит. по: Воскресенская З. И. Под псевдонимом Ирина: Записки разведчицы. – М., 1997. – С. 297–303.

Лайдинен Э. П., Веригин С. Г. Финская разведка против советской России. Специальные службы Финляндии и их разведывательные возможности на Северо-Западе России (1914-1939 годы). - Петрозаводск., 2004. - С. 177-191.

Лайдинен Э. Финская военная контрразведка. // Север, 1999 год, № 9.

Колпакиди А., Прохоров Д. Внешняя разведка России
- СПб., М., 2001. - С. 350-351.

Судоплатов П. А. Разведка и Кремль. – М., 1996. – С. 29-30.

Судоплатов П. А. Разведка и Кремль. – М., 1996. – С. 35–36.

Константинов С. «Карьерист, фанатик и бандит». // Независимая газета, 2000 год, 21 сентября.

Веденеев Д. Специальные мероприятия ОУН в Западной Украине. // В мире спецслужб, 2005 год, октябрь, № 2 (10).

Топтыгин А. Лаврентий Берия. Неизвестный маршал
госбезопасности. – М., 2005 – С. 130.

Гладков Т. К. Коротков. – М., 2005. – С. 295.

Гладков Т. К. Коротков. – М., 2005. – С. 295.

Гладков Т. К. Коротков. – М., 2005. – С. 295.

122

РГАСПИ. Ф. 17., оп. 100, д. 247610, л. 12.

123

РГАСПИ. Ф. 17., оп. 100, д. 247610, л. 12.

Разведка и контрразведка в лицах.
Энциклопедический словарь российских спецслужб. –
М., 2002. – С. 211.

Аничкин Л. Голгофа Мыколы Зернова: «Зачем на Соловках переводить Вергилия?» // Зеркало недели, 2006 год, 21-26 января, № 2(581).

Шаповал Ю. Театральная история. 75 лет назад, в 1930-м, состоялся судебный процесс в деле «Спілки визволення України»././ Зеркало недели, 2005 год, 12-18 марта, № 9(537).

Шаповал Ю. «Фантазер» Михаил Слабченко. // День,
2005 год, 16 апреля

Шаповал Ю. Театральная история. 75 лет назад, в 1930-м, состоялся судебный процесс в деле «Спілки визволення України»././ Зеркало недели, 2005 год, 12-18 марта, № 9(537).

Разведка и контрразведка в лицах.
Энциклопедический словарь российских спецслужб. –
М., 2002. – С. 126.

Колпакиди А., Прохоров Д. Внешняя разведка России. – СПб., М., 2001. – С. 32–33.

131

РГАСПИ. Ф. 17., оп. 100, д. 247610, л. 12.

Энциклопедия секретных служб России. – М., 2003. – С. 717.

133

РГАСПИ. Ф. 17., оп. 100, д. 247610, л. 12.

Энциклопедия секретных служб России. – М., 2003. – С. 560.

135

РГАСПИ. Ф. 17., оп. 100, д. 247610, л. 12.

Энциклопедия секретных служб России. – М., 2003. – С. 474-475.

Энциклопедия секретных служб России. – М., 2003. – С. 475.

138

РГАСПИ. Ф. 17., оп. 100, д. 247610, л. 12.

139

РГАСПИ. Ф. 17., оп. 100, д. 247610, л. 12.

140

РГАСПИ. Ф. 17., оп. 100, д. 247610, л. 13.

141

РГАСПИ. Ф. 17., оп. 100, д. 247610, л. 13.

142

РГАСПИ. Ф. 17., оп. 100, д. 247610, л. 13.

143

РГАСПИ. Ф. 17., оп. 100, д. 247610, л. 13-14.

144

РГАСПИ. Ф. 17., оп. 100, д. 247610, л. 13-15.

145

РГАСПИ. Ф. 17., оп. 100, д. 247610, л. 15-16.

Энциклопедия секретных служб России. – М., 2003. – С. 678.

147

РГАСПИ. Ф. 17., оп. 100, д. 247610, л. 16-17.

148

РГАСПИ. Ф. 17., оп. 100, д. 247610, л. 17-18.

Антонов В. Резидент-дипломат. // Независимое военное обозрение, 2005 год, 16 декабря.

Винокуров С. Рыцарь плаща и кинжала взял в руки палитру. // Трибуна, 2003 год, 28 февраля.

Энциклопедия секретных служб России. – М., 2003. – С. 679.

152

РГАСПИ. Ф. 17., оп. 100, д. 247610, л. 18.

153

РГАСПИ. Ф. 17., оп. 100, д. 247610, л. 18-19.

154

РГАСПИ. Ф. 17., оп. 100, д. 247610, л. 19-20.

155

РГАСПИ. Ф. 17., оп. 100, д. 247610, л. 20.

Абрамов В. Евреи в КГБ. – М., 2005. – С. 263.

157

РГАСПИ. Ф. 17., оп. 100, д. 247610, л. 20-21.

Царев О. «Крестный отец» кембриджской пятерки. // Красная звезда, 2004 год, 22 мая.

159

РГАСПИ. Ф. 17., оп. 100, д. 247610, л. 21.

160

РГАСПИ. Ф. 17., оп. 100, д. 247610, л. 21-22.

161

РГАСПИ. Ф. 17., оп. 100, д. 247610, л. 22-23.

162

РГАСПИ. Ф. 17., оп. 100, д. 247610, л. 23.

Егорова О. Дамы НКВД. // Спецназ России, 2004 год, март, № 3 (90).

Директива ЦК ВКП(б) об учете и проверке в партийных органах ответственных работников НКВД СССР от 14 ноября 1938 года № П4384. // Цит. по: Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937-1938. - М., 2004. - С. 604-606.

165

РГАСПИ. Ф. 17., оп. 100, д. 247610, л. 24.

166

РГАСПИ. Ф. 17., оп. 100, д. 247610, л. 25-31.

Цит. по: Снегирев В. Другая жизнь Дмитрия Быстролетова. // Сб. КГБ открывает тайны., - М., 1992. - С. 22.

Снегирев В. Другая жизнь Дмитрия Быстролетова. // Сб. КГБ открывает тайны., - М., 1992. - С. 21.

Колпакиди А., Прохоров Д. Внешняя разведка России. – СПб. – М., 2001. – С. 433-434.

170

РГАСПИ. Ф. 17., оп. 100, д. 247610, л. 25-31.

Снегирев В. Другая жизнь Дмитрия Быстролетова.//
Сб. КГБ открывает тайны. - М., 1992. - С. 21.

172

РГАСПИ. Ф. 17., оп. 100, д. 247610, л. 25-31.

173

РГАСПИ. Ф. 17., оп. 100, д. 247610, л. 32.

Фирсов Л. С. «Атеист» Лев Троцкий. // Независимая газета, 2001 год, 14 ноября.

Егорова О. Мать Меркадера. // Спецназ России., 2003 год, август, № 08 (83).

Измайлов И. Лев Троцкий. Палач и жертва. // Профиль, 2001 год, май, № 17 (239).

Зенькович Н. А. Вожди и сподвижники.: Слежка. Оговоры. Травля. – М., 1997. – С. 74.

Чертопруд С. НКВД-НКГБ в годы Великой Отечественной войны. – М., 2005. – С. 64.

Колесников Н. Судьба адмирала Щастного. // Красная Звезда, 2002 год, 18 мая; Соколов Б. Политические даты. // Политический журнал, 2004 год, 21 июня.

Зенькович Н. А. Вожди и сподвижники.: Слежка. Оговоры. Травля. – М., 1997. – С. 74.

Цит. по: Зенькович Н. А. Вожди и сподвижники.: Служка. Оговоры. Травля. – М., 1997. – С. 74.

Зенькович Н. А. Вожди и сподвижники.: Слежка. Оговоры. Травля. – М., 1997. – С. 74-75.

Измайлов И. Лев Троцкий. Палач и жертва. // Профиль, 2001 год, май, № 17 (239).

Измайлов И. Лев Троцкий. Палач и жертва. // Профиль, 2001 год, май, № 17 (239).

Егорова О. Мать Меркадера. // Спецназ России., 2003 год, август, № 08 (83).

Зенькович Н. А. Вожди и сподвижники.: Слежка. Оговоры. Травля. – М., 1997. – С. 85-87.

Егорова О. Мать Меркадера. // Спецназ России., 2003 год, август, № 08 (83).

Егорова О. Мать Меркадера. // Спецназ России, 2003 год, август, № 08 (83).

Смирнов С. Палач и жертва. // Континент, 2003, 12-25 марта, № 5 (92).

Егорова О. Мать Меркадера. // Спецназ России., 2003 год, август, № 08(83).

Мария де Лас Эрас Африка («Патрия», «Африка», «Зной», «Мария Павловна») (1909–1988) – полковник госбезопасности. Завербована в 1937 году советской внешней разведкой под кодовым именем «Патрия» в Испании во время Гражданской войны. В 1937–1939 годах работала в секретариате Льва Троцкого. В годы Великой Отечественной войны сражалась в одном из спецотрядов Четвертого управления НКВД-НКГБ (начальник управления Павел Судоплатов). С лета 1944 года по октябрь 1967 года на нелегальной работе во Франции и ряде стран Латинской Америки. После возвращения в СССР неоднократно выезжала с различными разведывательными заданиями за рубеж.

Гутцайт П. Д. («П. Д. Гусев», «Николай») (1902–1939), майор госбезопасности, – резидент советской внешней разведки в Вашингтоне с 1933 по 1938 год.

Егорова О. Красная сирена. // Спецназ России., 2003 год, март, № 3 (78).

Цит. по: Судоплатов П. Разведка и Кремль. - М., 1997. - С. 76-78.

Никандров Н. Иосиф Григулевич. Разведчик,
«которому везло». – М., 2005. – С. 88, 90.

Цит. по: Очерки истории российской внешней разведки. В 6 томах. Т. 3. – М., 1997. – С. 93.

Никандров Н. Иосиф Григулевич. Разведчик,
«которому везло». – М., 2005. – С. 91.

Сикейрос Хосе Давид или Альфаро Сикейрос (1896–1974), мексиканский живописец и график. С 1924 по 1930 год – один из руководителей Мексиканской коммунистической партии. В 1937–1939 годах он принимал участие в гражданской войне в Испании на стороне республиканцев.

Рабинович Г. – работал в США с 1935 по 1939 год под прикрытием должности главы представительства Союза обществ Красного Креста и Полумесяца СССР в Нью-Йорке. Занимался организацией агентурного проникновения в американское троцкистское движение.

Цит. по: Очерки истории российской внешней разведки. В 6 томах. Т. 3. – М., 1997. – С. 93.

Никандров Н. Иосиф Григулевич. Разведчик,
«которому везло». – М., 2005. – С. 106.

Бай Е. Шпион по особым поручениям Кремля. // Известия, 1993 год, 5 мая.

Севрюков Д. «Убийство маршала Тито поручить агенту Максусу». // Трибуна, 2004 год, 19 марта, № 48 (9719).

Цит. по: Очерки истории российской внешней разведки. В 6 томах. Т. 3. – М., 1997. – С. 98.

Цит. по: Колпакиди А., Прохоров Д. КГБ: Приказано ликвидировать. – М., 2004. – С. 412.

Судоплатов П. А. Разведка и Кремль. – М., 1996. – С. 90-91.

Цит. по: Колпакиди А., Прохоров Д. КГБ: Приказано ликвидировать. – М., 2004. – С. 413-414.

Судоплатов П. О чем молчит досье Рамона Меркадера. // Кадровая политика, 2001, № 2.

Лайнер Л. «Венона». Самая секретная операция американских спецслужб. – М., 2003. – С. 213-216.

Колпакиди А., Прохоров Д. Внешняя разведка России
- СПб., М., 2001. - С. 459.

Чернявский В. Г. Разведка: вымыслы и правда. Как создается мифотворчество о деятельности специальных служб. – М., 2004. – С. 13.

Записка зам. начальника 5 Отдела ГУГБ НКВД СССР начальнику Разведуправления Генштаба Красной Армии генерал-лейтенанту Голикову о военных приготовлениях Германии на территории Словакии от 26 сентября 1940 года № 5/13547. // Цит. по: 1941 год. В 2 кн. Кн. 1. - М., 1998. - С. 270-271.

Справка 5 отдела ГУГБ НКВД о перемещении немецких войск к советской границе от 5 января 1941 года б/н // Цит. по: 1941 год. В 2 кн. Кн. 1. - М., 1998., С. 508-509.

Записка Разведуправления Генштаба Красной Армии заместителю начальника 5 отдела ГУГБ НКВД СССР Судоплатову от 1 февраля 1941 года № 665120сс. // Цит. по: 1941 год. В 2 кн. Кн. 1. – М., 1998. – С. 590-591.

Сообщение Разведуправления Генштаба Красной Армии заместителю начальника 1 Управления НКГБ СССР Судоплатову о достоверности разведывательных данных от 7 июня 1941 года № 660608. // Цит. по: 1941 год. В 2 кн. Кн. 2. – М., 1998. – С. 334.

Записка НКВД СССР в ЦК ВКП(б) – И. В. Сталину с препровождением агентурной сводки от 24 октября 1940 года № 4511/6. // Цит. по: 1941 год. В 2 кн. Кн. 1. – М., 1998. – С. 323-324.

Спецсообщение ГТУ НКВД СССР - информационно-разведывательная сводка по Германии от 25 октября 1940 года № 16/48024. // Цит. по: 1941 год. В 2 кн. Кн. 1. - М., 1998. - С. 324-326.

Справка НКГБ СССР от 25 марта 1941 года № 1293. //
Цит. по: 1941 год. В 2 кн. Кн. 1. - М., 1998. - С. 796-797.

Телеграмма НКГБ УССР в НКГБ СССР Фитину о передвижение немецких войск от 2 апреля 1941 года № 1171/сн. // Цит. по: 1941 год. В 2 кн. Кн. 2. - М., 1998. - С. 12-13.

Тимошенко С. К. (1895–1970) – военачальник, Маршал Советского Союза, в 1940–1941 нарком обороны СССР.

Записка НКГБ СССР наркомам госбезопасности Белорусской, Литовской, Карело-Финской и Молдавской ССР, начальникам УНГБ по Ленинградской и Одесской областям относительно порядка сбора информации о концентрации германских войск в приграничной полосе от 24 мая 1941 года № 2/7/6358. // Цит. по: 1941 год. В 2 кн. Кн. 2. – М., 1998. – С. 253.

Судоплатов П. А. Победа в тайной войне. 1941-1945
годы. - М., 2005. - С. 120.

Судоплатов П. А. Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год. – М., 2001. – С. 126.

Судоплатов П. А. Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год. – М., 2001. – С. 127.

Судоплатов П. Тайная игра Сталина и Черчиля в Югославии. // Российский «Кто есть кто», 2001 год, № 6.

Партизанское движение (По опыту Великой Отечественной войны 1941-1945 годов). - Жуковский, Москва, 2001., С. 38-39.

Лубянка 2. Из истории отечественной
контрразведки. – М., 1999. – С. 233.

Осин В. А. «Роль и место контрразведки в военной структуре органов госбезопасности». // Сб. Контрразведка: вчера и сегодня. Материалы научно-практической конференции, посвященной 55-летию победы в Великой Отечественной войне. 26 апреля 2000 года. – Великий Новгород, 2000. – С. 5.

Отчет о боевой деятельности отдельной мотострелковой бригады за период с 27 июня 1941 года по 27 июня 1945 года.// Цит. по: Внутренние войска в Великой Отечественной войне. 1941-1945 годы. Документы и материалы. - М., 1975., - С. 518.

Отчет о боевой деятельности отдельной мотострелковой бригады за период с 27 июня 1941 года по 27 июня 1945 года.// Цит. по: Внутренние войска в Великой Отечественной войне. 1941-1945 годы. Документы и материалы. - М., 1975., - С. 519.

Осин В. А. «Роль и место контрразведки в военной структуре органов госбезопасности». // Сб. Контрразведка: вчера и сегодня. Материалы научно-практической конференции, посвященной 55-летию победы в Великой Отечественной войне. 26 апреля 2000 года. – Великий Новгород, 2000. – С. 5.

Колпакиди А., Прохоров Д. Внешняя разведка России. – СПб., М., 2001. – С. 34.

При слове «партизан» сразу вспоминаются герои советского официального эпоса – пожилой колхозник с ружьем в шапке-ушанке с красной ленточкой, щуплый подросток с автоматом ППШ и с пионерским галстуком на шее и красивая девушка с русой косой до пояса.

Ваупшасов С. А. На тревожных перекрестках.
Записки чекиста. – М., 1971. – С. 204.

Ваупшасов С. А. На тревожных перекрестках.
Записки чекиста. – М., 1971. – С. 204.

В 1941-1942 годах - особо уполномоченный разведотдела штаба Западного фронта, командир разведывательно-партизанского соединения в Белоруссии. В 1943-1944 годах - начальник Латвийского штаба партизанского движения. В 1944-1945 годах - заведующий военным отделом ЦК КП(б) Латвии.

Ваупшасов С. А. На тревожных перекрестках.
Записки чекиста. - М., 1971., - С. 204.

Директива НКГБ СССР о задачах органов государственной безопасности прифронтовых областей № 136/6171 от 24 июня 1941 года. // Цит. по: Лубянка в дни битвы за Москву: Материалы органов госбезопасности СССР из Центрального архива ФСБ России. – М., 2002. – С. 30-31.

Судоплатов П. А. Разведка и Кремль. – М., 1996. – С. 142.

Судоплатов П. А. Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год. – М., 2001. – С. 215.

Судоплатов П. А. Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год. – С. 216.

Судоплатов П. А. Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год. – С. 215-216.

Линдер И. Б., Чуркин С. А. Красная паутина: Тайная разведка Коминтерна. 1919-1943., - М, 2005. - С. 634-635.

Директива НКГБ СССР о развертывании агентурно-оперативной работы органов госбезопасности от 1 июля 1941 года № 168/6939. // Цит. по: Лубянка в дни битвы за Москву: Материалы органов госбезопасности СССР из Центрального архива ФСБ России. – М., 2002. – С. 39–42.

Приказ НКВД СССР № 00882 о создании Особой группы при наркоме внутренних дел СССР. // Цит. по: Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Том 2. Книга 1. Начало. 22 июня – 31 августа 1941 года. – М., 2000. – С. 186.

Воронов В. В. ОСНАЗ – войска особого назначения. – М., 2004. – С. 38.

Попов А. Диверсанты Сталина. – М., 2004. – С. 77.

«Структура народного комиссариата внутренних дел Союза ССР». // Цит. по: Лубянка. Сталин и НКВД-НКГБ-ГУКР «Смерш». 1939 - март 1946. - М., 2006. - С. 307-308.

Лубянка: Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917-1991. - М., 2003. - С. 74-75.

Лубянка: Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917-1991. - М., 2003. - С. 77.

Постановление Совета народных комиссаров СССР «О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе» от 24 июня 1941 года. // Цит. по: Лубянка. Сталин и НКВД-НКГБ-ГУКР «Смерш». 1939 - март 1946. - М., 2006. - С. 289-290.

Воронов В. В. ОСНАЗ – войска особого назначения. – М., 2004. – С. 38.

История создания, применения и развития подразделений специального назначения органов государственной безопасности СССР и Российской Федерации. 1941-1945 год. // <http://by1071.boom.ru/folder2/1941.html>; Судоплатов П. Особая группа. // Независимое военное обозрение, 2001, 10 августа

Приказ НКВД СССР № 001435 об организации 2-го отдела НКВД СССР. // Цит. по: Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Том 2. Книга 2. Начало. 1 сентября – 31 декабря 1941 года. – М., 2000. – С. 163.

Энциклопедия секретных служб России. Авт. – сост.
А. И. Колпакиди. – М., 2003. – С. 780.

Воронов В. В. ОСНАЗ – войска особого назначения. – М., 2004. – С. 41.

Приказ НКВД СССР № 001435 об организации 2-го отдела НКВД СССР от 3 октября 1941 года // Цит. по: Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Том 2. Книга 2. Начало. 1 сентября - 31 декабря 1941 года. - М., 2000. - С. 163.

Попов А. Диверсанты Сталина. – М., 2004. – С. 78-79.

Докладная записка УНКВД по Сталинградской области № 85013 начальнику 2-го отдела НКВД СССР об организации разведывательной и диверсионной работы в тылу противника от 29 января 1942 года. // Цит. по: Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Том 3. Книга 1. Крушение «Блицкрига». 1 января – 30 июня 1942 года. – М., 2003., С. 78

260

Судоплатов П. Особая группа. // Независимое военное обозрение, 2001, 10 августа.

История советских органов государственной безопасности. – М., 1977. – С. 345, 609.

Воронов В. В. ОСНАЗ – войска особого назначения. – М., 2004. – С. 43.

Спецсообщение В. Н. Меркулова И. В. Сталину с приложением проекта постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР об организации в составе НКГБ СССР нового управления от 29 мая 1941 года № 1934/м. // Цит. по: Лубянка. Сталин и НКВД-НКГБ-ГУКР «Смерш». 1939 - март 1946. - М., 2006. - С. 283.

Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об изменении структуры народного комиссариата государственной безопасности» // Цит. по: Лубянка. Сталин и НКВД-НКГБ-ГУКР «Смерш». 1939 – март 1946. – М., 2006. – С. 283-284.

Колпакиди А. Ликвидаторы КГБ. – М., 2004. – С. 11

Вказівка начальникам Управленінь НКГБ УРСР щодо організації диверсійної роботи на окупованій території от 20 серпня 1943 р. // Цит. по: Журнал (на укр. языке) З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. № 1 (12) 2000 год, С. 33-34

Спецсообщения В. Н. Меркулова И. В. Сталину об упразднении 4-го Управления НКГБ СССР № 2684 от 7 мая 1945 года. // Цит. по: Лубянка. Сталин и НКВД-НКГБ-ГУКР «Смерш». 1939 – март 1946. – М., 2006. – С. 512.

Хинштейн А. Скончался последний поэт Лубянки. // МК-Московский комсомолец, 1996 год, 28 сентября, № 184.

Цит. по: Колпакиди А. Ликвидаторы КГБ. – М., 2004. – С. 356.

Цит. по: Судоплатов П. А. Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930–1950 годы. – М., 2005. – С. 685.

Дегтярев К. Штирлиц без грима. Семнадцать мгновений вранья. – М., 2006. – С. 34-44.

272

Группа товарищей. Памяти товарища. // Независимое военное обозрение, 2004 год, 20 августа.

Пейсахович А. Звание героя ему все же присвоили. // <http://www.sem40.ru/warandpeace/military/hero/3874/index.shtml>

Немировская М. На грани катастрофы. // Русский базар, 2006 год, 4-10 мая, № 18 (524).

Стрелкова И. В лабиринтах тайной войны. // Труд, 2002 год, 20 марта, № 47.

Колпакиди А., Прохоров Д. Внешняя разведка России
- СПб., М., 2001. - С. 55-56.

Цит. по: Колпакиди А. Ликвидаторы КГБ. – М., 2004. – С. 356–357.

Судоплатов П. А. Разведка и Кремль. – М., 1996. – С. 299-301.

279

Абаринов В. Борджиа на Лубянке. // Совершенно секретно, 2005 год, март, № 3.

Цит. по: Колпакиди А. Ликвидаторы КГБ. – М., 2004. – С. 369–360.

281

РГАСПИ. Ф. 17., оп. 100, д. 247610, л. 57.

Судоплатов П. А. Разведка и Кремль. – М. 1996. – С. 405–406.

Судоплатов П. А. Разведка и Кремль. – М., 1996. – С. 409–410.

Судоплатов П. А. Разведка и Кремль. – М., 1996. – С. 419–420.

285

Цит. по: Чем Шкуро хуже Судоплатова. // Коммерсант-Власть, 2001 год, № 35.

Соколов Б. Советская история отравлений. // Свобода, 2004 год, 20 декабря.

Цит. по: Чем Шкуро хуже Судоплатова. // Коммерсант-Власть, 2001 год, № 35.

Христофоров В. Отравители с Лубянки. // Литературная Россия, 2005 год, 14 октября, № 41.

289

Операция «Гамлет». // Вечерняя Москва, 2006 год, 9 марта, № 39.

290

Цит. по: Чем Шкуро хуже Судоплатова. // Коммерсант-Власть, 2001 год, № 35.

Судоплатов П. А. Разведка и Кремль. – М., 1996. – С. 458–459.

В органах госбезопасности с декабря 1938 года, когда был вызван в Москву Лаврентием Берией и 3 января 1939 года назначен 1-м зам. начальника Секретариата НКВД СССР. С августа 1939 года – начальник Секретариата. С апреля 1946 года зам. министра внутренних дел СССР. Курировал работу Главного управления лагерей горно-металлургических предприятий. Управление лагерей лесной промышленности, Дальстрой, Управление материально-технического снабжения. Плановый отдел. Главное архивное управление, Отдел перевозок, 2-й (опертехника) и 3-й (Гохран) спецотделы. Позже – к 1951 году – в его ведении находились прежде всего лагерные управления. После смерти Иосифа Сталина и объединения МВД и МГБ под руководством Лаврентия Берии Мамулов вновь возглавил Секретариат нового объединенного министерства и стал членом Коллегии МВД. В апреле 1953 года был снят и отправлен в Грузию зав. отделом партийных, комсомольских и профсоюзных кадров ЦК. После ареста Лаврентия Берии он также 30 июня 1953 года был взят под стражу. В сентябре 1954 года Военной коллегией Верховного суда СССР приговорен к 15 годам лишения свободы. Как отбывший срок заключения освобожден в июне 1968 года.

Абрамов В. Евреи в КГБ. – М., 2005. – С. 338–339.

Пименов Р. И. Воспоминания, т. 2. – М., 1996. – С. 230–231; Меньшагин Б. Г. Воспоминания: Смоленск... Катынь... Владимирская тюрьма... – Париж, 1988. – С. 27.

Абрамов В. Евреи в КГБ. – М., 2005. – С. 345.

Меньшагин Б. Г. Воспоминания: Смоленск...
Катынь... Владимирская тюрьма... - Париж:, 1988. - С. 5-
7.

Меньшагин Б. Г. Воспоминания: Смоленск...
Катынь... Владимирская тюрьма... - Париж, 1988. - С.
123.

Меньшагин Б. Г. Воспоминания: Смоленск...
Катынь... Владимирская тюрьма... - Париж, 1988. - С.
128-129.

Стечкин В. Павел Судоплатов - терминатор Сталина. - М., 2005. - С. 301-303.

Цит. по: Судоплатов П. А. Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930–1950 годы. – М., 2005. – С. 687–692.

Цит. по: Судоплатов П. А. Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930–1950 годы. – М., 2005. – С. 694.

Цит. по: Судоплатов П. А. Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930–1950 годы. – М., 2005. – С. 695.

Цит. по: Стечкин В. Павел Судоплатов – терминатор Сталина. – М., 2005. – С. 303–305.

Цит. по: Стечкин В. Павел Судоплатов – терминатор Сталина. – М., 2005. – С. 306.

Тольц В. Сначала время стало в позу, затем – ему позировали. // Новая газета, 2003 год, 18 августа, № 60.

306

Соболь Р. Р. (1904-1988) – капитан госбезопасности

Соболь Р. Р. взяла этот литературный псевдоним в 1946 году, когда опубликовала свою первую повесть «В добрый путь, Кумриниса!».

Косиор С. В. (1889–1939) – советский государственный и партийный деятель, репрессирован в 1939 году, реабилитирован в 1956 году.

309

Коваль В. Зізнання убивці. // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ, 1995 год, № 1/2

Баринов А. О чем молчала писательница Ирина Гуро? // Забайкальский рабочий, 2005 год, 23 июня, № 24 (86).

311

Демидова О. Дамы НКВД. // Спецназ России., 2004 год, март, № 3 (90).

Судоплатов П. А. Разведка и Кремль. – М., 1996. – С. 479, 481-482.

Катамидзе В. Агент по кличке «Леон». – Лондон, 2005. – С. 340-341.

Судоплатов П. А. Разведка и Кремль. – М., 1996. – С. 479, 481-482.

Цит. по: Судоплатов П. А. Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930–1950 годы. – М., 2005. – С. 684–686.

Судоплатов П. А. Разведка и Кремль. – М., 1996. – С. 482-483, 490.

Он знал все тайны разведки. // Вестник, 2002 год, 29 марта, № 13 (587).

Судоплатов П. А. Разведка и Кремль. – М., 1996. – С. 6.

Судоплатов П. А. Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год. – М., 2001.

Судоплатов П. А. Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930–1950 годы. – М., 2005.

321

Судоплатов П. А. Победа в тайной войне. 1941-1945
годы. - М., 2005.

322

Гладков Т. К. С места покушения скрылся. - М., 1988. - С. 61.